

Orokamonogatari

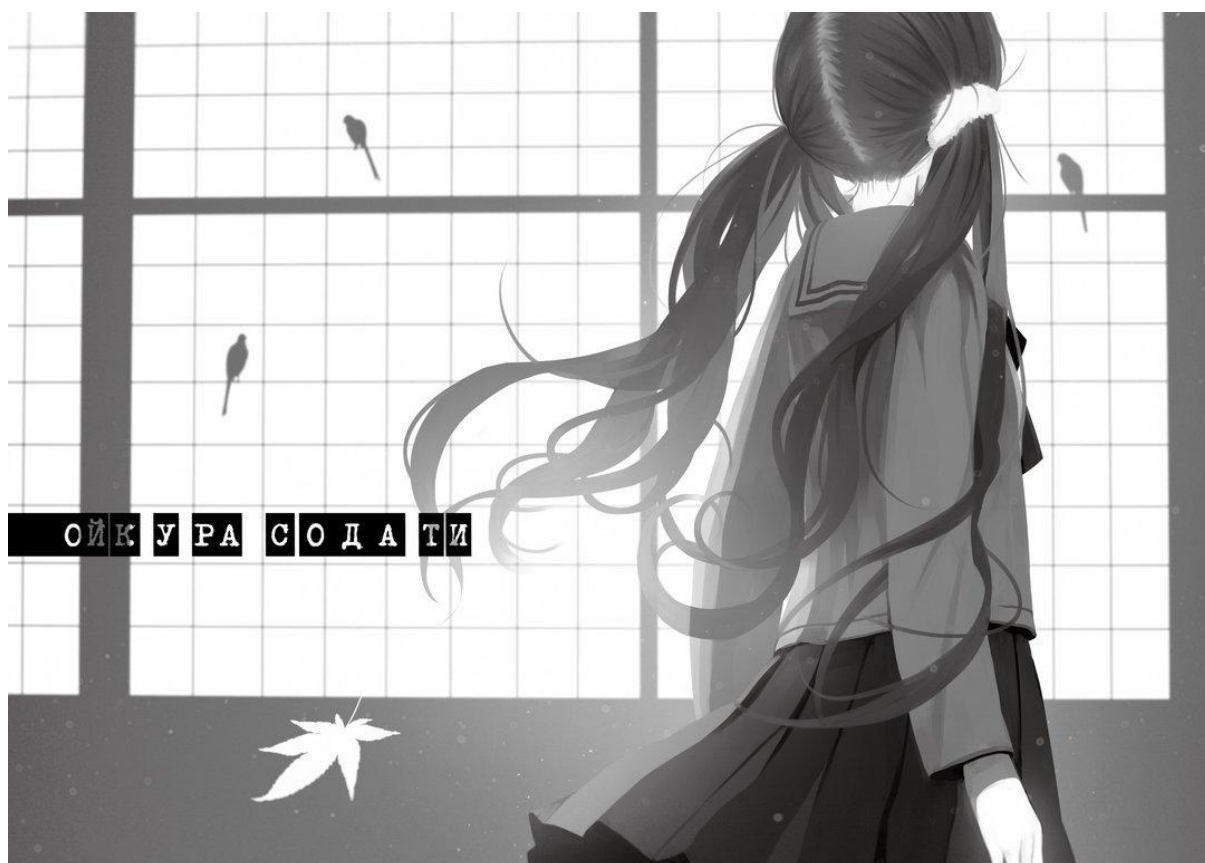
Аннотация

Ононоки Ёцуги — девочка-сикигами, приставленная наблюдать за Арараги Коёми. Эта мёртвая цукумогами сталкивается с некоторыми проблемами, которые выливаются в критическую ситуацию. Что за обстоятельства вынуждают её поставить на кон свою жизнь? Чем дальше развивается «история», тем сильнее набирает обороты накал страстей и ярче горит пламя тревоги.

Эти современные странности! Странности! Странности!

Юность мечется от страданий к покою и обратно.

Фиаско Содати

[illegible]

Прошло уже больше месяца с того дня, как я распрощалась со старшей школой Наоэцу. Могу только сказать, что всё произошедшее там (и даже инцидент в той словно бы проклятой классной комнате, продолжающий терзать мою душу) теперь вспоминается с ностальгией... Пока я не в состоянии забыть случившееся, однако сейчас, будучи далеко от той школы, все события почему-то кажутся мне сном.

Только среди снов бывают и кошмары... Нет, я вовсе не пытаюсь выдать какое-то лирическое клише, а говорю буквально: это было похоже на сон.

Бессвязный, нелогичный, разрозненный, его суть туманна и запутана, он бесконечно широк, и в то же время впечатление от него выпадает в осадок, оставаясь в памяти смутным... Вот такого рода грёзы.

Даже спустя много лет, когда обстановка той классной комнаты полностью сотрётся из моей памяти, я, наверно, не забуду того, что там произошло.

И он тоже.

Возможно, призраки прошлого также преследуют и его.

Порой эти мысли кажутся мне просто восхитительными... Но не будем об этом. Ввиду последних событий, с сегодняшнего дня я начинаю новую школьную жизнь в новом городе.

Приходится волей-неволей.

Оказавшись изгнанницей, сосланной из родного города, я практически впала в безудержное отчаяние и даже подумывала бросить старшую школу, однако дальше мыслей дело не дошло. Сложно «бросить» хоть что-то, и не важно, о чём идёт речь... Бросить школу оказалось так же тяжело, как совершить самоубийство.

«Закончи хотя бы старшую школу!»

Я не думала, что найдётся человек, способный выдать настолько стереотипную фразу. Лично мне казалось, что слова «нет ничего важнее жизни» и «все люди равны» покрыты сомнительным и бесстыжим лицемерием, они до ужаса демонстративны. Однако стоило сказать нечто подобное мне, как я сразу же попала под их магию и тут же согласилась, что так оно, возможно, и есть.

Будучи иждивенкой, о которой обязаны заботиться попечители, я только и могла, что смиренно понурить голову и слушаться... И конечно, в слово «попечители» я не вкладываю смысла «родители».

У меня нет родителей. Ни мамы, ни папы.

Нет их, нет.

Просто не стало.

Так что под «попечителями» я подразумеваю «великодушную чету, стремящуюся заботиться о совершенно одинокой душе, при этом оставаясь для неё людьми совершенно чужими и незнакомыми, поскольку они не имеют с ней никакой родственной связи».

Чета Хакобэ.

Считать их инспекторами по надзору за условно осуждёнными¹ было бы немного неправильно... Если выражаться понятнее, я бы, наверно, назвала их кем-то вроде приёмных родителей?

Когда я вздохнула с облегчением, оставив позади старшую школу Наоэцу со всеми связанными с ней перипетиями, и моя дальнейшая участь повисла вопросом в воздухе, от властей пришло распоряжение отправить меня жить к пожилой супружеской паре. Выделенная для меня комната оказалась ничуть не меньше, чем моя квартира в муниципальном жилом доме, в котором я жила до этого.

Вообще, городские власти должны были позаботиться о моей одиночной жизни даже после того, как отправили в другой город, но что-то пошло не так, и я совершенно не представляю, какой круговорот событий привёл меня к такому результату. Впрочем, это в моей натуре — не заметить, как круговорот непонятных событий куда-то меня уносит. Может, администрация города решила запретить несовершеннолетним детям без родителей жить в одиночку. А может, мне, невезучей девочке, посчастливилось привлечь внимание богатой семьи.

Посчастливилось? Мне-то? Смешно.

Конечно, если бы я пришла в себя и решила упрямо тянуть с выбором до последнего, то смогла бы все это время вести некое подобие одинокой жизни, однако после всех раздумий и сомнений я приняла предложение об опекунов от семьи Хакобэ.

Почему я так сделала? Не знаю, настоящая загадка.

Если честно, не могу сказать, будто у меня совсем нет тёплых воспоминаний о прошлом... Конечно, я считаю ужасным воспоминание о том периоде, когда «укрывалась» в доме совершенно незнакомых людей, и тем не менее это одно из немногих воспоминаний о «доме».

Едва различимое воспоминание.

Я хотела жить в доме.

Если причина была в этом — грош ей цена. Это низкое и даже извращённое желание! То-то я и оказалась на грани безудержного отчаяния.

Просто не верится, что такой жалкий человек, как я, вдруг строит честные отношения с другими людьми. Казалось, ещё месяц назад я была полностью уверена в себе на этот счёт, но теперь, если примирюсь со своим грошовым, низким и извращённым эго, то приму это за поражение.

Приму за проигрыш ему.

Если он изменился, я тоже изменюсь.

Если он обрёл счастье, тогда я стану ещё счастливее... Это моё самое сокровенное желание, и если я хочу его исполнить, то должна расправиться со всем остальным на своём пути.

Поэтому я дала себе установку каждый день ходить в школу из дома Хакобэ.

Мне сказали, что проблем с поступлением в частную школу не будет, так как я получаю пособие от муниципалитета, но всё-таки я решила не искушать судьбу и перевелась в государственную старшую школу.

На моё решение повлияло тщеславие... Оно и раньше губило меня, но так просто от него не отделаться. Поэтому я и выбрала государственную школу с самой большой разницей отклонения от усреднённых баллов в регионе.

Вступительный экзамен оказался проще пареной репы.

В то время, когда я перестала посещать школу, мне ничего не оставалось, кроме как учиться дни напролёт, и эти старания оправдали себя. Что же, так как я перевелась в ноябре, мне осталось всего-то четыре месяца, не больше. Хотя в выпускном классе вроде бы нет третьего триместра, поэтому на деле остался всего лишь месяц?

В таком случае подозреваю, что новая школа не успеет стать мне родной. Вряд ли я в ней приживусь. Не могу сказать, что с удовольствием ходила в Наоэцу, но я уже успела пустить там корни, в особенности в той самой классной комнате.

Даже если и представить, что не существует места более ужасного, чем то, сегодня, в первый день в новой школе, на долю переведённой ученицы всё равно выпадет много неприятностей... Однако беспечность недопустима.

Прокручивать в голове разные бессмысленные планы, чтобы потом потерпеть полный крах из-за непредвиденных обстоятельств, — это мои привычки во всей красе.

Дабы спокойно и без происшествий прожить свою короткую школьную жизнь длиною в месяц, которая выглядит сродни добавке к добавке, я должна быть готовой ко всему.

«Дядюшка, тётушка, я в школу!» — попрощавшись с четой Хакобэ, я вышла из дома. Так закончилась моя передышка. Я не помню, когда она началась; не помню, с каких пор совершенно не посещала школу, но теперь отправилась навстречу своей новой жизни.

Я тебе покажу, Арараги!

Отныне Ойкура Содати будет взрослеть².

Примечания

1. «Инспектор по надзору за условно осуждёнными» (хогоси) и «попечитель» (хогося).

2. Имя Содати происходит от глагола «содацу», значения которого — расти, взрослеть.

Люди, умеющие делать безе, поразительны, вы так не считаете? На мой взгляд, идея разбить яйцо и отделить желток от белка просто блестящая! Однако в процессе приготовления безе взбивается только белок, когда в желтке, как известно, питательных веществ гораздо больше. Согласитесь, это трудно представить, но если долго и упорно взбивать белок, он станет похожим на взбитые сливки. Затем, когда белковая масса превращается в совершенно безвкусную и густую пену, её подслащивают и ставят сушить в духовой шкафу. Меня так восхищает вид готовящегося безе¹... Нет, никуда не годится.

Не пойдёт, не пойдёт, совсем не пойдёт.

Да кто вообще начнёт свою вступительную речь с безе?

Если переведённая ученица в свой первый день поприветствует всех именно так, её, несомненно, наградят прозвищем «Безе»... И мне ещё очень повезёт, если это имечко превратится во что-то приятное вроде «Бозе²», но я бы не стала верить в такое чудо. Гораздо разумнее с самого начала не показывать себя как человека «с приветом».

Я люблю готовить сладости. Вот что сказала бы вся из себя милая девочка, просто сама невинность и беспомощность во плоти. Но я собиралась продемонстрировать окружающим свои сильные стороны, так что эта фраза претит голосу моего разума.

Успокойся, не давай им повода думать, будто ты эксцентрична... Хотя в зависимости от ситуации такая необходимость может возникнуть. Тем не менее с этими одноклассниками мне жить всего лишь месяц, поэтому нет никакой нужды показывать им свою индивидуальность.

Без происшествий.

Моя первоочередная задача — благополучно выпуститься без всяких разборок и нервотрёпки, от которых я страдала в старшей школе Наоэцу. Следует не привлекать внимание своей эксцентричностью, а сделаться незаметной в разумных пределах.

Поскольку переведённые ученики так или иначе выделяются среди всех прочих, я должна как можно скорее стать неприметной. Не хочу всё время слышать возгласы вроде «смотри-ка, новенькая!», какие можно часто встретить в манге.

Всё будет хорошо. Я ведь милая. В привычном понимании.

Я перенесла множество несчастий, но здесь, по крайней мере, не будет той дряни, которая ударила меня по лицу, — Сэндзёгахары Хитаги.

Даже в Наоэцу когда-то у меня были друзья. И как-то раз мальчик признался мне в любви.

А в новой школе достаточно просто сидеть молча: по сути, такого скромного и тихого поведения и ждут от новичка. Школьная форма как раз поможет влиться в коллектив и свести на нет чувство отчуждённости.

Только без глупостей!

Меня зовут Ойкура Содати, рада познакомиться. Прошу прощения за доставленные неудобства своим неожиданным переводом. Мы не успеем оглянуться, как настанет выпускной, но всё же давайте жить дружно, раз теперь учимся вместе.

Вот оно! Абсолютная заурядность! Старайся не выделяться.

Будь самой обычной, и без фокусов!

Прошу вас, зовите меня Эйлером³ в честь математика, которого я глубоко уважаю. Лучше ничего такого не говорить. Не стоит никому раскрывать душу и признаваться, перед кем я преклоняюсь.

Это страшно выматывает.

Просить себя «быть проще» — очень уж по-детски, но это, наверно, один из этапов взросления... Какое же я ничтожество, а!

Пора завязывать с бессмысленным самобичеванием.

Если буду считать себя бедной и несчастной, такой навсегда и останусь... Нет уж, что ни делай, как ни пытайся переосмыслить жизнь и дать ей положительную оценку, ничего не получится. Я пережила столько несчастий, что это просто смешно. По существу, нужно не переосмыслять, а помочь срубить мне голову⁴.

Смотри на вещи иначе! Скажи мне кто такое, и я этого умника прикончу!

Однако не вижу причин, чтобы несчастный человек не сделался однажды счастливым... Если стану счастливой, я тоже буду говорить «смотрите на вещи иначе».

«Ты у меня ещё посмотришь!» — пригрозила бы я ему.

Я пойду на всё ради мести.

...Впрочем, мне кажется, что даже с таким настроем и энтузиазмом все мои усилия в конечном счёте точно окажутся напрасными... Совершенно напрасными.

Необычайное отвращение вкупе с дикой ненавистью — свидетельство того, как много в моей сущности Арараги Коёми. А вот Ойкура Содати для него — всего лишь «одна из многих». Или даже не «из многих», а вообще «никто».

Я не знаю, сколько раз он забывал обо мне.

Сколько раз игнорировал и пренебрегал.

Когда вспоминаю прошлое, кажется, что его отношение ко мне было «особенным», но даже если и так, я не могу с этим смириться. В моих глазах он совершенно безнадёжный человек.

Герой, спасающий людей, но не способный запоминать лица тех, кого он спас... Трудно с этим смириться, однако после всего случившегося у меня нет иного выбора, кроме как признать, что такие люди существуют.

Дело не только в нём: вся семья Арараги забыла обо мне. И с четой Хакобэ будет то же самое... Но я не могу и не собираюсь прожить так всю свою жизнь.

Даже если я всё-таки обрету счастье, сумев пройти через все невзгоды, он лишь спокойно и беззаботно поздравит меня в духе «рад за тебя»... Такая перспектива доводит до бешенства.

Вот куда заводят мысли.

Что бы я ни сделала, к чему бы ни пришла, он так и будет затыкать меня своей добротой? Больно думать, что чем бы я ни занималась и кем бы ни успела стать, он всегда сможет найти для меня жизнеутверждающие слова и произнести их бодрым тоном.

Но, по крайней мере, я абсолютно уверена лишь в одном: если он узнает, что в новой школе я тоже изгой и создаю какие-то проблемы, то сильно расстроится.

Даже если он испытывает угрызения совести, до такой приятной мысли мне нет никакого дела... Всё теперь будет по-новому.

В каком-то смысле он думает, что ничего не изменится.

Я не позволю ему считать, мол, такая уж она есть и ничего с этим не сделаешь!

Самый лучший способ предать Арараги — преуспеть на новом месте. Поэтому первый шаг к победе — «стараться не выделяться».

«Быть нормальным значит быть счастливым», — произнесу я с триумфальным видом. Собрав решимость в кулак, я сошла на третьей остановке от дома Хакобэ и оказалась перед государственной старшей школой Сисикурасаки.

Я ещё не успела зайти за ворота, а уже смешалась с толпой незнакомых учеников, одетых в форму этой школы. Как и ожидала, у здешних совершенно иная порода и нет ничего общего с представителями Наоэцу. Возможно, я предвзята, но мне кажется, что их лица отчасти безмятежны.

Частная школа Наоэцу готовила учеников к поступлению в университет, поэтому все, включая меня, ходили с жадными лицами в предвкушении... Можно даже сказать, в жгучем предвкушении. Конечно, нет смысла жаловаться, я сама поступила в школу с такой атмосферой.

Может, с переездом люди меняются, и это нормально... Осознав, что машинально начала завидовать всем подряд и считать окружающих врагами, я подавила приступ паники.

Ну уж нет, так не пойдёт!

Самое ужасное во мне — комплекс неполноценности, который проявляется так или иначе, и не важно, кто передо мной... Да, знаю.

Моя личность формируется из зависти к другим людям.

Как бы это сказать... Нужно иметь смелость, чтобы признать себя абсолютно никчёмной. Да, это удручает, но именно такой шаг мне и нужен.

Безусловно, есть и другие, похожие на меня, люди, но если я не изменю ход своих мыслей, то так и не сумею сдвинуться с места.

Так и буду стоять как вкопанная, вглядываясь в своё прошлое.

Если принимать всё подряд за соревнование или сражение, мой стресс будет только накапливаться... Хотя не могу сказать, что в этой школе ученики живут без всякого стресса.

Это нереально.

Когда люди вынуждены сосуществовать, между ними в любом случае появляются разногласия, которые вызывают стресс... Именно поэтому нельзя терять бдительность.

В той классной комнате из меня сделали изгоя как раз потому, что я была беспечной и заносчивой. Если буду вести себя как дура, совершу те же ошибки.

Боюсь, могу снова стать хикикомори, запереться и спрятаться от окружающего мира... Мне ещё не довелось узнать чету Хакобэ поближе, но я всё равно не хочу их огорчать.

Не знаю, что ждёт меня в будущем.

В их глазах я стану невероятно нахальной дармоедкой, если после школы сразу же соберусь поступать в университет... Но по правде говоря, это вполне реально, если откладывать всё пособие и стипендию на учёбу. Я ещё не рисовала себе такие перспективы, да и не хочу пытаться, просто есть социальные программы, направленные на поддержку малоимущих.

Радоваться этому ожидаемо трудно, но мне как минимум повезло родиться в стране с такой социальной поддержкой... Так что надо извлечь из этого максимальную пользу.

Я стояла столбом у школьных ворот, погружённая в собственные мысли и ощущая на себе взгляды проходящих мимо людей... Возможно, я привлекала внимание, потому что как-то по-смешному надела школьную форму. А может, у меня мания преследования. Или просто воображение разыгралось из-за чувства неловкости.

На самом деле ответ очевиден: люди пьются на меня лишь потому, что я мешаю им пройти. А может, я просто убегаю от реальности, не желая посмотреться в зеркало и обнаружить, что с моей внешностью что-то не так. С лихорадочной жадой скрыться от этой действительности, я поспешила войти на территорию своей новой школы.

Если посчитать это первым шагом в новую жизнь, то я немного разочарована.

Примечания

1. Иногда Содати воображает, что с ней кто-то или она с кем-то говорит, поэтому, чтобы не путаться, здесь и далее в тексте такие предложения или абзацы будут выделены курсивом.
2. Шатъендранат Бозе (1894—1974) — индийский учёный, который специализировался на математической физике.
3. В японском языке фамилия Эйлер звучит как «ойра», что немного похоже на фамилию Ойкура.
4. «Переосмысление» и «помощь в совершении сэппуку завершающим отрубанием головы» звучат одинаково — кайсяку.

В итоге моя первая речь перед новым классом оказалась не триумфальной, а блеклой. Я во всех отношениях не справилась... Не скажу, что это был полный провал, но моё выступление удачным никак не назовёшь.

Я старалась изо всех сил выглядеть совершенно обычной, а не какой-нибудь чудачкой, но позорно перенервничала ещё до того, как с горем пополам закончила заготовленную речь. Наверняка большинство теперь считает, что меня зовут Осикура.

Страх выступлений пропитал меня насквозь (после того как я почувствовала на себе взгляды примерно сорока человек), отчего язык начал заплетаться, а голос стал до невыносимого высоким и пронзительным... Даже не знаю, сколько раз запнулась за всю свою маленькую речь.

А запинаясь я гораздо чаще, чем говорила правильно.

От стыда хотелось съёжиться, только бы никого не видеть... Но я похвалю себя хотя бы за то, что стояла прямо до самого конца.

Я справилась. С тем, что не справилась совсем.

Не таким я хотела запомнить этот момент... Нет ничего более постыдного, чем заканчивать запланированную речь вот так.

Но я такая, какая есть.

Когда вокруг толпятся люди и пялятся на меня, я теряю ясность ума, поскольку возникает ощущение, что они высматривают во мне недостатки.

Кажется, будто все смеются над моим провалом... Не теряй самообладания, успокойся! В самом деле, не осыпали же меня насмешками! А редкие невольные смешки достались мне лишь потому, что я комично запинаясь. И смех ведь не злой... Они смеются, потому что им весело.

Надо мной посмеялись ровно столько, сколько нужно.

Я просто хотела произнести свою речь без ошибок (что не удалось) и совершенно не питала надежд, что после этого сразу стану популярной (хотя было бы приятно однажды понежиться в лучах славы, слыша отовсюду комплименты вроде «прекрасная речь!»).

Разве горький опыт, полученный в старой школе, не научил меня, что бороться за хрупкое лидерство глупо?

Возьми себя в руки, проанализируй свои действия!

Как в математике, решая сложный и запутанный пример. В этом случае ты просто применяешь все возможные операции для упрощения выражения и разложения его на множители согласно правилам.

Причина, по которой я становлюсь такой упрямой, когда имею дело с коллективом, и застываю, когда вокруг слишком много людей, кроется в моем страхе: я боюсь этих парней и девушек.

Поэтому, если здесь соберётся клика заговорщиков, готовых вершить надо мной насилие, я останусь со своим отчаянием совсем одна... Спокойно. Никто не станет меня бить. В мире не так много сумасшедших, склонных избивать людей только за то, что те облажались и плохо произнесли свою речь. Поскольку я панически боюсь издевательств, лучше даже не пытаться забраться на самый верх иерархической лестницы.

Точнее, меня однажды согнали с иерархической лестницы как раз потому, что я пыталась загнать себя наверх... Нужно усвоить, что я не способна управлять толпой и не могу стоять выше всех.

По крайней мере, теперь.

У меня плохой характер. Я неконтактная. Трусливая. Злобная. Завистливая. Недоверчивая. Непривлекательная. У меня ярко выраженный комплекс жертвы. Я истеричка. Дура, которая хвастается умом. Мазохистка. Я легко пьянею от собственного несчастья. Во всех бедах виню других... Виню Арааги.

По существу, не бывает так, чтобы человек становился популярным просто оттого, что более-менее удачно представился... Можно рассуждать в духе, если перевестись в другую школу не вовремя, волей-неволей станешь популярной, но это большая ошибка. Статус новенькой не поможет мне скрыть гадкую сущность.

Магии не существует, и люди не меняются по щелчку пальцев. Я переехала в другой город, живу в новом доме, сменила школу и ношу теперь другую школьную форму... но это не значит, что я сама изменилась.

Я есть я, и от этого никуда не деться.

Ну ничего, ничего.

Первый шаг в новую жизнь разочаровал меня, я споткнулась и едва ли с грохотом не растянулась на полу, но всё-таки не упала... Не перевернула учительский стол, не швырялась попавшимися под руку вещами, не царапала классную доску, чтобы скрыть стыд из-за провала. Я не расплакалась и не полезла с кулаками на классного руководителя. Не сделала из своего провала ещё больший провал, раздевшись прямо на этом месте.

Ну вот же, избежала худшего!

Казалось, будто я, если можно так выразиться, загоняю себя в угол негативными мыслями, моделируя в голове патовые ситуации. Даже не знаю, чего добиваюсь, стараясь припереть так себя к стенке. В любом случае под конец я теряю контроль над своими мыслями, настолько запутанными и дикими, что похожи они разве что на те, которые роились в моей голове в тот день, когда я предстала в пёстрой пижаме перед самым ненавистным мне человеком.

С другой стороны, ну и что? Подумаешь, не смогла назвать правильно даже своё имя. Конечно, я не собиралась позориться, но и не пыталась строить из себя крутую (слава богу, что не начала рассказывать про безе, иначе, боюсь, реально сошла бы с ума), поэтому ничего страшного: с этими одноклассниками и так осталось учиться не больше месяца.

Просто отбрось свой стыд.

Думай об этом как о реабилитации для поствыпускного периода... Если не смогу преодолеть стыдливость, влиться в общество не выйдет.

Я боюсь повзрослеть и остаться с прежним характером. Сейчас мне восемнадцать лет. Возраст избирателя. Будет ужасно, если к двадцати годам... нет, самое большее к двадцати двум годам я не исправлюсь.

И хотя невозможно знать будущее наверняка, но мне кажется, что если я останусь такой же жестокосердной, то рано или поздно совершу что-нибудь асоциальное, за что меня, вероятно, посадят в тюрьму. Нужно предотвратить это любой ценой!

Желательно прямо сейчас.

Есть несметное число причин, по которым я несчастна, и столько же предпосылок, по которым ясно, что я такой и останусь... Однако нет ни одной причины, почему я не могу стать счастливой.

К тому же моя проваленная вступительная речь дала не только отрицательный, но и положительный результат. Благодаря ей я вполне уяснила, какая атмосфера царит в классе, куда перевелась. В этом помогло наблюдение за одноклассниками, посчитавшими меня чудачкой лишь потому, что я запуталась в словах.

Я сама оказалась подходящим стимулом, который запустил необходимую реакцию.

Всё-таки здесь не так, как в старшей школе Наоэцу.

Эта похожа на стандартную так называемую «школу» в худшем или лучшем смысле... Несмотря на то, что опыт старшеклассницы у меня ничтожно мал, я всё-таки могу прийти к определённым выводам. Если сравнивать эту школу с прежними, то мне кажется, здесь больше царит та же атмосфера, что и в моём классе времён средней школы.

Только я подумала, что люди здесь (особенно такие, как я) пребывают в некотором напряжении, поскольку народу в столь тесном месте немерено, как вдруг поняла, что напряжение в этом классе отличается от того, что испытывали ученики Наоэцу.

Нет.

Отличия могут быть в правилах.

Мне показалось, что здешние негласные правила по сути отличаются от порядков и обычаев Наоэцу... Ведь в моей старой школе учились лучше, результаты экзаменов значительно выше

средних по стране, и эта особенность невольно сказалась на иерархии школьного общества Наоэцу.

Другими словами, неважно, насколько ты хороший человек, насколько сильно твоё чувство справедливости: такого, как Арараги Коёми, будут считать отбросом общества только за то, что у него ужасная успеваемость. Даже тот классный суд, который вынес мне наказание, проводился по поводу успеваемости... Тогда я не видела ничего необычного в подобном собрании, но, размышляя об этом сейчас, понимаю, что это явление до уникальности самобытное.

Старшая школа Сисикурасаки тоже готовила учеников к поступлению в вузы, поэтому нельзя сказать, будто успеваемость никак не влияла на место ученика в иерархии класса. Но в этом социуме, на мой взгляд, куда важнее не оценки, а отношения между людьми.

Кажется, сюда можно приносить смартфоны... В Наоэцу такое даже не представишь... Похоже, навыки общения являются исключительно важным фактором выживания в этом классе. Боюсь, что хорошая успеваемость даст только обратный эффект, и, если не повезёт, меня даже возненавидят. Остаётся уповать на своё обаяние.

...Хорошо, что я поняла это так рано, и в то же время эта мысль погрузила меня в море отчаяния.

Потому что мне критически не достаёт обаяния, на этом я собаку съела. Могу даже похвастаться, что не уступаю самым заурядным и неказистым персонам.

Но, к счастью, мои заминки в речи это не показали, однако, если я не возьму контроль над ситуацией в свои руки, одноклассники раскроют мою истинную натуру. Есть такая поговорка: в чужой монастырь со своим уставом не ходят. Но соблюдать это правило до невыносимого тяжело.

Слишком сурово.

С другой стороны, я никакой не реформатор, чтобы проталкивать изменения в уже существующих правилах. Моё положение в обществе — новичок. Повторюсь: наше общение будет коротким.

Считай, я задержалась на месяц в чужой стране со своими законами. Лучший вариант — опустить голову, сжаться в комочек и куда-нибудь спрятаться, избегая конфликтов с местными. И пока...

Пока я думала, как прожить месяц в старшей школе без всяких происшествий, никуда не встревая и не зарабатывая стресс, мой взгляд упал на одну ученицу... На сорок первого человека из сорока одного...

Место №41.

Её звали Юругасэ Амико.

Когда класс делится на группы по двое, трое или четверо, кто-то всегда остаётся один. Быть таким неприкаянным — характерная черта ненавистного мне Арараги. Но есть одна блестящая идея, как выйти из этой ситуации, которая может произойти в любой момент с каждым: нужно постоянно держать на примете человека, с кем есть возможность без труда образовать пару.

Это чистейшей воды спекуляция, но... будь у меня такой человек, я бы всегда входила в пару, а там уж намного легче образовать группу из трёх или четырёх людей.

Думаю, с такой стратегией я бы всегда без проблем находила себе общество, а не бродила одна. Понятно, что на всех людей не хватает, но такой подход помог бы мне ослабить ощущение полной изоляции.

Для такого скитальца, как я, внезапно подружиться со всеми сорока одноклассниками — слишком непосильная задача, но если среди них найдётся по крайней мере один, с кем я легко сойдуся... «Легко» — это ещё сильно сказано, но если я не справлюсь даже с такой маленькой трудностью, то как жить дальше?

Ну, строго говоря, искать одного придётся среди не сорока, а приблизительно двадцати человек. Потому что заводить дружбу с мальчиком не имеет смысла. Это уже будет расцениваться как шаг против системы... В старшей школе Наоэцу мальчики и девочки учились вместе, то есть были равны в социальном плане или по крайней мере сидели друг с другом, однако в Сисикурасаки места мальчиков и девочек чётко разграничены.

Здесь следовали старому обычаю... Во всяком случае, мне так показалось, но это, наверно, обычная практика для большинства школ, где принято совместное обучение.

Поэтому в столь строгой обстановке девочка лишь привлечёт ненужное внимание, если образует группу по интересам с каким-нибудь мальчиком, а пользы в таком союзе никакой. Всё закончится тем, что к новенькой, заигрывающей с парнями, будут питать вражду.

Девочка-кокетка... Думаю, необязательно говорить, что всё произошедшее между мной и Арараги — одно сплошное недоразумение, и всё же если за мной закрепится такая репутация, мне придётся несладко... Человек с моей натурой однажды попросту сорвётся и впадёт в истерику. Говоря начистоту, всё может закончиться кровавой баней.

Поэтому задача проста: подружиться с кем-нибудь из примерно двадцати девочек, то есть обратить внимание на женскую половину класса. Правда, если у меня всё получится, я это чудом не назову. Ведь, скорее всего, для обычного старшеклассника вполне нормально заводить друзей. Кстати, на первый взгляд, в моём новом классе учится примерно столько же учеников, сколько и в Наоэцу, но мне кажется, что влияние девочек здесь посильнее. В сущности, трудно сказать, что между мальчиками и девочками в Сисикурасаки было какое-то неравенство, но раз уж у меня сложилось такое впечатление, то лучше всё-таки держаться более влиятельной стороны.

Конечно, я просто пытаюсь постфактум рационализировать своё решение. Дело в том, что моя проваленная приветственная речь помогла присмотреться к одной ученице, которую я и наметила своей целью.

Целью, с которой должна подружиться.

А вдруг она скажет то самое «смотри-ка, новенькая!», когда я к ней подойду? Всё-таки для переведённого ученика первый разговор с одноклассником — определяющий момент. Ничуть не преувеличу, если скажу, что от этого зависит моя дальнейшая жизнь в школе.

Будет ли та ученица, с которой я заговорю, добрым человеком? Совпадут ли наши вкусы и интересы? Окажется ли она кем-то вроде лидера в классе?.. Я разузнала заранее (да, я этим занималась) одну рабочую стратегию поведения, которая гарантирует личную безопасность. При появлении в новом социуме нужно намеренно сблизиться с плохой компанией из оголтелых хулиганов, но, судя по всему, в Сисикурасаки, как и в старшей школе Наоэцу, такие не водятся. Местные нравы запрещали девочкам укорачивать юбки и требовали от мальчиков ходить застёгнутыми на все пуговицы. Возможно, здесь радеют о нравственности с большей пылкостью, чем в Наоэцу, где разрешалось ходить неопрятным при хорошей успеваемости. Если бы мне довелось говорить об атмосфере Сисикурасаки откровенно, пренебрегая местными обычаями и правилами, я бы без тени сомнения заключила, что серьёзным, если не сказать *упрямым*, людям вроде меня эта нравственность наверняка кажется удушающе строгой.

Что ж, даже если бы в классе водились хулиганы, не думаю, что смогла бы втереться к ним в доверие. Раньше такое притворство не стоило мне ничего, пусть я и не обладаю хулиганской наружностью, но сейчас я абсолютный ноль и больше на такие трансформации не способна.

...Нет, раньше я бы не стала даже строить подобные планы, а разработала бы что-то более дерзкое. Честно говоря, меня не впервые переводят в другую школу. Подобный опыт уже был в средних классах. Тогда, если можно так выразиться, я перевелась в другую школу, чтобы сбежать из старой¹. Может, во мне сейчас говорит отчаяние, но до суда в старшей школе Наоэцу я обладала сильным духом и была готова соперничать.

Как-никак, в средней школе училась.

Сейчас я уже не способна следовать прежней линии поведения. Мне едва хватает сил держаться свойственных любому человеку принципов. Внутри я пустая как фигурка из папье-маше.

А, или как воздушный шарик. Всего-то надо разок уколоть, и он лопнет с оглушительным хлопком. Кстати, слово «воздушный шарик» звучит прямо как «лодка, гонимая ветром»², так что использовать его в контексте — романтика, да и только.

Веди я себя по-старому, наверняка наступила бы на те же грабли. Если хочу покончить с жизнью неудачницы, нужно научиться находить компромиссы.

А что до самих компромиссов, то я, наверно, должна... Так, ладно.

Короче.

Поставлю себе цель, не поднимая бури.

Начну с одного человека, а к выпускному подружусь со всем классом... Нет, это уже слишком. Заведу пять-шесть друзей. По числу пальцев на руке.

Всё у меня получится.

Я выживу в этом мире.

Буду вести тихую обычную жизнь в этой тихой обычной школе... После тщательных размышлений я выбрала себе кандидата в друзья — ту одноклассницу, которую заметила, пока с запинками произносила своё имя. Её звали Юругасэ Амико.

Конечно, на моё решение повлиял факт того, что меня посадили рядом с ней. Однако это обстоятельство всего лишь вторичная или третичная причина моего выбора.

Основная же откровенно жестока: мне показалось, что Юругасэ Амико была как-то отрезана от остального класса.

Это трудно понять с первого взгляда, да и классный руководитель вроде ничего такого не замечал (или делал вид, что не замечал), но для переведённой ученицы, то есть аутсайдера вроде меня, очевидно, что между Юругасэ Амико и остальным классом есть некая отчуждённость.

Она в изоляции.

Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы предположить очевидное: ей тяжело найти группу, когда одноклассники разбиваются на пары... Кроме того, сорок один — простое число, поэтому не мудрено остаться одной.

В таком случае она наверняка в глубине души радуется, что в классе стало на одного человека больше. Честно говоря, я не чувствую себя гадко, собираясь извлечь выгоду из уязвимости Юругасэ Амико, хотя осознаю, что поступаю недостойно. Но выбирать не приходится.

Просить её о дружбе лишь потому, что ни у одной из нас нет друзей — чудовищно неприлично, но если рассматривать вопрос с точки зрения рыночных отношений, баланса спроса и предложения, то ничего постыдного тут нет. Юругасэ Амико уж точно не повредит настолько взаимовыгодный союз.

Это был бы милый симбиоз.

Ещё одна черта моего характера — искать в общении принципиальные плюсы и минусы, примитивную выгоду и убытки. Но даже в такой ситуации я всё равно машинально занимаю выжидательную позицию. Не могу иначе.

На свете есть люди, которые надеются поднять свою самооценку за счёт разговоров с одноклассником-изгоем. Хотелось бы верить, что такая настойчивая помощь — не что иное, как спасение самих себя. Извините, конечно, но спасать других людей у меня времени нет.

Я ничуть не похожа на Арараги, готового приносить себя в жертву даже в ситуации, где он не может себе этого позволить... Более того, не уверена, достойна ли сама таких жертв.

По правде говоря, время от времени меня посещает одна мысль...

Что на самом деле я, возможно, уже давно покончила жизнь самоубийством, а всё, что сейчас вижу — это расплывчатые предсмертные галлюцинации. Но если я лежу на смертном одре, почему бы не нафантазировать что-нибудь поприятнее, а?

Даже в своих фантазиях я в аду.

Как ни крути, а утверждать, будто счастье или несчастье человека зависит от того, как он смотрит на вещи, — несуразный бред. Но вот мнение, что у человека без нормальной самооценки не будет нормальной жизни, пожалуй, правдиво. И хотя у меня ни в коем случае не стоит цели превратиться в девочку, воодушевлённую любовью, я все-таки серьёзно подумываю пренебречь негласными правилами класса и заговорить с изолированной ученицей, ведь эта идея не лишена смысла.

Ну... Не сомневаюсь, что та староста, Ханэкава Цубаса, так бы и поступила на моём месте. Хотя я ни в малейшей степени не собираюсь брать эту монструозную отличницу за образец.

Я реально умру, если последую её примеру.

...Хочу сказать, что подобных, как бы выразиться, «оригиналов», как Ханэкава Цубаса и Арараги Коёми, обитающих в Наоэцу, здесь не встретишь.

Пожалуй, таких неординарных людей в приличные места дороги не ведут, хотелось бы им того или нет... Впрочем, настолько специфические типажи в диковинку даже школе Наоэцу.

Очевидно, что Юругасэ Амико совсем на них не похожа.

Класс поместил её в изоляцию, а раз так, то она куда ближе по типу к Сэндзёгахаре Хитаги, хотя придётся согласиться, что мне не хватает знаний, чтобы сортировать людей по категориям... Всё-таки Сэндзёгахара Хитаги с самого поступления была необычной старшеклассницей, изолировавшей себя ото всех по собственному желанию.

Это я знаю наверняка, поскольку сама вела жизнь хикикомори, однако человек, по-настоящему тяготеющий к одиночеству, вообще-то никогда бы не появился в школу... Во время нашей последней встречи я заметила, что её характер стал помягче.

Возможно, именно Арараги изменил Сэндзёгахару Хитаги, но вот меня он изменить не смог. Да и был ли у меня шанс так перемениться? Если и был, то не знаю, сколько раз я его упустила.

Нет.

Всё, что сейчас происходит, и есть тот самый шанс, который дал мне Арараги... На этот раз я не упущу благоприятный момент.

Поэтому подружусь с Юругасэ Амико. Сделаю это во что бы то ни стало.

Чтобы добиться цели, я должна подойти к делу со всем энтузиазмом.

...Возможно, полная трата энергии и калорий на то, чтобы завести только одного друга, лишь приведёт меня к новому провалу, прямо как было с тем классным судом, устроив который, я просто пыталась поступить правильно.

Но вы не обязательно ошибаетесь, даже если вам кажется, что это так.

Не обязательно будете несчастны, даже если считаете иначе...

Хотя сама я в этом едва уверена.

Примечания

1. Содати использует жаргон профессионального японского сумо. Она говорит слово «сукасу», означающее, что борец сумо сбегает из хэя (спортивной корпорации), к которой он принадлежит. По правилам сумоисты должны состоять в выбранной ими хэя всю свою карьеру. Также Содати активно употребляет слова, вторыми значениями которых являются термины сумо.

2. «Воздушный шарик» (фу:сэн) состоит из иероглифов «ветер» и «лодка».

Как я уже упоминала выше, между Юругасэ Амико и Сэндзёгахарой Хитаги не было ничего общего, кроме одной детали: они обе были изолированы от класса. И всё-таки перед тем, как обратиться к Юругасэ Амико, я невольно вспомнила первый разговор с Сэндзёгахарой Хитаги.

Тогда я решила справиться у неё об ответах на вопросы с прошедшего экзамена.

Хотя уж кому-кому, а точно не мне справляться о таких вещах.

Пускай моё мнение полностью основано на одних только ощущениях, но всё же я считаю, что в нашем мире вполне себе существуют такие особенные люди, которых иначе как «особенными» не назовёшь... Тем не менее я не стала бы спешить записывать Сэндзёгахару Хитаги в их ряды (а вот какую-нибудь Ханэкаву Цубасу — совершенно точно), однако всё равно вспоминаю о ней, как об одной из таких «особенных».

Уж пора окончательно и бесповоротно позабыть о событиях и людях, связанных со старшей школой Наоэцу (исключая Арараги, конечно, ведь всё, связанное с ним — сплошное исключение), и в то же время никак не могу стереть из памяти то сильное впечатление, которое оставила у меня эта эфемерная болезненная девочка.

Эфемерная и болезненная? Ага, сейчас! Когда недавно я вернулась в Наоэцу после длительного затворничества, Сэндзёгахара Хитаги одним мощным тумаком отправила меня прямиком в школьный лазарет... Однако моё сильное впечатление возникло не в результате того инцидента.

Особенные люди...

Конечно, я ни в коем случае не собираюсь разводить демагогию на тему «что делает „особенных“ людей особенными?». Просто обида разъедает меня изнутри.

Как вы уже знаете, я так и не стала ни для кого «особенной». Ни для Арараги, ни для матери. Даже для себя, кажется, не стала. Ну да ничего.

Раз уж я никакая не особенная, значит, посредственность — это мои рамки.

А если даже заурядной стать не сумею, то так и останусь нулём, помноженным на ноль.

Опять я начинаю думать об этом...

Люди вроде Ханэкавы Цубасы или Арараги Коёми встречаются крайне редко. Таких один на миллион.

И, наблюдая за этими «особенными людьми», я поняла, что за словами «все люди равны» нет абсолютно ничего. Но если «особенные люди» и вправду встречаются крайне редко, буквально один шанс на миллион, получается, столкнуться с ними на своём жизненном пути практически невозможно, не говоря уже о том, чтобы стать одним из них

Наверно, я уже упустила шанс попасть в их ряды.

...Однако встреча с особенным человеком не всегда сказывается положительно на чьей-либо жизни. Хотела бы я знать, сколько простых смертных, по неосторожности связавшихся с этими «особенными», становились пешками в их руках, нещадно эксплуатировались; из скольких выжимали соки, а потом оставляли на обочине?

Учитывая высокий риск ослепнуть от особенного сияния, которое исходит от особенных людей (будь то мужчины или женщины), мудрым решением будет счесть их опасными и держаться от них как можно дальше.

Реальный мир — не манга.

Здесь всё иначе. Только на страницах книг вполне нормально встретить персонажа, который заметно выделяется на фоне других. Ни в коем случае нельзя забывать, что многое из того, чем по сюжету занимаются главные герои манги, расценивается как антисоциальное поведение.

Про это забавно читать развлечения ради, но, если говорить объективно, в реальности такое поведение привело бы к катастрофе... И снова всё свелось к тому, что я начала откровенно завидовать. Я подняла эту тему вовсе не для того, чтобы изливать недовольство на «особенных» людей обоих полов, а чтобы поразмышлять над одним вопросом: как особенные люди стали особенными?

Меня раздражают статейки, в которых приведены статистические данные, говорящие, что большинство людей терпеть не может сочувствие. Обязательно в конце будет какой-нибудь вывод рода: «Знайте, что в открытую проявлять жалость в отношении человека, который пережил немало трудностей, совершенно бестактно. Не стоит думать, что раз у него было несчастливое детство и его проблемы похожи на ваши (и теперь он точно также старается добиться лучшей жизни, как и вы), то он обязательно оценит вашу поддержку». Но если обратиться к статистике, а точнее, к математике с её голыми цифрами, мне ничего не остаётся, кроме как нехотя признать, что в этом суждении есть доля правды.

Если поискать, наверняка где-нибудь найдутся люди, которые добились благодаря честному и упорному труду всего, выработали сильный характер и стали великими, несмотря на то, что пережили насилие в семье... Насилие в очередной никчёмной семейке по типу моей.

Ну и ладно, пусть так.

Однако, следуя той же логике, получается, что особенные люди являются особенными по довольно сомнительной причине, и мои серьёзные разглагольствования вообще ни к чему.

Просто этим уникамам обоего пола больше повезло в жизни.

Они родились в хорошем месте и хорошей семье.

Встречались с хорошими людьми.

Они обладают редкими талантами, им предоставлена возможность трудиться. Но если взглянуть на этот вопрос более широко, всё перечисленное мною вовсе не является чем-то особенным. Такие условия есть везде.

Можно читать очередной бульварный автобиографический бестселлер «великого человека» сколько угодно, хоть до дыр (а такие вещи расходятся в народе словно болезнь), но как бы усердно вы ни пытались повторить все описанные в книге уроки из жизни, вам не удастся добиться того же успеха. Вам не стать особенным человеком, даже если вы начнёте воспринимать чужой опыт как собственный.

Наверняка есть и такие испорченные люди, которые не смогли ужиться с обществом и пошли по преступному пути, несмотря на то, что родились в хорошем месте и хорошей семье, встречались с хорошими людьми, обладают редкими талантами, им дали возможность трудиться.

Согласно статистике... По математическим законам, они точно существуют.

Конечно, меня уже бросает в крайности, когда я говорю о «становлении на преступный путь», однако это не отменяет того факта, что большинство людей не могут сделаться особенными... Так когда, где и почему особенные люди стали особенными?

А что, если такая презренная неудачница, как я, — всего лишь случайная погрешность на нижней границе диапазона? Тогда особенные мужчины и женщины — не более чем случайная погрешность на верхней границе?

Я даже могу взглянуть на это с точки зрения теории эволюции. Возможно, существование особенных людей — не погрешность, а мутация?

И тогда особенные люди обоего пола особенны без какой-либо причины: просто они — более совершенная форма человека. Пускай я немного преувеличиваю, но с такой логикой я хоть немного, но могу согласиться. С такими мыслями я могу сдерживаться при моём невероятном комплексе неполноценности.

Я бы почувствовала облегчение, если бы мне сразу разъяснили, что у существования этих погрешностей нет особых причин. Что я не обязана сочувствовать несчастью несчастных и жаждать быть особенной как особенные люди. Было бы здорово, если бы кто-нибудь заверил в этом таких, как я.

Хотя меня стоит называть не погрешностью, а неисправностью... Будучи сломанным человеком, я должна быть начеку, чтобы от меня в любой момент не избавились. Должна чётко понимать, что к чему.

Особый характер Сэндзёгахары Хитаги, генетический эволюционизм Ханэкавы Цубасы и исключительность Арараги Коёми можно найти только в Наоэцу. А вот в Сисикурасаки таких личностей точно нет.

Отныне и впредь, пока я учусь в этой школе, мне придётся иметь дело с самыми обычными парнями и девушками, по обыкновению жаждущими стать особенными. И Юругасэ Амико — типичный представитель этого общества.

Я, Ойкура Содати, являюсь олицетворением комплекса неполноценности. Я трудный ребёнок, и мои трусость и самоотрицание прибавляют проблем вдвойне. Тем не менее к окружающим я отношусь враждебно и наплевательски и, более того, имею злой нрав, поскольку без зазрения совести игнорирую их характер и права.

Справедливости ради замечу, что принадлежу к низшим слоям общества, и это ничуть не преувеличение. Будь я кем-то другим, питала бы сильное отвращение к подобному мне человеку. Ведь даже сейчас, оставаясь собой, я презираю себя достаточно сильно.

Я вовсе не собиралась принижать изолированную от класса Юругасэ Амико и уж тем более не предполагала оптимистичный исход, при котором она примет меня с распростёртыми объятиями, стоит лишь поздороваться. Однако отрицать не стану: я надеялась, что мой первый разговор с Юругасэ Амико пройдет легче, чем когда-то с Сэндзёгахарой Хитаги.

А если ещё вспомнить стычку с Ханэкавой Цубасой... Релятивизировав неудачный опыт прошлого, я мысленно упростила себе задачу. Но так или иначе, причина, почему я ухватилась за Юругасэ Амико, скрывается в моей слабости, в моей чувствительности.

В моей чувствительности, в моей опасности.

В моём донельзя отвратительном... характере.

Всякий раз, когда людей оценивают по заслугам и создают общий рейтинг, моё место в иерархии оказывается где-то на уровне собаки, да?

Поэтому мне и дали столь неприглядное прозвище — Сколечко. Дешёвый каламбур, возникший из фамилии «Ойкура»¹. Полагаю, ожидать, что меня начнут называть Эйлером в честь математика, которого я глубоко уважаю, несбыточная мечта, так ведь?

Профессору Эйлеру наверняка было бы неприятно от мысли, что его обожает такой убогий человек, как я... Если не отклоняться от сути, моя встреча с Юругасэ Амико прошла не очень.

Не хочется так говорить, но я даже вообразить не могла, насколько всё будет скверно.

Нет, я не запинаясь, как это было в моей приветственной речи перед всем классом. Скорее, отчеканила каждый слог. Чтобы подойти к ней и познакомиться, мне пришлось собрать всё своё мужество, но, к моему удивлению, с каждым новым словом напряжение между нами лишь нарастало.

Возможно, причиной моих неудач стал тот скандал, случившийся в старшей школе Наоэцу, жестокость которого я испытала на себе в полной мере. Я не размышляла об этом как следует, считая, что после такого уж точно стала мастером переговоров... Как же глупо было питать такие иллюзии, пусть даже мгновение!

Но, по правде говоря, я нисколько не считаю те дни, проведённые с особенными людьми, бесцельными. В противном случае меня бы тут не было... Так что хоть и немного, но я всё-таки повзрослела.

Я не стала задирать нос перед Юругасэ Амико, не пыталась обмануть, а говорила с ней искренне, просто стараясь познакомиться.

Не заискивала, но держала себя скромно.

Однако она... не пошла мне навстречу.

Дала ясно понять, что ей это не нужно.

Её реакция ошеломила меня... Я даже не в состоянии описать, насколько огромное унижение испытала в тот момент, поскольку весь класс мог быть свидетелем этой сцены.

Удивительно, что не слетела с катушек.

Возможно, отчасти потому, что помимо испытываемого унижения я просто растерялась. Как бы там ни было, Юругасэ Амико всем своим видом игнорировала меня с самого начала, а в конце моей маленькой речи встала из-за парты и вышла из класса.

Отказ откровенней некуда.

Я даже поверить не могла, настолько он был очевидным. Могла бы и помягче, раз уж ей так не хочется иметь со мной никаких дел.

Нечто подобное мне пришлось пережить, когда я впервые подошла к Сэндзёгахаре Хитаги: тогда на её невозмутимом лице откровенно читалось «не разговаривай со мной, я люблю одиночество». Слишком наивно ожидать от Юругасэ Амико подобный молчаливый отказ, ничего удивительного... Однако есть множество других способов тихо и мирно отделаться от человека. Пусть она испытывает резкую неприязнь к тому, кто с ней пытается заговорить, но не стоило задевать меня так бесцеремонно.

Зачем же так оскорблять?

Что сейчас произошло? Но да, как бы сказать... Её действия уж очень похожи на моё поведение, не правда ли? Впасть в истерику, вести себя эксцентрично, крушить всё вокруг. Так похоже на меня чувствительную и опасную.

Что ж, на её месте я бы до звонка в класс не вернулась, а то и вовсе перестала ходить в школу. В любом случае произошедшее можно описать так: когда с Юругасэ Амико заговорил новичок, та, проигнорировав приветствие, бросилась вон из класса.

Если посмотреть со стороны одноклассников, получается, что переведённая ученица поприветствовала всех, отчаянно запинаясь, а потом рванула дружить с главным изгоем класса, но получила от ворот поворот.

Посмешище.

Радует одно: сегодня я ещё мало где могу потерпеть фиаско, поскольку это лишь первый день в новой школе... Возможно, в конце концов одноклассники забудут мои неудачи, но мне кажется, что таким образом я только готовлюсь покрыть свой провал ещё большим провалом.

Почему же она так поступила? Может, Юругасэ Амико знала, какой порочной я была в старшей школе Наоэцу?.. Иной причины её резкой и драматичной реакции не вижу.

Я пришла из далёких мест, пытаюсь порвать со своим прошлым, но неужели у меня прямо на лице написано, сколько непростительных поступков я совершила?.. Нет-нет, этого просто не может быть.

Иначе бы класс не смеялся над моим косноязычием. Они бы все как один объявили мне, идущей вразрез с социальными нормами, бойкот.

А поскольку эти ужасы не случились, должно быть, у неё нашлись свои причины убежать.

У Юругасэ Амико были на то свои причины.

...Досадно, что я почему-то не подумала об этом раньше, однако стоило облечь свои мысли в слова, как сразу открылось очевидное. Для меня имело значение только то, что она изгой класса, но я даже не задалась вопросом, почему она изгой?

Это лишний раз показывает, насколько я не разбираюсь во взаимоотношениях.

Мне было стыдно, но ещё позорнее то, что я не продумала всё как следует. Я была просто огорошена, но ещё сильнее меня изумила моя же невоспитанность.

Стыдись, дивись собственной глупости, умри!

Я искала одинокого человека, руководствуясь до крайности недалёким суждением «мне будет легче подружиться с тем, у кого на вид мало друзей». Я на самом деле ужасна и должна просто умереть за такое мышление. Умереть сразу же после Арараги. Умри, Арараги!

...В этом нет никакой логической связи, но я кое-как смогла успокоиться, представив смерть Арараги. Тем не менее, прежде чем совершать такую огромную ошибку, нужно было пораскинуть мозгами, почему кто-либо выглядит так, будто у него нет друзей.

Я не великий детектив и не могу делать выводы «на глазок», но я должна была прикинуть, почему у школьника может быть мало друзей. Наверно, потому, что с ним тяжело подружиться, да?

Прямо как со мной или Арараги.

Те, кто с трудом заводит друзей; те, с кем тяжело подружиться — ничуть не особенные и встречаются повсеместно. Поэтому нет ничего странного в том, что Юругасэ Амико — одна из них.

Я пыталась приблизиться к ней, познакомиться, будто это так просто, как дважды два — четыре, но не задумалась о том, какая она; у меня и мысли такой не проскочило. Я совершила большой грех.

Если грешно пытаться подружиться с таким человеком, то я наказана сполна. Боюсь, ярлык «она хотела завести подругу, но получила отказ на глазах у всех» приклеился ко мне навечно, и теперь проблем не оберёшься. Э-эх.

Спокойно проанализировав ситуацию, стало понятно, что от меня ничего не зависело. Даже если бы я на минуту вообразила себя полководцем и отточила свою тактику, ничего бы не вышло просто потому, что я перенервничала из-за первого дня в новой школе. А сбивчивая речь перед классом окончательно выбила меня из колеи.

Уж лучше бы я воспользовалась своим статусом новичка по максимуму, отсиживаясь молча. Возможно, тогда ко мне подошёл бы какой-нибудь чуткий лидер класса и заговорил.

Если бы одноклассники заметили, что я сильно нервничаю и тем самым создаю напряжённую обстановку, они бы точно постарались проявить ко мне интерес, чтобы стабилизировать ситуацию.

А для этого им пришлось бы копнуть глубже и узнать настоящую меня. Получается, я должна скрыть свою истинную сущность, сидеть молча и с нетерпением ждать, когда за меня примутся.

Но пассивное ожидание претит моему характеру. В случае особенных людей желание преодолевать трудности и во всём действовать самостоятельно говорит о смелости и величии, но для бездарности вроде меня это лишь опасный порок.

К тому же из-за него я не склонна искать помощи со стороны. Вот так и выкручивалась до сего дня, умело (неуклюже) просачиваясь сквозь барьеры бюрократической системы соцзащиты, которая, по идее, расставила сети безопасности на каждом шагу в нашем гармоничном обществе.

Я выкручивалась, строила планы и терпела неудачи раз за разом, пытаюсь спасти себя.

Когда мы учились в средней школе, Арараги не помог мне... Уверена, не сделай я в тот раз ничего лишнего, всё бы обернулось иначе, да так, что превзошло бы самые смелые мои ожидания.

В общем, гордость не позволяет мне принимать помощь, если я ничего не могу дать взамен. Да, дурацкая гордость. Вот бы нашёлся человек, способный меня вразумить. Тогда я бы сразу отказалась от подобных мыслей. Это только от особенных людей можно услышать крутые фразочки в духе «я лучше умру, чем поступлюсь гордостью!».

...А что, если Юругасэ Амико думала в том же ключе? Другими словами, приветствие новенькой выглядело в её глазах так, будто на неё набросились... Говоря конкретнее, она, наверно, сочла мой некрасивый выпад чем-то вроде ловушки и решила принять соответствующие меры предосторожности.

Она чего-то остерегается. С чем-то борется.

Я бы не могла назвать свою стратегию выживания скрупулёзной, если бы, ставя себя на место других людей, считала глупым, когда они поступали так же, как на их месте поступила бы я... Но как бы комично ни выглядели мои размышления, это к делу не относится.

Мы с ней разные люди, и всё вышеизложенное — лишь плод моего разыгравшегося воображения, так что Юругасэ Амико могла проигнорировать меня и выскочить из класса по совершенно другим причинам.

Может быть, она просто меня возненавидела. По идее, сегодня мы с ней встретились впервые, но не исключено, что я когда-то в прошлом сильно обидела её. Я могла совершенно забыть о Юругасэ Амико, так же как и Арараги забыл обо мне, причём он даже не догадывается, почему я так жгуче его ненавижу.

Поскольку я себе не верю, то исключить этот вариант не могу. Маловероятно, что мы встречались в прошлом, но всё же я догадываюсь, что нечто подобное могло случиться в те времена, когда я только-только перевелась из одной средней школы в другую. Я тогда была очень своенравной² в отношениях с людьми.

Но вместо того чтобы предаваться диким фантазиям о чудесном воссоединении со старой знакомой, я должна разработать решительные контрмеры на будущее.

Если и дальше буду спотыкаться на каждом шагу в первый же день в новой школе, то просто сгорю от стыда. Нужно придумать план и вернуть себе доброе имя, прежде чем я покрою себя позором окончательно, прибавив новые ошибки к тому, что уже успела заработать на свою голову.

Не то чтобы у падшей девушки вроде меня изначально могла быть какая-то честь, но если смирюсь с позором, придётся тащить его домой подобно солдату, вернувшемуся с проигранной войны, что было бы непростительно по отношению к чете Хакобэ.

Я должна что-то сделать.

Хоть что-нибудь.

...Вот такой я человек: из раза в раз продолжаю истязать себя, притворяясь, будто это хорошая форма самоанализа, но в итоге моя рефлексия приводит лишь к тому, что я постоянно наступаю на одни и те же грабли.

Сейчас я не должна предпринимать никаких шагов, нужно на какое-то время отступить, остыть и привести себя в порядок. Сначала меня обсмеяли во время маленькой речи перед всем классом, а потом опозорили на глазах нескольких учеников.

Но если буду спокойной, это сыграет мне на руку. Раз меня отвергла изгой класса, я с успехом вольюсь в компанию большинства. Пускай немного притянута за уши, но ведь всякое может быть.

Признав Юругасэ Амико так называемым общим врагом, я, возможно, стану своей среди всех остальных одноклассников. А если упущу шанс, это лишний раз покажет, насколько неудачлива профессиональная неудачница Ойкура Содати.

Стремясь понравиться людям, я продолжаю пренебрегать их доброжелательностью... Потому что принципиально не верю в существование такой вещи, как «добрые намерения». И нахожу, что вместо доброты гораздо больше верю в ненависть.

Ну, это, конечно, всё напускное; одни оправдания и бравада, но в остальном я считаю, что влиться в ряды большинства — непосильная задача для меня. Кажется, их жалости я не снесу. А всё потому, что во мне кишат полчища «маленьких я».

Извиваются в беспорядке.

Попытки восстановиться после неудач приводят рой «маленьких я» к новым неудачам. Но несмотря на то, что каждая из «маленьких я» поступает сообразно собственным желаниям, все они, на удивление, способны действовать слаженно, как армейский корпус.

И на этот раз их объектом нападения стала не кто иная, как изгой класса по имени Юругасэ Амико... Что тут сказать? Я есть я, ничего не попишешь.

Примечания

1. По-японски вопрос «сколько?» звучит как «икура».
2. Также «цуппари» является термином сумо, где обозначает «агрессивные толчки руками в грудь соперника».

Извини, Ойкура-сан, я не хотела тебя обидеть. Возникли неизбежные обстоятельства, над которыми я не властна, поэтому у меня не было никакой возможности ответить на твою любезность. Прости, я больше так не убежу. Если ещё не поздно, давай станем друзьями? Я буду обращаться к тебе по имени, ты не против, Содати? О нет, умоляю, можно называть тебя Эйлером?

...Я ничего не могла с собой поделать: мне столь сильно хотелось призвать Юругасэ Амико к ответу, чтобы понять, сама она виновата в случившемся или её вынудили так поступить, что начала воображать всякое. Ну, для меня это неизбежно.

Наверно, провести всю жизнь рядом с таким неисправимым человеком, как я, — неоправданно жестокое наказание. Хотя уж один-то месяц в моей компании наверняка кто-нибудь да выдержит.

Пускай после такой «дружбы» останутся неприятные воспоминания, но вреда никому не будет.

Однако Юругасэ Амико оставалась совершенно безразличной к моим мужественным попыткам подружиться. Каждый раз, когда я подходила к ней на перемене, она игнорировала меня. Это было так же глупо, как если бы мы с ней шли по дороге и она не обращала внимания на заботливо протянутую мною салфетку... Юругасэ Амико так и норовила удрать от меня поскорей, даже не пытаясь скрыть своего недовольства. Она всем видом демонстрировала, что *не хочет иметь со мной никаких дел*; бежала от навязчивого преследования¹ как от огня. Употребив смелое и остроумное образное выражение «как от огня», я только пытаюсь свести к минимуму ущерб, нанесённый моему разбитому вдребезги сердцу. В действительности же правильнее будет сказать, что она *пускалась врассыпную, как пауки*. Несмотря на то, что речь идёт об одном человеке, она бросалась наутёк словно какой-нибудь паучок, беспорядочно и куда глаза глядят, оставляя меня далеко позади, отчего я теряла всякое желание за ней гнаться... И так я снова, в третий, в четвёртый раз опозорилась перед всем классом.

Откровенно говоря, если бы Юругасэ Амико бросила хоть слово, чтобы от меня «отделаться», я бы тут же остановилась на достигнутом результате и перестала её донимать.

Если бы я получила результат, пусть и неуспешный, то смирилась бы... Отступилась от неё с чистой совестью и изменила курс действий. Как говорится, если уж прислоняться, то к большому дереву².

Тем не менее я, будучи вдобавок очень замкнутым человеком, зашла слишком далеко, чтобы теперь отступать, и уже не могу опустить занесённую для удара руку.

Нет, если ситуация не изменится к лучшему, всё закончится тем, что я стукну себя по голове... Самобичевание, самонаказание, саморазрушение, самоуничтожение.

Снова и снова, снова и снова, снова и снова...

Всё сводится к заикливанию на самой себе.

И все мои самоистязания не имеют никакого смысла... Предположим, у меня будет возможность начать с чистого листа. Но стоит хоть какой-то мелочи пойти не по плану, и я распахнуюсь и брошу пытаться.

Звучит так, будто я какая-то «помешанная на чистоте», готовая выбросить на помойку всё, что хоть чуточку испачкается... Смешно. С какой это стати такая грязная девчонка может называться чистоплотной?

Однако я, к своему удивлению, слышала, что даже у чистоплотных людей беспорядок в комнате — отнюдь не редкость: они не могут заниматься уборкой, поскольку боятся испачкать руки. Раз уж я возомнила себя чистоплотной, тогда нужно с чистой совестью отступить от Юругасэ Амико, но проблема в том, что я уже вцепилась в неё и просто не могу отпустить.

Если подумать, мы обе создаём себе неприятные воспоминания. Держим друг друга в положении, где каждый в проигрыше. «Взаимной выгодой» тут даже не пахнет.

Мало того, что я сама не раз опозорилась перед всеми, так ещё и без всякого преувеличения опозорила Юругасэ Амико. Будто принудительно втянула её в гастроль комедийной труппы театра экспромта имени Ойкуры, и нам ничего больше не оставалось, кроме как продолжать это шоу.

Если бы она пошла на компромисс и согласилась прояснить наши отношения раз и навсегда, это только сыграло бы ей на руку. Однако она даже знака не подала, что готова к переговорам.

Я пыталась поговорить с ней каждую свободную минуту до конца учебного дня, но Юругасэ Амико продолжала меня игнорировать. Взаимопонимания мы так и не достигли. Согласно моему изначальному замыслу, я рассчитывала познакомиться с какой-нибудь девочкой, пообедать вместе с ней на перемене, соединив наши парты, а к концу дня, когда она покажет мне школу, заручиться её дружбой. Однако моим идеализированным бредням не суждено было сбыться. Самое время свериться с концепцией предустановленной гармонии³.

Я как была одинокой в начале дня, так и осталась к концу занятий... Пускай я в выпускном классе, но, может, ещё не поздно записаться в какой-нибудь клуб⁴? Нет, там настолько нечего ловить, что впору бежать сломя голову от реальности.

Мне было стыдно показывать своё лицо. Я никуда не могла посмотреть, ни в одну из сторон света.

Стараясь доказать проклятому Арараги, что люди могут меняться, я показала ему совершенно обратное. И даже сейчас меня куда больше волнует, как бы не попасться на глаза Арараги (которого здесь даже нет), чем то, что весь класс занял выжидательную позицию и холодно следит за мной.

Я в таком отчаянии, что вырвала бы оба глаза проклятому Арараги, будь он здесь.

И всё же я не сдалась (*сдайся уже!*).

Значит, мой последний шанс на сегодня — поймать Юругасэ Амико после уроков. Я прикусила губу и, как только закончился классный час, подбежала к месту, где сидела Юругасэ Амико. Это была моя не первая и не вторая, а пятая попытка поговорить. Однако она словно предвидела мои действия и просто испарилась, стоило мне отвернуться на миг.

Мой план воспользоваться статусом новенькой и попросить Юругасэ Амико показать школу с треском провалился. Уму непостижимо, я ведь даже решила простить её за продолжительный игнор, если бы она провела меня по школе! Пока я без тени сомнения думала, что своими поступками делала большое одолжение Юругасэ Амико, во мне медленно закипала злость. Ведь она сбежала в пятый раз! Пусть так. Я не стала стоять столбом, а выбежала из класса вслед за ней.

Стоять в замешательстве все те четыре попытки — решение глупее некуда. Но нет, хватит с меня таких «уроков». Я больше не буду по-глупому изображать столб.

С учётом сложившейся ситуации, и сама Юругасэ Амико, и одноклассники, пожалуй, недоумевают, почему я вцепилась в неё... Что интересно, никто из класса даже не засмеялся, когда я бросилась бежать по коридору с портфелем наперевес.

Они видели меня крайне странным человеком.

Сообразительные одноклассники наверняка предположили, что мы с Юругасэ Амико давно знакомы⁵... Но, к сожалению, их домыслы далеки от правды. Если у меня и есть с кем-то кармическая связь, то это точно Арааги.

Так вот, после многочисленных решительных отказов я почти начала ненавидеть Юругасэ Амико (хотя эта ненависть существенно уступает ненависти, которую я испытываю к тому же Арааги).

Жгучее возмущение придало мне сил бежать.

Я уже прекратила рисовать в голове пасторальные картинки и больше не надеялась, что эта девочка покажет мне школу после уроков. Или что мы побродим вместе по городу, зайдём куда-нибудь выпить чаю...

Враждебность переросла в яростное желание поймать и отчитать Юругасэ Амико (при условии, что догоню её) в духе «а ну хватит уже!».

Я ринулась за ней не потому, что всё ещё надеялась подружиться, нет. Нюанс в том, что я просто хотела отвлечься от тоски, догнав и отчитав её. Наверно, если скажу, что меня подгоняли злобный характер и желание насолить Юругасэ Амико, которая раз за разом отказывалась идти навстречу, то несколько не солгу.

Хотелось покончить с этим раз и навсегда.

Обычно я с трудом довожу дело до конца и все мои усилия идут прахом, когда случается непредвиденное, однако в этот раз односторонний подход наконец принёс свои плоды.

Ведь ситуация другая, и я имею дело не с Арараги, Сэндзёгахарой Хитаги или Ханэкавой Цубасой. Но стоило мне, пробежав по коридору и свернув к лестнице, увидеть, что Юругасэ Амико остановилась (чего и следовало ожидать), как меня внезапно охватило разочарование⁶ и растерянность, а в голове зароились мысли, в своём ли я уме?

Она уставилась на меня угрожающе-пронзительным взглядом, грозно скрестив тонкие руки на груди. Я не ожидала, что попаду в «засаду», поэтому моя решимость ослабла, стоило Юругасэ Амико окинуть меня яростным взглядом.

Я дрогнула. Она остудила мой пыл одним лишь взглядом. Ещё недавно я думала, что буду преследовать Юругасэ Амико хоть до края земли, но в итоге, настигнув её, даже не знала, какое выражение лица соорудить.

Сказать ей «а ну хватит уже!» я больше не могла, это точно... Объективно, это её черед говорить мне эту фразу.

Однако для меня быть объективной ещё сложнее, чем обернуться птицей или кошкой. А может, я вообще должна быть собакой?

Согласно иерархии в обществе, людей сортируют по их персональным качествам. В таком случае тот, кто бежит за всеми, будет напоминать собаку, верно? Кажется, я увязалась за Юругасэ Амико словно собачонка какая-то, которая упрашивает человека дать поиграть с ней. Когда собаке кто-то или что-то не нравится, она может сорваться с цепи. Я как бродячая или, если не стесняться в выражениях, бешеная собака... И если такая собака привязывается к тебе, вынуждая «играть в догонялки», неудивительно, что Юругасэ Амико встретила меня с такой злобой. Наверно, у неё закончилось терпение? То есть она усилием воли терпела меня до этого момента. Раз Юругасэ Амико стойко переносила моё общество целый рабочий день, значит, этот изгой класса не такой уж плохой человек, как я думала, верно? Все эти мысли начали бесцельно блуждать в голове, когда мой гнев полностью остыл, однако...

«Ты чё?» — услышав этот угрожающий и тихий голос, я внезапно пришла в чувство... Хм? Что? О чём она? «Кречет»? Нет, я же буквально только что решила, что мне вовеки не обернуться птицей... Но она сказала «кречет»? Почему? Имеет в виду, что когда эта птица кричит, её протяжное «кеек-кеек-кеек» доводит до бешенства? Это она так намекает, что я целый день кругами летала вокруг неё, издавая эти жуткие звуки? Она серьёзно назвала меня кречетом?

Какое жестокое оскорбление!

«Ты чё выкидываешь? Мозг на череп давит?»⁷

Когда она повторила вопрос, я всё поняла. Так это не «кречет», а «ты чё»? Было трудно разобрать, что она говорит, из-за особенностей её произношения, но выходит, что меня не оскорбили, а просто обратились. Постойте, но её «мозг на череп давит» — явное оскорбление, не так ли?

Хотя, возможно, у местных это обычный комплимент, и так она похвалила меня, имея в виду, что я умная: так много мозгов, что в черепной коробке не помещается. Поэтому не стоит

бездумно злиться, иначе несладко придётся, если я продолжу скоропалительно действовать и считать за нападки все адресованные мне слова. Я должна вникать в скрытые в них нюансы, а не принимать сказанное за чистую монету. Тем не менее, если докапываться до этих самых нюансов, в её обращении «ты чё?», на мой взгляд, явно читалась враждебность.

«Человек специально её сторонится, а она — ни в какую. Чё за фигня, алё? Ты в натуре двинутая?» — чем дольше я размышляла, о чём она говорит, тем сильнее казалось, что Юругасэ Амико решительно и красноречиво, распаляясь всё больше и больше и сверкая глазами, объясняет, что она вовсе не игнорировала меня.

...Моя речь тоже оставляет желать лучшего, однако для такой хрупкой девушки Юругасэ Амико выражается чрезвычайно грубо.

Хотя нет. Поскольку это присущий местным жителям говор (непривычный моему уху), на слух он кажется грубее, чем есть на самом деле. В любом случае за всю жизнь мне ни разу не доводилось привыкать к чужой культуре и климату, да ещё и в такие короткие сроки.

Положение патовое, неплохо бы заручиться поддержкой синхрониста.

В голове роились эгоистичные мысли, и я сама не заметила, как вновь почувствовала себя чужаком в новой школе. Я поняла это сполна.

«Чапай сюда».

Сказав это, Юругасэ Амико поманила меня за собой и, не дожидаясь ответа, начала подниматься по лестнице. Видимо, она решила повести меня наверх из желания уделить немного времени на объяснения. Потому что иначе спустилась бы вниз и ушла домой.

Мы бы наверняка вскоре столкнулись с одноклассниками, если бы продолжили стоять возле лестницы, так что уйти в другое место было явно не глупой идеей.

Однако стоило поразмыслить, нужно ли так наивно слушаться Юругасэ Амико. От неё веяло опасностью, поэтому идея развернуться и уйти восвояси показалась мне не такой уж глупой. Даже больше — единственно верным выбором.

Отступить — самое адекватное решение. И, раз уж речь зашла об этом, уйти вовремя — очень по-взрослому.

Это было бы взрослое решение, правильный выбор и наиболее приемлемый поступок, подобающий истинной леди... Тем не менее я, попав в такое положение, поступила иначе, на радость людям, считающим, что на Ойкуру Содати надеяться нельзя: она попросту не способна принять взрослое решение, сделать правильный выбор и поступить так, как подобает истинной леди.

Но дело не в желании докопаться до правды.

О том, почему Юругасэ Амико с таким упорством избегала меня и почему она изгой класса. Я просто не видела в этих обстоятельствах какого-либо интереса для себя.

Честно говоря, не хотелось лезть в это дело.

Я думаю только о себе, и в моём сердце нет и крошечного уголка, где бы уместилось беспокойство о судьбе других людей. Потому что в нём царит ненависть к этому отвратительному мужчине.

Говоря по правде и не опасаясь быть превратно понятой, Юругасэ Амико ни капли меня не интересовала. Но, несмотря на все обстоятельства, я отправилась следом за ней сразу после того, как она закончила фразу (по-моему, это означало «иди за мной»).

А убежала б, показала бы себя трусихой.

Хотя, если бы я повернулась к ней спиной и *ушла*, такое вряд ли назовёшь *бегством*. В порядке уточнения замечу, что если бы я действительно рванула прочь, то это уже был бы не эскапизм, а эвакуация. Но вместо бегства я выбрала идти по лестнице, прекрасно понимая, что меня ждёт.

Я будто погружалась в тёмные воды Кровавого пруда⁸.

Примечания

1. Также «куисагару» является термином сумо и означает «схватить переднюю часть пояса соперника, приставив свою голову к его груди, и, опуская бедра и смещая свой центр тяжести вниз, вытеснить его».
2. Также пословица «ёраба тайдзю но кагэ» означает «искать себе сильного покровителя».
3. Понятие, введённое в философию Готфридом В. Лейбницем, согласно которому между монадами (неделимыми первоэлементами бытия) существуют гармоничное взаимоотношение, согласованность и единство, изначально установленные богом, благодаря чему ни одна из монад не может влиять на другие, ибо каждая из них есть отдельная независимая субстанция. Содати считает, что ей «богом написано» терпеть неудачи, и поэтому она, как монада, никак не может ни на что повлиять. Обстоятельства складываются независимо от её участия.
4. Ученики на третьем году старшей школы, как правило, не участвуют в клубной деятельности, поскольку находятся по уши в учёбе, готовясь ко всевозможным экзаменам.
5. Также «иннэн» является термином из буддийской философии, обозначающим закон прямой причины и непрямого следствия (сила, управляющая действиями всего в природе).
6. Также «катасукаси» является термином сумо и обозначает «скручивание захватом разноимённой руки снизу и упором предплечьем другой руки в шею сверху».
7. С учётом используемых Амико слов можно сказать, что она разговаривает на Кавати-бэн — южноосакском наречии кансайского диалекта. Если допустить, что действия в предыдущих томах ранобэ разворачивались в районе префектуры Ниигата (где находится город Дзёэцу, образованный из двух других городов: Такады и Наоэцу), и вспомнить, что Содати переехала, можно предположить, что манера разговора Амико звучит для неё грубо,

поскольку не только Кавати-бэн считается одним из самых грубых в Кансае, но и Дзёэцу находится на значительном удалении от Осаки.

8. Сангхата — третий из восьми «горячих адов» в буддизме. Он расположен прямо над раскалённым железом. Там находится Кровавый пруд, в котором варятся грешники. Также есть горячий источник, реально существующий в японском городе Беппу, который имеет аналогичное название благодаря кроваво-красному оттенку воды ввиду присутствия в ней большого количества оксида железа.

Если задуматься, я впервые в жизни столкнулась с другим диалектом, и, возможно, именно это выбило меня из колеи. Не успела как следует обдумать свой поступок, вот и совершила глупость... Нет, какое-то дешёвое самооправдание.

Я не помню, чтобы после перехода из одной средней школы в другую меня вводили в ступор небольшие (а иногда и ощутимые) различия в языке. Наверно, потому, что раньше я не переезжала в такую даль?.. Конечно же, элементы моей повседневной речи тоже входят в другие диалекты.

Даже так называемый стандартный язык произошёл от диалекта одного из регионов страны¹. Вся эта «правильная речь» — лишь хрупкая коллективная иллюзия.

Следует помнить, что моя манера речи — редкость для местного населения. А вот речь Юругасэ Амико (даже если не учитывать её злость) для меня грубовата. В то же время моя манера выражаться может быть расценена местными (в том числе ею и другими одноклассниками) как нежелание подстраиваться под окружение, то есть выглядит как отторжение новых условий.

Получается, что даже если бы я произнесла речь перед классом (который окатил меня невольным смехом) без запинок, надо мной бы всё равно смеялись. Скорее всего, так. Подросткам вряд ли часто выпадает шанс вживую послушать непривычную манеру речи приезжих.

Возможно, куда лучше быть посмешищем, чем прослыть напыщенной новенькой. Поговорка «нет худа без добра» ко мне явно не относится, ведь любое моё действие заканчивается очередным фиаско.

У меня талант упускать удачу из рук.

Пока я поднималась вслед за Юругасэ Амико, мне казалось, что она вот-вот начнёт «учить новенькую местным порядкам». Может, эта ситуация — типичное развитие событий после избитой фразы «смотри-ка, новенькая!»?

Получается, Юругасэ Амико изгой класса, потому что она хулиганка? Не скажу наверняка, всё-таки нашего недолгого «общения» недостаточно. На первый взгляд она кажется сильной духом и уверенной в себе девушкой, поэтому моя догадка может быть правильной.

Значит, я ненароком выбрала «присоединиться к группе хулиганов» (хотя это даже не группа) и в этом случае ни за что не могу похвалить себя за такой, с позволения сказать, результат. Впору устроить себе выговор.

Я и так уже профессионал в плане совершения ошибок.

Но всё равно иду дальше по пути посвящения в тайны бытия полной неудачницы?

Идея втереться в доверие к хулигану имеет определённые плюсы и минусы, но сейчас не о них. Это отличный способ добиться положения в обществе, позволяющий обойти преграды.

Но если учесть, какую позицию занимает Юругасэ Амико, точнее то, что она ополчилась на меня, начинает казаться, что я даже лужу обойти не в состоянии.

Она будет бить меня? Не хочу!

Ненавижу насилие, но ещё противнее то, что я нарвалась на проблемы в первый же день в новой школе. По идее, в частных школах правила куда жёстче, чем в обычных, но бывает и так, что учеников исключают даже из государственных школ.

Я кое-чему научилась после того случая с Сэндзёгахарой Хитаги. Можно свести урон к минимуму, провернув следующий трюк: я упаду без чувств после первого же удара... Хотя не скажу, будто у меня достаточно актёрского таланта, чтобы притворяться мастерски.

Возможно, удастся прикинуться мёртвой... Я и так выгляжу как живой мертвец.

К тому моменту, как мы преодолели все ступени и оказались на крыше школы, мысли мои захватила тревога: не стоило идти за ней.

Кстати, в Наоэцу вход на крышу всегда был закрыт, поэтому для меня это совершенно новые впечатления. Хотя реальность в некотором роде отличалась от моих фантазий о «крыше школы».

Всё пространство было устлано газоном. Искусственным, разумеется. Здесь устроили нечто вроде парковой поляны. Со всех сторон крышу окружала ограда такой высоты, что одна мысль перелезть через неё казалась невозможной.

Перво-наперво я подумала, что спрыгнуть с такой крыши невероятно трудно... Ограда оставляла впечатление не столько защитного механизма, сколько клетки в зоопарке.

Взглянув на небо, я заметила, что поверх основной ограды натянули тонкую сетку... В администрации школы на полном серьёзе считают, что подростки способны летать?

Нет, дело в другом.

Сетку повесили, чтобы ученики могли играть в мяч на крыше. Вот теперь я на самом деле почувствовала, что попала в городскую школу.

Впрочем, как я вижу, после уроков на крыше безлюдно, так что не скажешь, будто это драгоценное укромное местечко было популярным. И создатели парковой поляны уж точно не предполагали, что сюда будут приводить новеньких учеников для разборок.

Но Юругасэ Амико именно так и поступила. Повернувшись ко мне спиной, она затараторила с сильным акцентом: «Ты чё выкобениваеся?... Чё те надо от меня?! Чай, нетрудно допетрить, што я людей чураюсь! Чё прилипла, ну-у?» Честно говоря, я ничего не поняла из того, что она сказала.

Меня поглотили мысли о культурных различиях в том, что касается обстановки крыш, вдобавок её диалект всё ещё оставался для меня непривычным. Прежде всего, я не могла уловить её речь на слух, потому что говорила она чуть ли не скороговоркой.

Если бы я по-своему истолковала, что сейчас переживает Юругасэ Амико, то предположила бы стресс, какой есть и у меня. И если резкие нотки в её голосе указывают на это, то меня ждёт другая судьба. Не будет стереотипной ситуации вроде «хулиган пытается вразумить легкомысленного новичка, не способного понять, какие порядки царят в классе».

То есть если бы я совсем не понимала, как ведут себя хулиганы.

Что же, в таком случае, спроси меня, в какой ситуации я оказалась, мне бы не удалось ответить даже после долгих раздумий... Да и одними раздумьями делу не поможешь.

И вообще, если я буду стоять молча, глубоко погружённая в мысли, то она, боюсь, решит, что я настроена враждебно. Всякое бывает. И, кажется, так оно и будет, ведь Юругасэ Амико вполне может оказаться вспыльчивым и жестоким трудным ребёнком.

Заискивание перед хулиганом — приём, подвластный только высшим существам, но никак не ничтожеству по-типу меня. И всё же я решила сделать всё возможное и спросила у Юругасэ Амико нечто вроде: «Я чем-то вас оскорбила?» И так как я разговариваю с ошибками, частенько завожусь и могу сболтнуть что-нибудь непонятное, то постаралась спросить у неё максимально прямо, насколько это возможно.

«Ты мозги не пудри! Хошь, штоб и тя втянули в эти дрызги, дура?!» — вот что ответила Юругасэ Амико. Её акцент притупился, но я всё равно не уверена, что правильно поняла, поскольку манера говорить у неё оставалась грубой. «Дура»? Меня ещё никогда в жизни так не оскорбляли прямо в лицо!

Строго говоря, Юругасэ Амико сказала мне это не в лицо, потому что до сих пор стояла отвернувшись, но её тон внёс ясность, так что я будто читала её эмоции с лица, видела её насквозь.

Перед моими глазами возникло её разгневанное лицо.

Однако поза, с которой Юругасэ Амико начала разговор, казалась не естественной, а больше нарочитой. Как будто она выпятила грудь, раздуваясь от гордости... Словно нарцисс.

Так мне показалось, поскольку в этом плане мы с ней схожи. Более или менее.

Между прочим, когда она, устроив мне засаду у лестницы, стояла, скрестив на груди руки, её поза тоже казалась напыщенной и неестественной.

В любом случае ей не доставало убедительности, которую можно найти в работе хороших актёров, чьё мастерство неоспоримо, но всё-таки её грубое подражание имело свою силу убеждения.

...Однако я уже больше не могу полагаться на собственную оценку Юругасэ Амико. После стольких ошибок — нет. Мне никогда не нравилось прозвище Сколечко, но сейчас особенно кажется, что мою способность оценивать сильно переоценили.

Так или иначе, эта беседа (как бы она ни выглядела со стороны) была моим заветным желанием.

Разговор тет-а-тет.

Пускай он был не таким, каким мне хотелось его видеть, но мы с Юругасэ Амико всё равно начали беседовать. Так что продолжим курс на сближение.

Мы должны преодолеть языковой барьер с помощью мимики и жестов... Вот только она на меня вообще не смотрит, в то время как я разглядываю её спину. *«Посмотри на меня!»* — хотелось прокричать именно это.

«Чё-о-о?» — Юругасэ Амико тут же обернулась... Телепатия? Нет, дело в другом. Я лишь подумала прокричать эти слова, но видимо, на самом деле их прокричала.

Сгоряча.

Ужас! Теряю самообладание... Я не в силах справиться со стрессовой ситуацией и перестаю понимать, что происходит. Словно больше не могу себя контролировать!

В худшем случае, если она полезет с кулаками и нас увидят в драке, я смогу выкрутиться, потому что совершенно точно предстану в образе жертвы, однако, если виновными признают обеих (не говоря уж о том, что меня могут посчитать обидчиком), исключение будет неизбежно. По сути, если дело примет скверный оборот, обо мне даже доложат полиции...

Но однажды сказанные слова не возьмёшь обратно, да ещё и Юругасэ Амико обернулась ко мне и теперь буравила взглядом, так что извиниться стало гораздо труднее. Однако вместо «прошу прощения» у меня вырвалось «прошу прощания». Я так сильно хотела покончить со всем этим, что буквально умоляла её оставить меня в покое? Нет, я уже не понимаю, чего пыталась добиться.

«Ха-а?» — Юругасэ Амико, как и следовало ожидать, состроила демонстративно-удивлённую гримасу. Она двинулась ко мне и чем ближе подходила, тем страшнее казалось её выражение лица.

И даже в этом было что-то постановочное, как ни посмотри.

Если, разыгрывая гнев, Юругасэ Амико подбадривает себя, она явно перебарщивает. Слишком уж ненатурально получается.

Хотя не мне судить людей.

Я даже не могу нормально сказать «прошу прощения».

«Ишь ты! Тока припёрлась в нашу школу и тут же лезет ко мне лясы точить!» — Юругасэ Амико была так близко, что я чувствовала её дыхание на лице. Недолго думая, она перешла к сути: «Ну и как тебя понимать, а? Ёрничаешь, штоле?» Если глядеть прямо в лицо, отчасти можно понять, о чем её задиристая речь, полная диалектизмов. Всё-таки мимика — важная составляющая общения. Один взгляд может сказать больше тысячи слов. И хотя в моём ни единой эмоции не прочтёшь, Юругасэ Амико своим взглядом сообщала всё, что нужно.

Значит, я «ёрничаю»?

В сущности, допускаю, что невольно поглумилась над ней. Или не «невольно», а «бессознательно». Хотя жестокая правда в том, что я просто не отдавала отчёт своим действиям.

Я воображала в красках, как, будучи новенькой, то есть той, чьё положение на ступень выше одноклассницы-изгоя, запросто примыкаю к Юругасэ Амико и протягиваю руку помощи, а взамен она помогает мне освоиться в школе.

Меня взял такой стыд, будто я во всеуслышание рассказала о своём презренном плане. А после такого я с лёгкостью могу впасть в ярость, что просто недопустимо. За то, что она жестоко издевалась надо мной, такой бедной и несчастной, мне захотелось возразить ей, мол, неужели у тебя совсем нет сердца?

Скудоумие во плоти.

Я понимала, что возражать глупо (да, я это понимала!), поэтому сосредоточилась телом и духом, напрягла каждый мускул, чтобы кое-как промолчать, и ждала, когда минует буря, стараясь не обращать внимания на Юругасэ Амико. Та и не думала останавливаться и продолжала давить на меня, выпалив скороговоркой свои специфические словечки.

Мы оказались в этой ситуации, поскольку она очень долго игнорировала меня, за что я на неё и разозлилась, но вся ирония заключается в том, что на этот раз «высокомерной особой» стала не кто иная, как я.

Впрочем, сейчас для меня самое важное — сохранить ясность ума и взять себя в руки.

Или мне про ум лучше вообще не заикаться?

Поскольку с моей стороны молчать некрасиво, я время от времени поддакивала ей, показывая, что слушаю внимательно. Однако в глубине души не могла дожидаться, когда этот бесполезный разговор закончится. Мне крайне не хотелось выдавливать какие-либо слова извинения, тем более что маску раскаяния натянуть на себя я так и не смогла.

Ясно, можно я уже пойду домой?

Пока я, ощущая сильное отвращение, бесстыжим образом пыталась выразить это без слов (несмотря на то, что *ясно* мне не было), ситуация вдруг переменялась. Пропустив мимо ушей какие-то очевидно важные слова от Юругасэ Амико, мне стало совершенно непонятно, куда зашёл наш разговор, поэтому я упорно подавляла в себе неловкость, которая могла в любой момент накрыть меня с головой. Не успела опомниться, как она начала выразительно объяснять, что сейчас главной в классе является девочка с фамилией Судзубаяси, что Кякуфудзи — очень хорошая и наверняка будет добра ко мне и что моя жизнь пойдёт практически как по маслу, если заручиться симпатией парня по фамилии Хасимура.

Сначала я совершенно не поняла, к чему она вообще завела этот разговор, даже когда снова стала внимательно прислушиваться к её словам, но потом до меня дошло, что Юругасэ Амико, видимо, читала мне лекцию, рассказывая о каждом из одноклассников по очереди.

Она в мельчайших подробностях объясняла, какая в классе устоялась иерархия, какие отношения складывались между одноклассниками и в какой экосистеме находится наше небольшое сообщество. Кто в каком положении, у кого какой характер, у каких сформировавшихся внутри класса групп сколько влияния и, наконец, кто с кем встречается и кто кому приходится бывшим или бывшей. Продолжая говорить грубым тоном, Юругасэ Амико очень тщательно рассказывала обо всём подряд, дойдя даже до таких неприличных подробностей, о которых мне, по правде, и знать не хотелось.

Я оказалась не готова к такому наплыву информации, ведь на мою голову рухнула тонна сведений о каждом из сорока одноклассников. Вдобавок мне разъяснили, какие отношения между ними. А я даже не уверена, что запомнила правильно, как кого зовут. Мне с трудом дались редкие фамилии, а также я едва сообразила, у каких одноклассников они были такими же, как у моих друзей детства.

Вот вам ещё один пример не налаженного общения. Однако, если ненадолго забыть о моей проблеме с непониманием собеседников... разве наш диалог с Юругасэ Амико не напоминает ситуацию, когда старожил даёт советы новичку? Да ведь так оно и есть!

Думаю, если я внимательно выслушаю её и запишу в блокнот всё в подробностях, этого объёма информации как-нибудь хватит, чтобы протянуть следующий месяц. Более того, считаю, мне ни за что не удалось бы за этот самый месяц во всех деталях разузнать личные сведения о каждом из сорока человек, даже если бы я разбиралась в жизни и могла запросто подружиться с кем угодно. С другой стороны, я не хотела окунаться в скандальные подробности типа «кто с кем крутит романы».

И, учитывая этот факт, меня сильно смущало, что Юругасэ Амико решила поделиться со мной такого рода информацией, вот я и не решилась вынуть из ножен блокнот... Ей, по идее, следовало бы отчитать меня за импульсивное и глупое поведение, недостойное для новичка, так с какой же стати я получаю от неё такую помощь?

Может быть, Юругасэ Амико, вопреки её грубому отношению ко мне, на самом-то деле очень заботливый и внимательный человек, полный доброты? Однако я не настолько уступчивая, чтобы принять это на веру. На мой взгляд, не существует «воистину добрых людей».

Куда вероятнее казалось то, что Юругасэ Амико решила попросту скинуть назойливого новичка на другого одноклассника, чтобы уже он пытался со мной разобраться.

Не сомневаюсь, что урок, преподаваемый мне Юругасэ Амико, со стороны выглядел как проявление заботы к новенькой ученице, но настоящий мотив бы иной: я ей попросту надоела².

Словом, она будто бы говорила мне «отвали!», при этом указывая, куда и к кому. Кроме выдачи путеводителя она проложила мне курс. Ну, как показывает опыт, на этом дело можно считать законченным.

Результат есть. Наступил переломный момент.

Следует поблагодарить Юругасэ Амико и выразить ей свою признательность, затем вернуться в класс и поговорить, например, с Кем-то-там Судзубаяси, Некой Кякуфудзи или Каким-то Хасимурой-куном. Прошло уже немало времени, пока мы разговаривали на крыше, но, возможно, мне ещё удастся застать хоть кого-нибудь в кабинете.

Я сделала всё шиворот-навыворот, поэтому теперь настало время нажать на кнопку перезагрузки³. У меня есть шанс начать всё сначала. *У-ху-ху, с кем бы завтра подружиться?*

Ойкура Содати — девушка, которая никогда не сможет рассуждать в таком ключе.

Я не умею принимать верные решения, а когда прихожу к слишком убедительным выводам, начинаю в них сомневаться. Понятно, что такого проблемного новичка, как я, проще скинуть на кого-нибудь другого.

На её месте я бы сделала то же самое. Неужели человек будет приветливым с каждым приездом, когда у самого хлопот полон рот? Я знаю, как это тяжело. Всё-таки третий класс старшей школы: всем выпускникам необходимо готовиться к экзаменам.

Однако стоит отметить, что я вряд ли поступила бы так на практике, хоть и сказала до этого, что на её месте сделала бы то же самое.

Потому что в таком случае попросту не имела бы никакого представления, на кого можно спихнуть новичка и кто лучше всего подходит для этой роли. Я низкопробный человек, который пытается оценивать других, но мне бы ни за что не удалось понять, у кого из одноклассников какой характер.

Если бы я хоть немного разбиралась в людях, то не устраивала бы тот классный суд (по жалким итогам того заседания меня изгнали) и не оказалась по воле случая в старшей школе Сисикурасаки.

И если результат таков, то следом напрашивается другой вопрос, который делает ситуацию спорной.

Почему Юругасэ Амико обладает настолько детальной информацией обо всех одноклассниках? Почему ей известно о таких вещах, как личные интересы каждого, их отличительные черты, а также кто у кого на побегушках?

По-моему, это очень странно.

Или следует сказать, подозрительно. По идее, нет ничего необычного в том, что она многое знает о своих одноклассниках, ведь Юругасэ Амико далеко не новичок в классе, в отличие от меня, но сомнительным мне кажется кое-что другое.

На мой взгляд, если она обладает настолько ценной информацией, ей впору самой придумать какой-нибудь план, чтобы выйти из своего положения, разве нет?

Она *уже* не должна находиться в изоляции, если в подробностях знает о расстановке сил в классе... Самая главная причина, почему в предыдущей школе изолированной оказалась именно я, заключается в моём невежестве и безразличии к окружающим. Иначе говоря,

человек не может остаться в одиночестве, если он проявляет интерес к посторонним и знает их. Не может, даже если очень захочет. Юругасэ Амико, конечно, не настолько замкнутая, как я, чтобы из предубеждения называть других людей посторонними, но мне с трудом верится, что она, пребывая в изоляции, нашла способ разузнать о личных качествах каждого человека из окружения, куда ей не влиться.

С другой стороны, также трудно поверить, что она симпровизировала, выдумав весь свой рассказ. Это, несомненно, удобное и логичное объяснение ситуации, но я считаю маловероятным, что Юругасэ Амико нагородила чепухи, только чтобы прогнать меня.

Полагаю, необходимо иметь выдающийся дар выдумщика, чтобы сочинить похожую на правду ложь. Как ни крути, а сфабриковать персональную информацию на каждого из сорока человек — дело незаурядное.

Это уже поле деятельности для особенных людей.

Нужно проверить, насколько верна информация, которой она забила мою голову, но всё-таки я не считаю, что она выдумала всё от и до... *Да заткнись уже, Ойкура! О чём ты вообще думаешь?! Что за хаос творится в твоём ненасытном до бреда мозгу? Все твои домыслы априори неверные, так что послушно и с благодарностью прими оказанную помощь, ясно тебе, дура?! Кажется, до меня донёсся голос Арараги.*

...Я знаю, что это сказал не он.

Просто, чтобы подумать основательно, мне нужно услышать противоположное мнение, озвученное голосом Арараги в моей голове... Противостояние ему даёт мне энергию жить дальше.

Юругасэ Амико практически кричала мне в лицо, но едкий голос Арараги, плод моих фантазий, звучал в голове гораздо громче, да так, что казалось, будто он сверлит мозг хлеще всякой дрели. Жутко неприятные ощущения.

В какую бы стрессовую ситуацию я ни попадала, стоит только представить, как одним ударом я отправляю Арараги в полёт, и мне сразу становится чуточку легче... А что до Юругасэ Амико, то её попытки давить на меня настолько несущественны, что не стоит и внимание заострять.

Тем не менее сидящий внутри меня Арараги не поможет избавиться от дилеммы. Что же, если Юругасэ Амико ещё не полезла на меня с кулаками, всё не так уж и плохо...

При этом подозрения насчёт её я просто так отмести не могу. Что она задумала? Похоже, все видят во моём лице врага, так же как и я вижу его в каждом человеке. Люди помышляют навредить мне при любой возможности. Несмотря на то, что моя мизантропия перешла все границы и смахивает уже на манию величия (зачем обманывать кого-то вроде меня? Кому какая выгода?), я всё никак не могла кое-что понять.

Что касается конкретных результатов, благодаря Юругасэ Амико я немного разобралась, какие люди сидят в классе по правую и левую руку от меня, однако, молча выслушав её слова, которые она оттарбанила со скоростью пулемёта, так и не поблагодарила её.

Ну и, наоборот, не стала донимать вопросами: «Что ты задумала?»; «Издеваешься?», хотя меня так и подмывало сказать нечто подобное. Моя психика под гнётом её напористой доброжелательности отвечала неприязнью, но, обратив внимание на один сомнительный момент, я немного успокоилась и собралась с мыслями.

Сомнительный момент.

Проще говоря, в голову закрались подозрения по типу «почему бы ей, изолированной от всего класса, самой не воспользоваться столь ценной информацией?». Между тем Юругасэ Амико, кажется, пришлось не по душе отсутствие благодарности с моей стороны: «Ты мне чё за взгляды кидаешь, а?» — она принялась угрожать. Ну, я, конечно, никак не отреагировала на её благотворительность, но всё равно обиделась на то, что она прицепилась к моему взгляду. Он всегда был таким. Все претензии, пожалуйста, адресуй родителям... Хотя родителей-то у меня и нет.

По-видимому, решив, что от непокорной и неблагодарной девочки ничего не дожидаться, Юругасэ Амико отвернулась в сторону. Поскольку всё это время она стояла так близко, что мы чуть ли щеками не прижимались, я, по правде сказать, вздохнула с облегчением.

Моё личное пространство — *расстояние, при котором до меня ни руками, ни ногами не добраться*, и хотя Юругасэ Амико отошла на некоторую дистанцию, стресс от межличностной коммуникации никуда не делся. Так как я постоянно ощущаю давление, когда сталкиваюсь с кем-нибудь лицом к лицу, мне было бы гораздо проще, если бы она, откровенно говоря, снова повернулась спиной.

Хотя на самом деле я не могу заявить об этом откровенно (да и не только я: никто другой не станет просить человека сначала повернуться к нему спиной, прежде чем поговорить). Тем не менее Юругасэ Амико исполнила моё желание наполовину.

Снова телепатия? Или я опять вышла из себя и случайно сказала вслух? Меня успело охватить волнение, однако дело было в другом. Видимо, Юругасэ Амико, сказав всё, что хотела, решила уже пойти домой, поэтому повернулась на каблуках и зашагала к выходу, оставляя меня на крыше одну.

Нет-нет, постой, мы ведь ещё не закончили, неужели ты оборвёшь разговор на этой ноте? Я хотела было остановить её, но всё никак не могла решить, как к ней лучше обратиться («Юругасэ-сан»? Или так она только смутится? А «Юругасэ-чан» будет слишком по-дружески? Использовать уважительные суффиксы или нет? Если нет, не будет ли это тоже слишком дружелюбно? Да и смогу ли я в нынешнем психическом состоянии произнести её имя не запнувшись? И вообще, её действительно так зовут? Один хаос в голове!), поэтому просто безжизненно стояла и смотрела вслед уходящей Юругасэ Амико.

У-уф, чувствую себя беспомощной.

Получается, она сказала всё, что хотела, в том числе и вещи, которые мне нужно было услышать, ну а я так и не смогла последовать её примеру (хотя у меня тоже нашлось бы пару слов), при том что шансов высказаться, наверно, было немало. От мыслей об упущенных возможностях даже засосало под ложечкой... Я осталась одна, всё сильнее погружаясь в печаль.

Странное ощущение, будто меня жестоко и умело надули. Впрочем, не так уж и хотелось ей что-то говорить. Я прицепилась к Юругасэ Амико только из-за продолжительного игнора с её стороны.

Поэтому и разозлилась.

Я не хотела признавать, что совершила ошибку, решив первой с ней заговорить, зато ещё чуть-чуть, и я точно решу покончить с жизнью. Целеустремлённость — явно не моё качество. Если уж на то пошло, вместо неё у меня скорее есть *устремлённость быть жертвой*.

Не прощу её за то, что она игнорировала меня, когда я храбрилась и изо всех сил старалась с ней познакомиться. После таких слов можно с уверенностью сказать, что Юругасэ Амико не в состоянии тягаться со мной по части эгоизма.

Она не пообедала вместе со мной, не показала мне школу, но возместила это важной информацией. Может быть, прозвучит очень жестоко, но её трудное положение (и то, что к нему привело) не играет никакой роли. На данный момент она уже выполнила своё предназначение для меня.

...Да, звучит действительно жестоко.

Однако это не мои слова, она сама намекала на это. Сыграв роль своеобразного «трамплина», Юругасэ Амико всем своим видом будто бы говорила, мол, а теперь отстань, будь добра, я не хочу иметь с тобой никаких дел.

Не скажу, что не собиралась использовать её в роли такого «трамплина». Я заговорила с ней, надеясь, что она поможет сделать первый шаг и станет моим «мостиком», моей возможностью влиться в коллектив. Это голая правда.

Если бы я сказала, что ни за что не брошу Юругасэ Амико после того, как она выполнит свою функцию и я освоюсь в классе, никто бы мне не поверил. Собственно, поменяйся мы с ней местами, именно такой умысел я бы и усмотрела в её действиях, поскольку страдаю сильной манией преследования.

Ты заговорила со мной только потому, что хотела, чтобы я представила тебе одноклассников?.. Хорошо, я всё понимаю.

Значит, я неинтересна тебе, да?

...Я опустила плечи и тяжело вздохнула.

В таком состоянии у меня больше не было сил стоять на ногах, поэтому я села на корточки прямо на искусственный газон, обхватила колени руками и уткнулась в них лицом... Наверно, так моя новая школьная юбка только испачкается, но сейчас это не имеет значения.

А что, если... Если бы здесь... поставили полиэтиленовый мешок, доверху набитый пищевыми отходами... Полупрозрачный семидесятилитровый мешок, у которого видно внутренности... И рядом с ним встала бы Ойкура Содати, иначе говоря, я... И у кого-нибудь спросили бы: «Ну, с кем бы ты хотел поговорить?». Любой бы без колебаний выбрал мешок. Ведь я самое-самое-самое низкое и пропащее существо, даже мусор лучше.

При таком раскладе остановиться на мне мог бы только кто-нибудь нелепый вроде Арараги, а иначе это противостоестественно... Однако нельзя отказаться от самой себя, даже если на всём белом свете я больше никому не нужна.

Будь я кем-то другим, то первым делом вычеркнула бы из жизни подобного мне человека. Но ведь у меня больше никого нет... Как можно в таком случае не защищаться?

Неважно, люблю я себя или нет: я бы всё равно не спрыгнула с этой крыши, даже если бы здесь не было никакой ограды.

Как бы они ни злословили, мой дух не сломить!

Только что я сидела, вся скрючившись и замкнувшись в себе, но тут же встала во весь рост. Сменим тему! Будем считать, что как минимум конфликт с Юругасэ Амико улажен!

Есть! Могу же, когда захочу!

Всё вышло как нельзя лучше!

Я сэкономила время на беседах (которые пришлось бы вести с целью получения информации) с Юругасэ Амико, на первый взгляд обладающей довольно проблемным характером, хотя до моего он по сложности не дотягивает. Ну разве это не хороший результат для девочки, которая только-только перевелась в новую школу? Из убытка извлеки пользу — так вроде бы говорится?

Однако в погоне за пользой я утратила нравственность⁴. Хотя, если смотреть на это как на помощь Юругасэ Амико отделаться от совершенно безнравственной меня, начинает казаться, что я совершила хороший поступок.

Да ведь мы обе сделали благое дело по отношению друг к другу, разве не так? У-ху-ху, как же тепло становится на душе, когда поступаешь хорошо... Как ни крути, но я очень удивилась, когда в итоге улучшила своё моральное и физическое состояние.

Как и думала, от сидения на корточках моя юбка помялась, но эта проблема настолько ничтожна по сравнению с морщинами⁵, избороздившими лоб... Наверно, я уже просто привыкла хмуриться.

Поскольку, время уже позднее, нужно наилучшим образом воспользоваться полученной информацией. Почему бы не заглянуть в класс перед тем, как пойти домой?.. Может, удастся присоединиться к дружной и разговорчивой компании?..

Но если кто-то и остался после уроков, они точно не занимают время разговорами, а вместо этого готовятся к экзаменам в учебной группе, да? Выпускной класс, как-никак. Пусть словосочетание «учебная группа» заставляет меня содрогаться от ужаса наравне с именем Арараги Коёми, я всё же подавлю внутреннюю неприязнь и проигнорирую холодок, бегущий по спине, потому что хочу показать свои самые лучшие намерения и присоединиться к одноклассникам.

Учёба даётся мне куда проще, чем общение с людьми.

Пока я спускалась вниз по лестнице, в голову пришла запоздалая мысль. Юругасэ Амико в попытке избавиться от меня дошла до того, что «слила» всю личную информацию об одноклассниках... Неужели нас терзают одинаковые чувства? Хотя это уже не так важно.

Она разговаривала на другом диалекте, поэтому я не очень хорошо уловила её речь, но в начале Юругасэ Амико, кажется, сказала что-то вроде «Разве трудно понять, что я избегаю контактов с людьми?» и «Хочешь, чтобы и тебя втянули в этот конфликт?».

На мой взгляд, её слова звучат не иначе как самооправдание, но Юругасэ Амико, возможно, на самом деле считала, что она опасна, и от чистого сердца желала, чтобы я с ней не связывалась.

Это не исключено.

К слову, за всю свою жизнь я не раз попадала в ситуации, когда общество отторгало меня, однако не стану отрицать, что даже в таких условиях старалась избавиться от назойливых индивидуумов по тем же причинам, что и Юругасэ Амико. Если в изоляции человек находит комфорт, если его устраивает одиночество, значит, для него вполне естественно отказывать другим людям в общении. Рвать отношения с друзьями ради них самих. Разве стоит жаловаться на судьбу за то, что в моей жизни случались такие драматичные моменты?

Так что даже если Юругасэ Амико указала мне верный путь из заботы, лишь бы я не стала изгоем и не оказалась втянута в её проблемы, меня это полностью устраивает...

Переведённый ученик приходит в новый класс; не может разобраться, что к чему; связывается с плохой компанией; вся его юность насмарку, после чего ему очень трудно встать на правильный путь — такое развитие частенько показывают в дорамах про школьную жизнь.

Изоляция открывает возможность довольствоваться своим обществом.

Хотя это, пожалуй, во мне говорит упоение одиночеством... Оглядываясь на саму себя, я понимаю, что легко пьянею от состояния уединения. Однако... *«Тебя, вообще-то, никто не просит строить из себя крутую!» — «Да знаю я, знаю». — «Нет, любыми средствами защищай свою гордость!»* — я не буду опускаться до таких мыслей.

Наверно, было бы лукавством говорить, будто меня внезапно стала волновать причина, по которой Юругасэ Амико оказалась изгоем. Я же самый последний отброс — ещё хуже, чем пищевые отходы, поэтому не волнуюсь о судьбах других людей.

Стоило усилием воли пройти по коридору и добраться до класса, остановившись у его дверей, как все эти мысли развеялись дымом. Какими бы серьёзными ни были те обстоятельства, при которых Юругасэ Амико стала изгоем, мои нелепые и ничтожные проблемы волновали меня куда больше, казались актуальнее и важнее всего на свете.

Девушка я эгоцентричная, поэтому глупо ждать от судьбы, что всё пойдёт как по маслу. Собрав волю в кулак, я отодвинула дверь класса. Никого. Могу поклясться, что пустота звенела.

Кажется, моё решение влиться в учебную группу (при условии, что здесь такие вообще собираются) было иллюзией, питаемой мозгом; чистый самообман для удобства. От стыда я чуть было снова не повалилась на пол, но в последнюю секунду сдержалась... Всё-таки пол в школе не устлан искусственным газоном, и, если упасть на него коленями, можно сломать себе чашечки.

Мой промах был предопределён силами свыше, однако он принёс неожиданно много страданий. Вместо того чтобы взять себя в руки и пойти домой, я, чувствуя боль в душе, зашла в класс... Нет, я направилась не к своей парте, а встала возле учительского стола.

Решила, что теперь-то, когда класс пуст, даже полная неудачница вроде меня сумеет произнести приветственную речь без ошибок, но стоило только со своего места оглядеть совершенно пустой кабинет, и эта мысль показалась невероятно абсурдной. Ни один человек в здравом уме не будет заново представляться совершенно безлюдному классу после уроков, пытаюсь исправить ошибки. Как же я рада, что пришла в себя прежде, чем сделала такую глупость.

Нет абсолютно никакого смысла повторно разучивать свою маленькую речь. Лучше заняться подготовкой к завтрашним урокам... Просто показалось, что сейчас, стоя на том же месте, где я утром зачитывала приветствие, можно наконец в деталях рассмотреть обстановку своего нового класса.

Вполне естественно, что отсюда отлично виден каждый уголок кабинета, ведь сейчас никто не перекрывает мне обзор, однако стресс и сильнейшее напряжение не позволяли ничего толком разглядеть. Все мои мысли занимала Юругасэ Амико, её лицо маячило перед глазами. Вдобавок меня никак не отпускала ненависть к Арааги. Ненавижу Арааги, ненавижу Арааги, ненавижу Арааги!

Такая узколобость ненормальна.

Нет, дело даже не в невежестве, а в особенностях моей психики? Я не могу смотреть в лицо толпе, мне не хватает сил. Как вообще можно было с такой неустойчивой психикой взяться за исполнение обязанностей старосты (если это можно так назвать) в старшей школе Наоэцу? Мне не тягаться с Ханэкавой Цубасой.

С подобной узколобостью и недалёковидностью ни за что нельзя стать лидером. Если встать в самом низу иерархической лестницы, я лишь добавлю хлопот тем, кто находится выше меня. Более того, я даже не решаюсь встать где-то посередине, что тогда говорить о попытке забраться наверх?

Есть ли хоть какой-нибудь способ узнать, как правильно жить? Мне вот, например, не верится, что существует абсолютный и правильный путь, а даже если бы он был, я всё равно не смогла бы ему следовать. Одно скажу наверняка: для меня такого пути точно не существует.

Не знаю, как с этим справляются остальные.

Как они продолжают жить, при этом из раза в раз повторяя старые ошибки; зная верное решение, но будучи не в состоянии ему последовать, и продолжая постоянно испытывать одни и те же проблемы?.. Что же, вероятно, эти люди живут, из раза в раз повторяя старые ошибки; зная верное решение, но будучи не в состоянии ему последовать, и продолжая постоянно испытывать одни и те же проблемы.

С такими людьми явно тяжело подружиться.

Нет, я что-то не в настроении кричать... И дело даже не в том, где сейчас нахожусь: всё-таки чего бояться в безлюдном классе после уроков? Просто даже сказать нечего: настолько мысли поглотили меня.

Зачем я притворяюсь, что пытаюсь как следует прожить юность?

Так, всё, хватит. Пойду домой и буду заниматься.

А чете Хакобэ совру, что школа хорошая и мне было весело. Если я справлюсь с этой миссией, можно будет считать, что день прошёл очень удачно. Так сказать, побалую себя, подняв самооценку. Это позволит хоть немного расслабиться. Между тем прекрасно понимаю, что лишь травмирую себя.

Завтра выложусь по полной.

Сегодня я была не в лучшей форме. Сегодня я совершила форменную ошибку.

И завтра тоже наверняка совершу, но, как говорится, попытка — не пытка... Когда я выходила из класса, попутно мысленно инструктируя себя, моё внимание привлекла одна мелочь.

И поскольку это была мелочь, то обычный человек её бы пропустил. Но так как её заметила я, в моих глазах эта мелочь предстала открытием века. Казалось, это перевернёт мою жизнь — таким сильным было наваждение.

Я отнюдь не детектив из какого-нибудь детективного романа; мир не потрясёт новая «коперниковская революция»⁶ от моего одного-единственного открытия; ситуация не повернётся на 180 градусов, и ответ не найдётся за один миг — в моей жизни не может

произойти чего-то настолько увлекательного!.. Успокоившись, я наконец осознала, что это открытие — не просто мелочь, а нечто ещё более незначительное и банальное.

Дело в количестве парт.

Я обожаю математику, и у меня есть привычка считать всё подряд. Говоря конкретнее (хотя мне кажется, что никому не захочется знать обо мне такие подробности), когда вижу расставленные в определённом порядке вещи, у меня возникает непреодолимое желание их сосчитать.

Считая сначала столбцы, а затем ряды, я умножаю в голове эти числа, чтобы узнать общее количество предметов... Эта детская привычка так и осталась со мной на всю жизнь, но думаю, нельзя назвать её вредной, учитывая, что мой характер гораздо вреднее.

В общем, где-то на уровне подсознания я сосчитала количество парт, расставленных кабинете, но по какой-то причине результат не совпал с числом одноклассников.

Хм-м?

Но ведь так и должно быть, разве нет?

Я же только-только перевелась, это естественно, что числа разные... Нет, всё же здесь что-то не то. Изначально в классе был сорок один ученик (простое число). После моего бессовестного перевода нас должно было стать сорок два, я в этом уверена. Но если умножить семь столбцов на шесть рядов и прибавить оставшуюся парту, получится... Сорок три, снова простое число.

Да в общем-то, уже и не важно, простое оно или нет.

Дело в другом... Поскольку в старшей школе Наоэцу не было кабинетов, где ставили больше сорока парт, я просто не могла увязать в голове, почему в классе, где по идее учится сорок два человека, оказалось сорок три парты?

...Было в этом что-то неправильное, неестественное. У меня даже появилась какая-то слабость и недомогание. Не сомневаюсь, что на моём месте особенный человек вроде Ханэкавы Цубасы сделал бы куда большее и невообразимое открытие в этом обычном классе этой обычной школы, но поскольку я хуже самой заурядной личности, мне, судя по всему, остаётся только цепляться к таким мелочам.

Тем не менее, в сомнениях склонив голову набок (неужели ошиблась при счёте? Или что-то не так поняла?), я несколько раз пересчитала парты, и в одну из таких попыток моё внимание привлёк план раскладки, приклеенный скотчем к учительскому столу.

А-а, значит, тут есть такая штука.

Ну, это сделано для учителей. В отличие от классного руководителя, предметники не в состоянии запомнить имена всех учеников в каждом классе, где они преподают свой предмет⁷. Тем более когда число учащихся переваливает за сорок. Довольно много детей учится, если учесть снижение рождаемости, наблюдаемое в последнее время. Но, на мой

взгляд, такие большие классы комплектуют только потому, что преподавателей на всех не хватает... Поэтому да, без плана рассадки учителя не смогли бы обращаться напрямую и вызывать нужных им учеников во время уроков.

Посмотрев на список, я увидела, что там написано «Ойкура». Мою фамилию уже внесли, несмотря на то, что это только мой первый день в новой школе? Неужели из-за меня переделали план рассадки? Странно видеть свою фамилию на листе вместе с другими. Кажется, будто я ничем не отличаюсь от всех остальных одноклассников.

Как бы то ни было, сопоставив план рассадки с расставленными в классе партами, я нашла ответ, почему у меня возникло ощущение чего-то неправильного... Нет, было бы преувеличением использовать слово «ответ», поскольку разволновалась я на пустом месте.

Короче говоря, сегодня отсутствовал один из учеников. Я даже не заметила, что кого-то не было, потому что сильно нервничала, пока представлялась, а потом все мои мысли заняла Юругасэ Амико. Получается, изначально в классе училось сорок два человека.

Это я была сорок третьим.

Мои сомнения тут же разложились на воду и соляной остаток, то есть ответ. После такой находки захотелось в срочном порядке установить, кто не явился на занятия.

В плане рассадки указаны только фамилии, поэтому очень трудно отличить мальчиков от девочек, однако Юругасэ Амико любезно рассказала обо всех одноклассниках подробно. Если фамилии помогут мобилизовать память и развеять туман в голове, я смогу хотя бы примерно определить, где стояла пустая парта.

Сильное желание узнать, кто сегодня отсутствовал, было продиктовано вовсе не моей любознательностью. Зачем тогда искать, спрашиваете? Затем что тот, кто не пришёл в школу, не видел, сколько неудач я потерпела в первый же день.

Не видел, как я запинаясь во время приветственной речи и как Юругасэ Амико раз за разом отвергала меня, а значит, его первое впечатление обо мне уже не будет таким ужасным. Смогу ли я извлечь выгоду из его незнания и подружиться с ним? Меня послушай, кажется, будто говорит мошенник какой-то.

Как же достало строить из себя умную при ограниченном умишке... Тем не менее я смогла узнать имя того, кто сегодня отсутствовал.

Да-да, не примерно определить, а точно.

Сопоставив полученную от Юругасэ Амико информацию со своими воспоминаниями, я методом исключения начала вычёркивать из списка людей, лица которых видела, пока не осталось одно-единственное имя. Пустовала парта ученика по фамилии «Хатамото», если верить написанному в листе.

Но кроме фамилии я больше ничего не знала.

Даже не представляю, парень это или девушка. Почему? Юругасэ Амико ни словом не обмолвилась об этом или этой «Хатамото»...

Я не то что не раскрыла дело, на которое наткнулась случайно, испытывая чувство лёгкой неправильности происходящего, а даже наоборот, за несколько минут лишь запуталась ещё сильнее... Одна за другой тянулись загадки, их становилось всё больше и больше, и это действовало мне на нервы.

Казалось, я заплутала в лабиринте. Брожу в нём без всякой причины и не могу найти выход.

Конечно, не хочу сказать, что Юругасэ Амико выдала информацию обо всех в равной степени: об одних она знала много, тогда как о других — не очень. Поскольку Юругасэ Амико сама девочка, очевидно, что она куда лучше знала девочек, чем мальчиков, и много рассказывала о тех, кто одарён умом или красотой, нежели о тех, кто из себя ничего не представляет... В тот момент, когда она методично выкладывала информацию о каждом из одноклассников, я так разволновалась, что не смогла как следует их сосчитать, зато сейчас, сопоставив её список имён с количеством мест, всё стало ясно.

В разговоре Юругасэ Амико не касалась только одного ученика. Как раз того самого по фамилии «Хатамото».

Но что это означает?

Наверно, ничего.

Скорее, на этом даже не стоит заострять внимание... Про кого-то она рассказывала больше, про кого-то, наоборот, меньше, так что я не удивлена, что о ком-то она вообще ничего не знает.

Однако не могу отмести тот странный факт, что из всего класса Юругасэ Амико не сказала только об одном, всего лишь об одном человеке. Вероятно, она сделала это намеренно, нежели просто забыла.

Юругасэ Амико специально скрыла информацию о «Хатамото» от меня? Но зачем? Не хотела рассказывать? Почему? Решила, что не надо представлять «Хатамото» кому-то настолько назойливому, как я? Нет, если бы дело было в этом, она бы тогда вообще не рассказывала о других одноклассниках.

...У меня было дурное предчувствие.

Нет, не предчувствие, а настоящее ощущение.

Я строила махинации, выбрав следующей целью отсутствовавшего в школе ученика по причине того, что он не в курсе моих сегодняшних провалов, но, так как кроме фамилии больше ничего о нём не знала, мне казалось, что лучший выход — бросить эту затею, если не хочу забрести вглубь лабиринта.

Как говорится, тугодума не отличить от лодыря⁸.

Чувствую, что раздумья лишь приведут к новым провалам.

Но я как всегда не послушалась интуиции, собрала волю в кулак и помчалась навстречу беде что есть мочи. Меня не покидало стойкое ощущение опасности, которое закралось в самом листке с планом рассадки; казалось, я не успею остановиться, споткнусь и упаду⁹, если буду нагнетать ситуацию. Сорвавшись с места в попытке сбежать от этого предчувствия, я бросилась вон из класса... Но было уже поздно, процесс не остановить.

Гнаться и гнаться за целью, не в силах её догнать; бежать и бежать от опасности, не в силах от неё уклониться: в этом вся я, человек по имени Ойкура Содати.

Примечания

1. Стандартным языком называют литературный японский, который был основан на диалекте Токио.
2. Слово «мэндо» означает «забота о ком-либо», но как полупредикативное прилагательное имеет значение «надоедливый».
3. Содати использует две идиомы, в которых фигурирует одно и то же слово — «ботан». В первой части предложения оно имеет значение «пуговица», а вся идиома дословно переводится как «неправильно застегнуть пуговицы» (то есть напутать порядок действий), а во второй — «кнопка».
4. Слово «польза» (яп. 得 току) иначе можно написать иероглифом 徳, который также есть в слове «нравственность» (дзинтоку).
5. Слово «сива» означает одновременно и складки (на ткани), и морщины.
6. В 1543 г. Николай Коперник опубликовал трактат «Об обращении небесных сфер», которым положил начало научной революции. В нём учёный показал, что Земля не является центром Вселенной, изложив гелиоцентрическую модель с Солнцем в центре солнечной системы. Его труд привёл к радикальным изменениям образа мышления естествоиспытателей, которые на протяжении более двухсот лет в ходе астрономических наблюдений находили подтверждения выводам Коперника. Предполагается, что «революция» завершилась в 1687 г. с выходом «Математических начал...» Исаака Ньютона, где он даёт физическое объяснение пребыванию планет на своих орбитах, показывая, что их движение управляется центральной силой. Эта работа окончательно вытеснила старую модель мироздания, заменив её на модель Коперника.
7. В японских школах класс закреплён за группой учеников. Учителя сами приходят на свои уроки.
8. Чтобы придумать хорошую идею, нужно время, и человек, которому ничего дельного в голову не приходит, тратит его впустую. Пословица «хэта но кангаэ ясуму ни нитари» говорит о том, что долго думающий человек (который безуспешно пытается придумать хорошую идею) ничем не лучше бездельника.

9. Выражение «татара о фуму» пошло из древности, когда японские кузнецы-оружейники для создания японских мечей изготавливали тамахаганэ (японская сталь) в плавильных печах под названием татара. Однако изначально это слово означало ножные меха, на которые рабочие надавливали ногой, нагнетая кислород в камеру печи. Если сделать это слишком резко, меха не успеют вернуться в изначальное положение, прежде чем человек снова попытается на них надавить, поэтому люди, не находя опоры, спотыкались и теряли равновесие, а иногда даже наступали на саму печь, из-за чего очень сильно обжигали ногу (поскольку не носили никакой специальной защиты и работали в гэта). В японской мифологии дух кузнеца с одной ногой и одним глазом называют Иппон-датара.

Выходя из здания школы, я испытывала странное чувство поражения, хотя не знала, кому именно проиграла. Несмотря на то, что учебный день закончился и всё прошло, остаток времени я, вероятнее всего, проведу в комнате, выделенной четой Хакобэ, предаваясь депрессии. Однако дойти до дома без приключений мне не удалось.

Даже до дома не можешь нормально дойти?! Я не перестаю удивляться самой себе: вон до чего уже докатилась. Тем не менее убеждена, что не только я одна виновник этого несчастья. У меня есть определённого вида мазохистские наклонности, но точно так же я склонна нещадно винить других, когда ситуация к тому располагает. Я же мусор, как-никак.

Пока мы с Юругасэ Амико «разговаривали» на крыше, после чего я впустую тратила время, слоняясь одна по классной комнате, солнце уже село, и наступили сумерки. Но кто бы мог подумать, что на пути к школьным воротам меня будет поджидать...

Небольшая группа из трёх девочек.

Согласно информации, полученной от Юругасэ Амико, одну из них звали Судзубаяси Лили (это кто-то типа лидера нашего класса), а вот две другие... Две другие, судя по всему, кохай из её кружка. Не знаю, что это за кружок, но явно что-то связанное со спортом, так как все они одеты в тренировочные костюмы. Вероятно, эти трое шли по домам после занятий... Однако Судзубаяси Лили должна, по идее, давно покинуть кружок (причём не важно, чем они там занимались), поскольку учится в выпускном классе. Но, насколько мне известно, «старички»¹, бывает, частенько проводят родной коллектив.

Кажется, они идут вместе. Или же эти кохай преследуют Судзубаяси?.. Нет-нет, они не донимают её, а наоборот, желают самого наилучшего и говорят, что будут скучать.

Интересно, каково это, когда кохай к тебе так привязаны?.. Судзубаяси... А её полное имя, да-да, вроде бы Судзубаяси Лили.

Я бы, может, и отважилась заговорить, если бы столкнулась с ней в пустом классе, но сейчас время было неподходящее.

Даже неудачное.

Неприятные ощущения, которые я испытала, посмотрев план рассадки, вымотали меня полностью, и в таком подавленном состоянии даже ни с кем не хотелось разговаривать, а только сделать вид, что никого не замечаю, и по возможности пройти мимо.

К счастью, Судзубаяси Лили, кажется, увлечена разговором со своими кохай, поэтому с моей стороны было бы невежливо прерывать их (я заранее придумала более-менее правдоподобную отговорку)... Однако та троика немного опередила меня, они вдруг резко развернулись и перегородили ворота. Будто специально, чтобы не дать мне пройти... Будто они загнали меня в ловушку. Э-эх.

На лице Судзубаяси Лили почему-то читалась гордость... По крайней мере, мне так показалось... А-а, ясно, она хочет поиздеваться надо мной.

Я поняла это, потому что сама когда-то была задирой. Точнее, у меня был период в жизни, когда я без разбора кидалась на всех подряд (трудно сказать, что я полностью избавилась от этого недостатка).

Поиздеваться надо мной... Выходит, последним событием этого учебного дня станут разборки с одноклассницей. Это явно не входило в мои планы.

Ни один человек не жаждет попасть в разборки, в том числе и я.

Нет, всё-таки наша встреча — чистое совпадение даже для Судзубаяси Лили, и она, судя по всему, хочет воспользоваться им по максимуму... Да уж, и вправду неудачное время.

Э-эх, ну почему сейчас... Кажется, начинаю понимать, что чувствовала Юругасэ Амико, скрываясь от моего назойливого преследования.

Я осознавала, что моя попытка обречена на провал, но всё-таки развернулась и поспешила назад, притворившись, будто что-то забыла в школе. Но меня тут же окликнули: «Эй, новичок!» Всё, деваться некуда.

«Чёй-то ты поздно до дому топаешь. Обожди, есть о чём побазарить».

Я хотела ответить, мол, нам не о чем с тобой разговаривать, и обойти её, но те две кохай встали у меня на пути, не давая прохода. Блестящая комбинация, как будто всё спланировано.

У меня не было и шанса прорваться, даже если бы попыталась. К тому же, судя по их костюмам, они девушки спортивные.

Решено.

Отныне всякий раз, пережив горький опыт (каким бы ничтожным он ни был), я буду приходить в старшую школу Наоэцу и бить Арараги. Буду выплёскивать свой гнев на него.

Мне хватило просто представить эту картину, чтобы успокоиться, и лицо исказила слабая улыбка.

Похоже, она слегка напугала тех двух кохай (не удивительно), да так, что девушки чуть отступили под напором моей неслыханной дерзости. Но Судзубаяси Лили не дрогнула, а только нахмурилась. Да уж, неспроста она лидер.

Лидер... Кстати, было одно время, когда я считала себя лидером... Но это было очень и очень давно.

Может, я не могу влиться в общество, потому что не нахожу душевного спокойствия, если не занимаю позиции лидера?... У меня просто не получается держаться наравне с другими людьми.

Я всегда знала, что так оно и есть, но не находила сил признаться в этом самой себе... Следуя такой логике, можно со стопроцентной уверенностью заявить, что Судзубаяси Лили была настоящим лидером.

Но я решила так не потому, что она загнала меня в угол. Я ещё утром во время приветственной речи почувствовала, что над ней витает какая-то специфическая аура. Мне и без лекции Юругасэ Амико было вполне понятно, что Судзубаяси Лили занимает особое положение.

Именно поэтому я и посчитала, что с ней будет трудно подружиться... Но если наше знакомство начнётся таким образом, то я буду бесконечно жалеть, что не подошла к ней раньше.

Ладно. Упущенного не вернёшь.

Давай, нагруби мне! Пусть это будет очередной горький опыт! Ведь тогда я смогу пойти к Арараги и избить его! Ну же, только дай мне предлог! Издевайся надо мной сколько душе угодно! Если хочешь, я сама дам тебе повод!

Подумав об этом, я спросила у неё с излишней манерностью: «Полагаю, у тебя ко мне какое-то дело, Судзубаяси-тян?» Две кохай в ответ тут же захихикали, видимо, посчитав речь приезжей смешной. Или же они успели перемыслить мне косточки, обсуждая по ходу занятий в кружке, как новенькая ученица провалилась с треском и опозорила себя, а теперь, наверно, думали что-то вроде «ну неужели она смогла хоть где-то не запнуться?».

А вот самой Судзубаяси Лили моя провокация похоже, не понравилась. Она даже не улыбнулась. Специально, да? Чтобы всё выглядело как моё очередное фиаско?

Уловив настрой сэмпай, две кохай прекратили нервно хихикать. Между нами повисло неловкое молчание.

Или это Судзубаяси Лили приказала кохаям перестать смеяться? Ладно, не буду заморачиваться... Судзубаяси Лили не понаслышке знала, как я облажалась в первый день в новой школе, поэтому мне не было никакого смысла важничать и строить из себя крутую.

Думаю, она уже поняла, из какого я теста.

Но в таком случае странно, что она решила поиздеваться надо мной именно сейчас... Хочет покрасоваться перед своими кохаями?

Думаю, если она избытёт такого отброса, как я, на её популярности это негативно скажется... Куда лучше проявить доброту, помочь бедному новичку вырваться из плена ошибок и подать руку упавшему, ведь самостоятельно он не выберется. Если поступить так на глазах своих кохав, можно завоевать их уважение, да?

Я как обычно ушла в свои эгоистичные мысли. Судзубаяси Лили сказала нечто вроде «для твоего же блага стараюсь», как будто поняла, что у меня на уме, без всяких слов.

Не уверена, что правильно разобрала её речь, поскольку слышала какую-то смесь диалектов, но, похоже, она сказала именно это. Знаю, что ещё не привыкла к здешнему говору и лучше не строить завышенных ожиданий, и не радоваться раньше времени, поскольку попала я в далеко не дружелюбный класс.

Радоваться раньше времени? Когда Ойкура Содати в последний раз радовалась? Два года назад? Какой я вообще предстаю в глазах окружающих?

Может, прозвучит неожиданно, однако я даже не представляю, насколько безобразно выгляжу со стороны... Одноклассники, понаблюдав за моими провалами, наверно, и вовсе считают, что я только придуриваюсь. Но это всё равно унижительно.

Каждую секунду моей жизни я словно борюсь за существование, так что досадно, когда окружающие считают меня каким-то клоуном.

Но как бы сильно я на этом ни настаивала, результат всегда один: я стараюсь изо всех сил выжить, при этом в глазах окружающих выгляжу полной дурой и неудачницей... Если Судзубаяси Лили собирается объяснить, как нужно вести себя в нашем классе, разумно состроить серьёзное или даже подавленное выражение лица и молча её выслушать.

Впрочем, скудоумной и слабовольной личности не пристало говорить о разумном... Я даже не знаю, сколько ещё смогу сохранять самообладание... Хоть бы этот разговор побыстрее закончился, а.

Дайте уже пойти домой.

Но, вопреки моему желанию, Судзубаяси Лили плавно, размеренно и с гордым видом начала подробно разжёвывать, что она не хочет мне зла; что нет ничего зазорного в том, чтобы выделяться, пусть даже и в плохом смысле этого слова, и что можно легко подружиться со всеми, так как класс у нас добрый, и посоветовала просто быть собой.

В другом месте и в другое время я была бы крайне признательна ей за такой совет, но сейчас мне хотелось только побыстрее уйти домой.

От такого наплыва информации я растерялась ещё больше... Сначала Юругасэ Амико поделилась сведениями об одноклассниках, теперь Судзубаяси Лили рассказывает о том, как выжить внутри класса, однако я лишь сильнее понимаю, что не могу порадоваться этому чисто по-человечески.

Не думаю, что найду этой информации практическое применение.

Чувствую, так оно и будет.

Всё из-за моего поганого характера, да? Если люди проявляют ко мне доброту, я сразу начинаю искать в их действиях скрытые мотивы. Я настолько сомневаюсь в людях, что не доверяю даже чете Хакобэ: не могу отделаться от мысли, будто они взяли меня на попечение не просто так, а затевают что-то страшное, хоть убейте! А Юругасэ Амико и Судзубаяси Лили я тем более не доверяла. Да и как могла? Мы познакомились только сегодня!

Что же, в отличие от Юругасэ Амико, намерения Судзубаяси Лили в какой-то степени лежали на поверхности. Легко читались между строк. Её доброта не была притворной, она не дразнила новичка и не пыталась выглядеть хорошо перед своими кохай.

Кое-кто ей не нравился.

И я говорю не о себе (хотя моё поведение как бы само наталкивает на эти мысли). Нет, наверно, я ей всё-таки тоже не нравилась, но первым делом неприязнь и вражду у неё почему-то вызывала Юругасэ Амико.

Короче говоря, ей, видимо, было неприятно, что я так привязалась к Юругасэ Амико. Это чувствовалось по обрывкам её слов.

«Выгоднее дружить с нами, а не подлизываться к этой девке», — она, конечно, сказала иначе, но смысл был ясен.

В таком случае это больше смахивает на предупреждение.

Выходит, мне не показалось, и Юругасэ Амико всё-таки изгой класса. А вдруг это произошло с лёгкой руки самой Судзубаяси Лили?

Юругасэ Амико ничего об этом не рассказывала... Что же, думаю, никто не захочет в подробностях объяснять, как ему объявили бойкот, да ещё и в разговоре с новичком.

Как бы то ни было, вражда между двумя лагерями или борьба за влияние в классе не моего ума дело... Неважно, враждуют ли Юругасэ Амико и Судзубаяси Лили, оппоненты ли они, их распри и делёжка территории никак меня не касаются.

Вернее, я не хотела в это лезть.

Сделаю вид, что я безучастный зритель и меня это ни в коей мере не заботит. Следует притвориться, будто вняла совету Судзубаяси Лили и благодарна ей от всей души, промывав в ответ какое-нибудь «угу».

Будто проанализировала и поняла, какой необдуманный шаг совершила, чтобы у неё не осталось никаких сомнений на мой счёт... Можно сказать, почти так же я пыталась отреагировать на слова Юругасэ Амико (только та попытка обернулась провалом).

Вспоминая своё поведение, я осознала, что вела себя как неизлечимый оппортунист²; как флюгер, держащий нос по ветру³; как последнее ничтожество, которое не в силах самостоятельно сделать выбор.

Мне уже ничем не поможешь. Серьёзно.

Хотелось бы выразить искренние соболезнования всем тем, кому «повезло» оказаться в том классе, куда перевёлся такой безнадёжный человек... Тем временем Судзубаяси Лили, от которой я никак не ожидала услышать в свой адрес сострадание, закончив говорить, спросила: «Ты ведь не против?» Нет, это моя смелая, если не сказать наглая, интерпретация того, что она сказала на своём диалекте. На самом деле Судзубаяси Лили выразилась иначе.

На самом деле это было: «Пóняла?»

«Пóняла», — ответила я.

По собственной невнимательности я позволила этому диалекту отравить свои мысли, но Судзубаяси Лили восприняла это как насмешку и сверкнула на меня глазами.

Под её испепеляющим взором я непроизвольно и сама уставилась на неё в упор, не желая отводить взгляда. Не понимаю, я же хочу ладить с людьми, почему тогда каждый раз всё заканчивается одинаково? Наверно, потому, что на самом деле не ищу хороших отношений.

Судя по всему, Судзубаяси Лили сочла, что сейчас самое лучше время уйти; возможно, даже потому, что эта сцена развернулась перед её кохаями. Не прощаясь со мной, она скомандовала девочкам, стоявшим за её спиной: «Жаль, что заставила вас ждать. Ну что, пойдём?»

Это называется «мне абсолютно плевать».

Её поступок оскорбил меня. Зачем? Это же бессмысленно! Даже не верится, что равнодушием можно так сильно задеть человека... Хочу когда-нибудь оскорбить Арааги подобным образом.

Использую её как образец для подражания. Поучусь на её примере. Всё же лучше иметь наглядное пособие, чем учиться по пунктам инструкции.

Выходит, так должен себя вести лидер класса? Не думаю, что смогла бы подражать ей, а если бы и попробовала, то задалась бы потом вопросом, зачем вообще пыталась повторить что-то подобное.

Но если дистанцироваться от всего этого, мне останется только поблагодарить её за эти бескорыстные советы. И хотя составленный на сегодня список дел оказался бесполезным, я смогла хитростью выжать все важные для меня сведения из Юругасэ Амико и Судзубаяси Лили. С точки зрения выгоды и убытков, это, конечно, выгода, однако получение нужной информации ни в коей мере не зависело от моих усилий или упорства, поэтому я невольно испытывала некоторую печаль.

Ты не можешь повлиять на свою жизнь, как бы сильно ни старалась. Просто натяни на лицо улыбку, будто у тебя всё хорошо, и следуй по уже проложенным рельсам. Казалось, сама судьба любезно даёт мне указания и пытается успокоить. Если бы у меня спросили, мол, разве есть хоть что-то хорошее в таком подходе, я бы не нашлась, что ответить.

Но результат меня устраивает.

Неважно, что я ошибалась и сбивалась с пути. Всё хорошо, что хорошо кончается.

Хотя осталась ещё одна вещь, с которой я должна разобраться.

Завтра придётся выбрать сторону либо Юругасэ Амико, либо Судзубаяси Лили, поскольку обе враждуют.

Или я уже приняла решение?

Если ставить себя перед выбором между Юругасэ Амико, которая по общему мнению признана изгоем, и Судзубаяси Лили, которая по общему мнению признана лидером... Естественно, лучше присоединиться к последней.

Похоже, Судзубаяси Лили недолюбливала меня ещё до того, как я последней репликой рассердила её, однако она не стала в открытую показывать недовольство, поскольку ей нужно было перетянуть меня на свою сторону, чтобы поддерживать Юругасэ Амико, своего оппонента, в тотальной изоляции. Если она лидер, то должна уметь принимать такие политические решения.

Однако куда больше этого я сомневалась решать, что есть правильно, а что — нет. Даже если мне ясно, какой путь верный, я почему-то всё равно не могу его выбрать, а когда чутьё однозначно подсказывает, что передо мной лежит неправильный путь, я ничего не могу с собой поделать и по какой-то причине выбираю именно его.

Я не люблю, когда люди говорят мне, как надо поступать, и только поэтому оказываю им бессмысленное сопротивление; я не ищу выгоды ради выгоды, просто не приемлю этого. Не хочу, чтобы обо мне думали как о простаке, который везде ищет недостатки и преимущества; который гонится только за своими интересами.

Не хочу, чтобы меня ни во что не ставили и думали, что я проста как пробка.

Мой бунтарский характер сравним с детским упрямством⁴, но это моё единственное средство самозащиты, пока я страдаю от постоянных несчастий.

Если стану предсказуемой, меня будет ждать роковой исход. С другой стороны, если мои действия не предугадать, я могу превратиться в девочку, с которой сложно подружиться, и не сумею защитить себя от опасностей.

К тому же Юругасэ Амико куда вероятнее, чем Судзубаяси Лили, откажет мне, если неожиданно предложу ей объединиться.

И тогда я окажусь изолированной от всего класса.

Нет, это не будет напоминать трёхстороннее противостояние⁵. В худшем случае заклятые оппоненты, Юругасэ Амико и Судзубаяси Лили, могут объединить силы по принципу «враг моего врага — мой друг» и сделать меня своим общим врагом.

Я не шучу.

Без понятия, почему эти двое враждуют, но я точно так же не знаю, как их примирить... Что же, вывод очевиден.

Однако с такой привычкой загонять себя в угол (словно это моё хобби) я не определюсь с выбором, пока завтрашний день не поставит меня перед фактом.

Ах, уже тошнит от всего этого!

Плевать, наступит завтра или нет.

Если наступит, оно будет таким же неприятным, как сегодня?.. В таком случае я точно не смогу принять его с распростёртыми объятиями.

Примечания

1. Содати использует сокращение ОВ (от англ. old boy). Так называют бывших соучеников.
2. Одно из значений слова «комори» — человек, поведение которого не отличить от птички, скачущей туда-сюда. В этом смысле его используют как ругательство, обзывая им человека, меняющего стороны в зависимости от того, с кем ему выгодно на данный момент времени.
3. В прямом смысле «кадзами-дори» обозначает флюгер (в форме петуха), но в переносном — человека, который не имеет собственных убеждений и молчаливо соглашается со всем, что ему говорят.
4. «Аманодзяку» означает «упрямство», «несговорчивость», но также это название демонического существа в японском фольклоре. Это чёрт, который тревожит самые тайные желания людей, провоцируя их совершать зло. Основное качество характера аманодзяку заключается в том, что он делает всё наперекор сказанному (как маленькие дети).
5. Сансукуми — взаимная боязнь или букв. три оцепенения (змеи при виде слизняка, слизняка при виде лягушки, лягушки при виде змеи).

Мой второй день в новой школе.

Всю ночь я ворочалась и охала, мысли не давали заснуть, а ближе к утру чуть было не решила прогулять, притворившись больной, но передумала: всё-таки чета Хакобэ — хорошие люди, нельзя разыгрывать перед ними такой спектакль.

Я поставила себе задачу солгать им, что в школе было весело и что на новом месте у меня всё будет хорошо, но, когда дошла до последнего слова, почему-то стушевалась.

Думаю, они просто-напросто притворились, что поверили в очевидную детскую ложь, и позволили себя обмануть, поскольку не хотели меня ранить, но это не имеет никакого значения. Сегодня только второй день в новой школе, поэтому нельзя запирается от мира и симулировать болезнь, ведь это покажет, что жизнь в Наоэцу ничему меня не научила и что я так и не выросла, правильно?

Уже поздно что-либо менять, в глазах одноклассников я иной не стану, однако никак не могу смириться, когда представляю, что Арараги думает обо мне, мол, она никогда не изменится.

Так что я сжала волю в кулак, переделалась в школьную форму и пошла в старшую школу Сисикурасаки... Может, когда войду в класс, события вчерашнего дня окажутся сном (*да не бывать этому!*)?

Плыть по течению и полагаться на волю случая...

Кажется, так поступает Арараги Коёми (причём не мой воображаемый, а настоящий)... Было бы чудесно действовать по-своему, не думая о том, как бы он поступил.

Или даже думая об этом. Просто быть способной принимать решения.

Если бы этот мужчина был кем-то другим, а не Арараги Коёми, я бы хотела взять его за образец для подражания и поучиться у него жизни... Может, попробовать хотя бы сегодня утром вести себя как он?

Я не знала, радоваться ли своему решению, вернее, стоит ли вообще радоваться, потому как, что бы я ни решила, мои действия приводят только к новым несчастьям... Когда я с трудом добралась до класса, то обнаружила, что дилемма о том, к кому присоединиться (к Юругасэ Амико или Судзубаяси Лили) никуда не исчезла.

Ну же, давай, определись! Время поджимало, но выбирать из двух красавиц не пришлось. Меня немного смущает, что я вдруг стала такой популярной среди девушек, однако причина, почему столь противный человек, то есть я, смог отделаться от трудного решения, заключается вовсе не в том, что в последний момент мне в голову пришёл великолепный план. Что бы я ни делала, какие бы ошибки ни совершала, моя жизнь не меняется. Как будто и не мне принадлежит вовсе, если можно так выразиться.

В общем, изменилась обстановка.

Да-да, не я, а обстановка.

Или, лучше сказать, условия... Изначально я упрячилась делать выбор и бродила по коридорам, притворившись, будто знакомлюсь со школой, но потом, когда еле-еле успела забежать в класс перед первым предупредительным звонком на урок, увидела, что Юругасэ Амико, в отличие от Судзубаяси Лили, в кабинете не было.

Она не явилась на занятия.

...Не явилась?

Нет-нет-нет-нет, не верю.

Вчера она выглядела не в меру здоровой и бодрой, когда я пыталась подступить к ней, чтобы поговорить.

Притворилась больной? Пошла по пути, от которого отказалась я?

Но зачем Юругасэ Амико симулировать?

Я понимаю, если бы сама осталась дома, после того как в первый день в новой школе вляпалась в историю с двумя одноклассницами и меня поставили перед выбором, но почему Юругасэ Амико сегодня не пришла? Избегает моего навязчивого общества?

Если это правда, тогда я в шоке... Впрочем, не стану утверждать, что вчера на крыше после занятий мы разрешили наш конфликт, но перемирие-то хотя бы заключили?

К тому же сомневаюсь, что Юругасэ Амико видит во мне настолько серьёзную угрозу, что сегодня решила прогулять. Наверно, она не пришла в класс не просто так. Скорее, пытается выманить меня отсюда и где-то подловить... Хотя я дошла до такой гипотезы только потому, что плохо представляю, какая она на самом деле.

Как бы то ни было, одна из сторон просто не явилась к выборам, хотя меня и поставили перед фактом, что выбрать я должна... Да, знаю, что с таким характером только создаю себе новые, самые немыслимые, проблемы, но сколько бы бед я ни принесла, всё равно не стану выбирать то, чего нет. Я не могу это выбрать.

Много раз у меня из-под ног выбивали почву; иногда я делала так сама себе, но даже мне не под силу встать туда, где никакой почвы нет... Раз уж всё так обернулось, остаётся только вступить во фракцию Судзубаяси Лили. Собственно говоря, это скорее фракция всех, кроме Юругасэ Амико.

Будучи в замешательстве из-за немыслимого развития событий, я села за парту и услышала знакомый голос: «Салют, новичок! Чё-то ты сёдня не шастаешь ни за кем, а?» Он был полон сарказма, однако в этом приветствии я не почувствовала никакой враждебности.

Поздоровалась со мной, как я и думала, Судзубаяси Лили.

Не зная, что ей сказать, я благодарно улыбнулась в ответ, и губы мои изогнулись в невесть что, отчего общее выражение совершенно не шло моему лицу... Вот так и начался второй день для новой меня.

И развивался он по совершенно другому сценарию, в отличие от первого... Проще говоря, все одноклассники начали «суетиться» вокруг новенькой.

Что ни говори, а я с трудом верила в происходящее, поэтому никак не могла не заключить слово «суетиться» в кавычки. Просто одноклассники вели себя так, будто оказывали радушный приём.

Каждый по очереди подходил ко мне и спрашивал что-нибудь о моей прошлой школе. Поскольку я лучше умру, чем буду о ней рассказывать, все мои истории были чистым вымыслом (причём одна ложь противоречила другой), но, так или иначе, все были сильно заинтересованы во мне.

Все хотели узнать как можно больше об Ойкуре Содати.

Всякий раз, когда приходится рассказывать о себе, я невольно испытываю отторжение, так что от этих допросов чувствовала сильный дискомфорт и изо всех сил давила в себе желание броситься из класса наутёк. Однако для новичка такое тёплое приветствие и живой интерес одноклассников, как правило, лучшее из всех мыслимых развитие событий.

Парни и девушки спорили друг с другом, кто сядет со мной пообедать на перемене... Я даже в самых диких фантазиях не могла вообразить то действие, что разворачивалось перед моими глазами.

Если доложу Арааги о пережитом событии, он не только категорически не поверит мне, но в худшем случае ещё и отведёт на приём к соответствующему врачу... Хотя с чего это я должна посвящать этого мужчину в детали своей новой жизни? Что бы там ни было, но стоило только принять происходящее за правду (так сказать, заглотить наживку), как у меня словно началась изжога.

Что происходит?

Неужели мой вчерашний позор оказался сном? Нет, циничный тон, с каким сегодня утром Судзубаяси Лили поздоровалась, намекает, что всё случившееся вчера произошло на самом деле и это неоспоримая правда.

Хотя, если сравнить, как она вела себя впоследствии, можно сказать, что Судзубаяси Лили отнеслась ко мне с большой добротой: рассказала о характерных чертах нашего классного руководителя и каждого из предметников, которые нам преподают, а в конце предложила пообедать вместе со своими подругами.

Я явственно ощущала, что эта группа девочек во главе с Судзубаяси Лили стоит на самой вершине иерархии класса, и испытывала, сидя в их компании, ещё больший дискомфорт, чем обычно. Тем не менее безбожно совру, если скажу, будто сегодня мне не было весело.

Не отрицаю, что своей невнимательностью лишь обрекаю себя на участь изгоя, тем самым замыкаюсь от остального мира, будучи не в состоянии жить в обществе, однако на самом деле я вовсе не люблю находиться в одиночестве.

Одной быть легче, но это не значит, что мне так нравится.

Я хочу найти друга, подружиться со всеми, но у меня не выходит. Поэтому, не зная, как повести себя в ситуации, когда меня окружили одноклассники будто стая журналистов, желающих взять интервью, я не могла перестать по-глупому улыбаться.

Хотелось, чтобы меня ударили по спине и призвали к ответу: «Зачем ты продолжаешь улыбаться, если совершенно не умеешь строить обворожительную улыбку?» Пренная времён старшей школы Наоэцу сошла бы с ума от зависти, если бы увидела нынешнюю, новую Ойкуру Содати.

Пусть я и представить не могла, что меня увлечёт подобный водоворот событий, моя пресловутая недоверчивость не давала разыграться воображению, поэтому мне не оставалось иного выхода, кроме как сомневаться во всём. *Они потешаются надо мной? Поэтому так из кожи вон лезут и «суетятся»? А за спиной, поди, смеются над растерянным и смущённым новичком? Это своеобразный обряд инициации?* Я не могла отделаться от этих мыслей.

Но к концу учебного дня пришлось признать, что правдоподобных сомнений поубавилось.

С трудом верится, что каждый из одноклассников таит злой умысел. Думаю, куда реальнее ситуация, когда издеваются отдельные группы учеников, но не весь же класс, правда? Я так и думала, что Судзубаяси Лили окажет мне тёплый приём, чтобы окончательно переманить на «свою сторону», пока Юругасэ Амико нет в школе. Но раз Судзубаяси Лили настолько сильный лидер (если не агитатор?), что сумела мобилизовать весь класс, значит, мой голос, желание или нежелание вставать на её сторону не имеют для неё никакого значения и не представляют серьёзной проблемы. Она могла заставить меня сдаться и примкнуть к ней без необходимости искать моего расположения... Если бы, конечно, была «особенным человеком».

Однако Судзубаяси Лили, как и все другие одноклассники, были «обычными детьми», стать одной из которых я так стремлюсь... Не верю, что здесь творится подобное безумие.

Этого просто не может быть.

Тогда как же относиться к этой ситуации, которая сложилась буквально на пустом месте? Как логически объяснить её развитие? Потому что это настолько нереально, что кажется, будто я заплутала где-то в параллельном мире.

Я прекрасно понимаю: нужно просто наслаждаться моментом, а не забивать голову всякой ерундой, и, если смогу, все мои волнения тут же улетучатся.

Подводя итог, я прихожу к выводу, что все решили пожалеть меня и представить, будто вчерашнего позора и вовсе не было. Ну или хотя бы не напоминать мне об этом. Пока я утром бродила по коридорам, притворившись, будто знакомлюсь со школой, ребята, наверно, устроили собрание, где подняли и обсудили вопрос о том, как относиться к Ойкуре Содати.

Неужели кто-то предложил, мол, она такая жалкая, давайте будем с ней полегче и попробуем подружиться?

...Я хотела для примера привести какую-нибудь донельзя абсурдную гипотезу, но даже она казалась вполне вероятной. Особенно кусочек «она такая жалкая» ближе всего к реальности.

Да, так и есть. Моя жизнь жалкая. И образ мышления тоже.

Ничего удивительного в том, что я заручилась симпатией одноклассников... Жаль, не могу подавить постыдные чувства, но также не могу отрицать, что теперь-то мне будет о чём повспоминать в будущем. Неоспоримая правда.

Чтобы не тратить время на выяснение мелких деталей, я решила поверить одноклассникам и тоже стала думать, будто вчерашнего позора не было и в помине. Начиная с этого дня, я изменю свою новую жизнь.

Она будет такой, какая полагается переведённому ученику.

Поскольку одноклассники не станут вечно «суесться» возле меня, я должна изменить образ мыслей и направить их в другую сторону, чтобы найти способ, как эффективно воспользоваться своим «бонусным временем», выжав из него максимум.

Мне выпал шанс начать всё заново, хотя я и не смела надеяться на такую благодать.

Если не использую его наилучшим образом, останусь жалкой на всю жизнь... Итак, я должна как-нибудь освоиться в этом классе.

Даже если я ошиблась в своих рассуждениях, это не повод отказывать одноклассникам и замыкаться. Теперь некогда думать об отсутствующей Юругасэ Амико. И об ещё одном однокласснике: сегодня в школу также не пришла Хатамото Аякари.

Казалось, боги даровали мне удачу всего на один день, но одноклассники вели себя дружелюбно и следующие два. Боюсь, если потеряю рассудок, то поддамся иллюзии, будто мне оказали тёплый приём только потому, что я милая и добродушная девочка с хорошим характером.

Не обманывайся. Всё потому, что я милая. Характер у меня ужасный, а добродушия — ноль. Хотя даже не уверена, милая я или нет. Кажется, со стороны я выгляжу неприглядно.

Если перестану раз за разом принижать себя, то воспряну духом и снова совершу какую-нибудь ошибку. Возможно, даже буду наступать на те же грабли.

Спустя четыре дня лёгкой и приятной жизни я быстро привыкла к хорошему, но, чтобы привыкнуть к хорошему, мне достаточно и одного дня. И вот настала суббота.

То есть выходной.

Наоэцу — очень серьёзная частная старшая школа, и там ученикам расслабляться не давали, так что половина субботы была учебной, но в Сисикурасаки, государственной школе, практиковалась пятидневная учебная неделя.

Поскольку я давно не ходила в школу, мне казалось, что два выходных — слишком много, но, полагаю, для неуверенной в себе девушки такая передышка просто необходима, чтобы снять напряжение, прийти в себя и вернуть самообладание.

У меня была мимолётная надежда, что, может, на выходных я тоже буду нарасхват, но никто из одноклассников никуда меня не позвал, и я на миг призадумалась, почему?

Затем тут же очнулась от наваждения. Окунулась в собственную никчёмность.

Но как бы напряжена я ни была, чем бы ни были заняты мои мысли, я бы всё равно не смогла продолжать игнорировать тот факт, что и в четверг, и в пятницу Юругасэ Амико тоже не пришла в школу, то есть её не было на занятиях уже четыре дня подряд.

Я говорила, что хочу начать жизнь заново и переродиться, но всё-таки нельзя стереть человека из действительности, это уже похоже на какое-то колдовство, да?

Мне не давала покоя мысль, почему никто в классе не говорит о Юругасэ Амико? Ну да, она изгой, но разве это не слишком?

Я понимаю, там, если бы они игнорировали её, когда она рядом. Не отрицаю, сама через такое проходила.

Однако одноклассники продолжают делать вид, что Юругасэ Амико не существует даже тогда, когда её нет... На мой взгляд, это хуже обычной вражды, каких-то противоречий или неприязни.

Да... Как будто на неё наложили табу.

Как будто нельзя касаться этой темы в разговоре.

Когда-то меня тоже считали опухолью на теле класса. Наверно, это будет точнейшее сравнение, и в то же время трудно сказать, что оно на все сто верное.

Кроме того, одноклассники, похоже, считали происходящее совершенно нормальным... Не все поголовно, конечно, но большинство, насколько я могла понять.

У меня есть привычка наблюдать за выражениями лиц людей. Исходя из наблюдений, могу предположить, что, несмотря на консолидацию класса, не всякий разделял общую политику.

Думаю, у каждого нашлась собственная причина хорошо ко мне относиться. Судя по всему, они не устраивали никакого классного собрания, а то я уже навоображала себе всякое. Я поняла это только днём в воскресенье (долго же до меня доходило).

Никто не считает, что я сколько-нибудь важный человек. Впрочем, как и всегда. Нет, они поддержали меня не потому, что я жалкая.

Наверно, я сама придумала себе это оправдание.

Каждый преследовал собственные цели, но всем в первую очередь нужен был акт искупления, вот они и решили относиться ко мне с добротой.

Нет, я буквально купалась в их гостеприимстве, но не вместо Юругасэ Амико, нет, дело в другом. Это был способ избавиться от чувства вины за изгнание из коллектива Юругасэ Амико... Да, весь нюанс заключается в этом.

Похоже на правду.

Не берусь утверждать, что это справедливо для Судзубаяси Лили, ведь она явно была настроена против Юругасэ Амико, однако большинство одноклассников, на мой взгляд, преследовало чувство вины. Неважно, осознавали они это чувство или оно таилось на подсознательном уровне.

Даже с учётом небольшой погрешности мои подозрения попали точно в цель, причём это не были какие-то узколобые измышления. Я твёрдо уверена в своём выводе. Как будто верно решила задачу по математике.

...Ну и почему это должно меня волновать?

Неважно, какие чувства терзают сердца этих парней и девушек. Нужно быть спокойной, пока они добры ко мне.

Если не хочу, чтобы кто-то посторонний лез в мою душу, значит, сама не должна заниматься подобным. Более того, мне с ними учиться-то всего ничего — один месяц.

Я же не в том положении, когда кровь из носу нужно определиться с выбором и найти среди одноклассников закадычную подругу на всю жизнь или родственную душу. Меня вполне

устроит, если я смогу прожить оставшиеся дни в этой школе без происшествий. Может, юность моя и серая, но иначе быть не могло, ведь это же я.

Значит так, начиная со следующей недели, прямо с понедельника, я больше не буду ломать голову по пустякам и куда-либо лезть... Пха-ха, да сейчас.

Я же Ойкура Содати. Девушка, которая огрызается на всех подряд.

Жалкое дитя, которое просто не может не действовать.

Мне не нужно счастье, которое я получила чужими руками. Возможно, среди тех, кто «суетился» около меня, хоть немного, но правда были по-настоящему дружелюбные, внимательные и добрые люди, однако меня это не волнует.

Я бросаю им вызов. Разворошу этот улей. Приятно, когда тебя балуют, когда относятся ласково, но я предам эти убеждения и подниму бунт.

Восстану против судьбы.

Потому что мне такое счастье не нужно.

Найду новую цель.

Нужно выведать у кого-нибудь информацию, так?

Кажется, задача не из лёгких, требует большой осторожности, но не сказать, что совсем невыполнимая. У меня же есть личная информация о (почти) всех одноклассниках, которой поделилась Юругасэ Амико.

Скорее всего, она даже не предполагала, что я воспользуюсь её знаниями подобным образом, и, наверно, совершенно не хотела бы, чтобы я распорядилась ею именно так, но в нашем мире личной информацией нередко злоупотребляют самым непредсказуемым образом, пора бы уже привыкнуть.

Я остановилась на двух кандидатах.

Кякуфудзи Норики (её охарактеризовали как хорошую и добрую девушку) и Хасимуре Юхэе (меня заверили, что на этого парня можно положиться).

А что до других вариантов, например, Кирики Эритари, у которой язык без костей, или Одоримы Бото, который вечно у всех на побегушках, то они тоже прошли отборочный этап, но я человек низкий, а потому больше интересуюсь учениками с хорошей репутацией. Да, они для меня лучшая добыча.

Знаю, я просто отвратительна, но ошибок больше совершать не могу. Если не получится сыграть на их доброте, я не добьюсь успеха.

Звучит как оправдание, но оправданий мне нет. Казалось, что вся гадость из меня уже вышла, но не тут-то было! Я навечно застряла в этом бездонном болоте.

Насколько же плохой у меня характер? Почему я как никогда чувствую себя бодрой и полной жизненных сил, придумывая махинации, которые всё равно не сработают? Со мной явно что-то не так.

Если эти ощущения делают меня живой, я бы тогда лучше умерла, чем испытывала их. Однако всё равно сделала выбор в пользу «зла», а не «добра».

Итак, кого же выбрать своей целью: Кякуфудзи Норику или Хасимуру Юхэя? Они кажутся похожими друг на друга, поэтому не знаю, к кому обратиться. Вообще-то у меня нет предпочтений: я могу выбрать целью как парня, так и девушку.

Если особо не задумываться, тогда стоит выбрать Кякуфудзи Норику, поскольку мы с ней обе девушки. Однако и Юругасэ Амико, и Судзубаяси Лили, и Хатамото Аякари, то есть все, на мой взгляд, ключевые фигуры, тоже девушки, поэтому я считала, что нужно как-то исправить этот дисбаланс.

Казалось бы, если обратиться к девочке, будет проще найти общий язык, но в моём случае, думаю, такой подход не сработает. По существу, другие девочки испытывают ко мне неприязнь.

Знаю об этом не понаслышке.

Тем не менее, если меня спросят, нравлюсь ли я парням, ответ будет отрицательным. Однако мне по-настоящему хотелось узнать, что они обо всём этом думают, ведь в классе царит странная атмосфера, и всё крутится вокруг девочек, наделяя их особым влиянием.

Нельзя, конечно, сказать, будто парни никак не причастны к изгнанию Юругасэ Амико, но и я не жду от них объективности. Хотелось бы просто узнать мнение тех, кто держится в стороне от проблемы. Что тут скажешь, я человек узколобый.

Только в мою голову закралась мысль, что было бы неплохо попытаться вывести информацию сразу у двух персон, Кякуфудзи Норика и Хасимуры Юхэя, как я тут же отказалась от этой идеи, сочтя её нереалистичной.

Если план неосуществим, его придётся забраковать, каким бы замечательным он ни казался. С моей психикой я смогу выдержать общение только с одним человеком.

В полном объёме собрать информацию у всех причастных лиц, найти многочисленные доказательства и принять комплексное решение... Если бы я только умела вести себя не по-ойкуровски прозорливо, то давно бы уже забыла об изгнании из старшей школы Наоэцу.

Нужно провернуть всё в одиночку, в несколько действий, бесшумно¹ и, более того, быстро (в течение одного дня, если это возможно)... Потому что иначе, если не разрешу проблему сегодня, на следующий день мне, наверно, уже будет неинтересно.

Так что я выберу только одну цель.

Достаточно одной жертвы.

Я даже не ищу себе помощника, хотя ситуация, несомненно, располагает к тому, чтобы найти помощь. Меня бросает в дрожь от мысли, сколько труда нужно вложить в человека, чтобы потом его о чём-то просить.

По-моему, кого бы я ни выбрала, в результате всё равно пожалею, так что можно доверить решение монетке и перестать уже мучиться, однако я не собиралась полагаться на судьбу (да уж, я просто невыносима).

В общем, я упрямо думала сама и с тем же упрямством пришла, наконец, к ответу. Закончив колебаться, определилась с целью — Кякуфудзи Норика.

Выбрала девушку, а не парня.

Знаю, что по логике нужно было выбирать парня; что в будущем он мог бы пригодиться мне и что если я сблизюсь с Кякуфудзи Норикой, то в худшем случае настрою против себя всех девочек в классе.

Почему же не могу принять правильные решения даже на этапе подготовки? Даже в мелочах? Я сильно расстроилась, но в то же время почувствовала небывалое облегчение, ведь выбор сделан.

На самом деле всё гораздо прозаичнее: я стесняюсь разговаривать с парнями. Нет, это не попытка изобразить саму невинность. Просто уже не раз бывало так, что я без колебаний срывалась на парнях, а также вопреки здравому смыслу как могла старалась вести себя женственно и изображать милашку.

Но в сущности, я боюсь парней. Не хочу вдаваться в подробности, но меня пугает, что они больше и сильнее меня.

Вкратце, по той же причине я боюсь коллективов.

Боюсь, что надо мной будут жестоко издеваться.

Если серьёзно взяться за эту проблему и проанализировать её истоки, думаю, всё дело в моём детстве. Интересно, придерживаются ли другие девочки того же взгляда на парней?

В общем, я неизбежно робею, когда обсуждаю что-то с людьми, которые могут силой сломить моё мнение и волю. Или, наоборот, становлюсь чрезмерно самоуверенной.

Так что по возможности предпочитаю не общаться с парнями один на один.

Если бы ситуация не оставляла мне выбора, я бы собрала всё своё мужество и пошла к парню, но так как был доступен другой вариант, непременно ухватила за него.

Чем чаще меня бьют по жизни, тем больше я её ненавижу.

Впрочем, вполне возможно, что меня только лишний раз избыют, когда я попытаюсь вывести информацию у одноклассников.

Хоть я и говорю, что не прибегаю к насилию, но по природе я существо варварское. Не стану называть людей в этом сообществе миролюбивыми, но установившуюся здесь гармонию тем не менее собираюсь нарушить.

Думали, я испеку безе и попытаюсь сыграть на доброте доброй Кякуфудзи Норики? Вот уж не сомневаюсь, что вся её добродетельность сведётся на нет, после того как она узнает, насколько я грязный и низкий человек.

Я настолько отравлю ей жизнь, что она будет вспоминать моё лицо каждый раз, когда с ней случится какая-нибудь неприятность. Совесть у меня есть, и я даже чувствовала себя виноватой, но уже не могла остановиться.

Рано утром в понедельник я подкараулила Кякуфудзи Норику около дверей школы, а затем отволокла на крышу... Ну, «отволокла» — это, конечно, сильно сказано, но какое слово ещё подойдёт для такого хулиганского поступка? Если только похищение или киднеппинг.

Да уж, с таким поведением мне точно никогда не встать на сторону справедливости. Интересно, как бы себя в этой ситуации повели порядочные люди? Впрочем, не могу отрицать тот факт, что если бы я не пошла насильственным и неправильным путём, то не смогла бы поговорить с Кякуфудзи Норикой с глазу на глаз.

Думаю, она никак не ожидала, что я накинусь на неё и силой куда-то отведу... Что же, это естественно.

Что касается самооценки... Да, я потерпела множество фиаско, начала новую жизнь в новой школе с кучи ошибок, у меня ничего не получается сделать по-человечески, но я не закатила истерику и никому не оставила увечий. Мне с горем пополам удалось скрыть ото всех, насколько я опасна, несмотря на то, что показала себя низким человеком.

Возможно, Кякуфудзи Норика посчитала меня робкой, посмотрев, как я запинаясь во время представления перед классом, однако не сомневаюсь, что она не ожидала таких решительных действий с моей стороны и что я насильно «вызову её на разговор».

С учётом сложившейся ситуации было легко попасть под заблуждение, будто все мои действия на предыдущей неделе оказались правильными и эффективными (включая даже то, что своим поведением я вынудила Юругасэ Амико показать мне огороженную со всех сторон решётками крышу школы, к тому же ещё оказавшуюся непопулярным среди учеников местом) и были своего рода подготовкой к сегодняшнему дню. Как ни крути, Кякуфудзи Норике просто-напросто не повезло.

Что же, видимо, даже таких добрых, сердечных, порядочных, хороших и обаятельных людей может настигнуть подобное мне бедствие. Стоит сделать из этого выводы на будущее.

«Я хоть и затащила тебя сюда насильно, но клянусь, что насилие учинять не буду. Клянусь в этом Арааги».

Если, например, не получу от Кякуфудзи Норики желаемого результата и за это трону её хоть одним пальцем, даю слово, что в таком случае поцелую Арааги в щёку. Для меня эта клятва ещё унижительнее, чем лобзать устами землю. Стоило только в этом поклясться, как я тут же почувствовала недомогание... Кякуфудзи Норика, наверно, удивляется, о ком я вообще говорю.

Так, сейчас самое время разузнать у неё всё, что мне нужно, пока она сбита с толку и ничего не понимает.

Внезапная метаморфоза и демонстрация клыков (хотя нет, я, скорее, не пантера, а какая-нибудь лошадь) раскрыла мою истинную сущность². К счастью, Кякуфудзи Норика тряслась от страха как маленький зверёк перед большим хищником и, похоже, не поняла, что я блефую и храбрости во мне ни капли.

Однако её дрожащий вид не вызывал во мне ни сострадания, ни, наоборот, желания жестоко поиздеваться над ней. Я держала себя в руках. И мне стоило большого труда не вскипеть от раздражения.

А-а, вот оно что. Ясно.

Человек рождается в хорошей семье; растёт, питаясь хорошей пищей; родители и друзья относятся к нему с добротой, а потом он попадает в такую ситуацию...

Э-эх, неприятно, наверно.

Но ей только пережить этот момент, и всё. Она же не останется хмурой на всю жизнь, как я... Не начнёт срываться на всех подряд, скрипеть зубами или от злости пинать стены. Думаю, с ней всё будет в порядке.

Хорошо ей.

А мне такого будущего не дано, поскольку я сама по себе?

Хотя что плохого в одиночестве, если мне этого вполне достаточно?.. Нет-нет, каждый по-своему переживает тяжёлые времена, но все стараются как-то перетерпеть и жить дальше.

Наверно.

Если я ещё не самая трагическая персона на всём белом свете, значит, этот мир как минимум не хуже преисподней.

Или всё-таки самая?

Я планировала сблизиться с дружелюбной девочкой; хотела, чтобы мы называли друг друга по именам, а не фамилиям; вместе с ней гулять, веселиться, даже делать домашку... Разве прямо сейчас я не разрушаю свой план собственными руками? Не замазываю его чернилами³?

Если да, то и ладно. Ведь я это я.

«Почему это случилось со мной?» — Кякуфудзи Норика была напряжена до предела и, наверно, задавалась этим вопросом. Я подступила к ней вплотную. Прямо как Юругасэ Амико ко мне ровно неделю назад в мой первый день в этой школе.

Хотя я, по-моему, была в несколько раз убедительнее Юругасэ Амико. Особенно мой взгляд пугал. Он настолько жуткий, что я вскрикиваю от испуга, когда смотрюсь в зеркало.

Честно говоря, не могла отделаться от волнения: а вдруг она заплачет? Что тогда делать? Если бы она начала реветь, я бы потеряла рассудок и уже не смогла держать себя в руках. Однако Кякуфудзи Норика, судя по всему, понимала, что слезами делу не поможешь, и, более того, догадывалась, что мне нужно.

Она, как бы сказать, была из тех, кто никогда не идёт на конфликт.

Осознав это, я почувствовала облегчение. Всё же она отличалась от той компашки в старшей школе Наоэцу.

Кякуфудзи Норика не была «особенным человеком».

Она не только понимала, что от неё хотят, но ещё и не оказывала сопротивления. Мне не составило труда выудить информацию: это было так же просто, как открыть норэн⁴.

Естественно, я не собиралась трогать её, но была почти уверена, что если Кякуфудзи Норику и не заплачет, то наверняка окажет сильное сопротивление. Тем не менее она начала потихоньку говорить, и хотя ей это, судя по всему, давалось с большим трудом, я ожидала, что её рассказ всё-таки будет подлиннее и информативнее.

Несмотря на сильную скованность и оказываемое давление, вынуждающее Кякуфудзи Норику продолжать разговор, в тоне её голоса чувствовалась решимость, а слова она проговаривала без запинок. Мне не составило труда понять услышанное (при том что говорила Кякуфудзи Норику на специфическом диалекте), поскольку провела в общей сумме уже пять дней в чужеродном классе.

С точки зрения этой невероятно дружелюбной девочки, в последнее время между одноклассниками накопилась очень много стресса, и в силу испытываемого чувства вины перед Юругасэ Амико они начали с чрезмерной добротой относиться к новенькой в их классе. Знаю, рассказанное Кякуфудзи Норику несколько не умаляет моей вины перед ней за то, что я силой привела её сюда и устроила допрос с пристрастиями, но моя догадка относительно поведения одноклассников оказалась верна!

Во-о-от, видите! Я как знала, что ни за что не могла стать популярной по-честному!

Хотя радоваться тут нечему.

Я предполагала, что они пытаются мне угодить, движимые чувством вины, но не заставляла Кякуфудзи Норику признаваться именно в этом. Много из того, о чём я подозревала, подтвердилось в её рассказе, однако там были и совершенно неожиданные для меня откровения.

А некоторые вещи я по возможности и вовсе не хотела знать. Даже начала жалеть, что взяла на себя роль частного детектива. Это так похоже на меня: чуть что раскаиваться в содеянном.

Ох, ну правда...

Зачем я это делаю?

Кякуфудзи Норику наверняка задаётся вопросом, почему это происходит с ней, но я испытывала то же самое чувство... Почему это происходит со мной?

Примечания

1. Здесь Содати использует слово «оммицури». Примечательно, что оммицу помимо своего изначального значения «секретность» также является названием тайных агентов, появившихся в период Намбокутё (1336—1392 гг.). В средние века они ничем не отличались от ниндзя, однако с наступлением нового времени (в Японии это 1568—1868 гг.) их полномочия расширились. Они занимались сбором секретной информации по негласным приказам сёгуната. После того как отпала необходимость следить за даймё, чтобы предупреждать мятежи, тайная служба была преобразована в полицейский аппарат.

2. Выражение «внезапная метаморфоза» состоит из иероглифов «пантера» и «меняться». Оно пошло из «И цзин», древнейшего китайского философского текста, где сказано: «Мудрый человек поменяет своё мнение, если ему предоставят разумные доводы, а недалёкий — всегда останется при своём». Как известно, пантеры меняют мех в зависимости от времени года (зимой он длиннее, чем летом). Сравнение мудрых людей с пантерами показывает, что человек круто меняет свои убеждения ради собственной выгоды, прямо как животное — мех, чтобы не замёрзнуть или не сжариться. Выражение «раскрыть свою истинную сущность» букв. означает «показывать лошадиные ноги». В театральных постановках лошадь изображали люди, и их ноги показывались из-под костюма. Эту особенность стали использовать в качестве примера, когда тайное становится явным.

3. «Разрушать» (цубусу) и «замазывать» (нурицубусу). Здесь Содати говорит так, будто её «план на будущее» — нечто физическое, будто он написан на бумаге.

4. Тонкая шторка перед входом в традиционные японские рестораны. На ней обычно написано название заведения, изображён герб, а иногда перечислены оказываемые услуги.

После уроков пойду к Юругасэ Амико.

Честно говоря, это будет самым тяжёлым испытанием на моём пути. Она продолжала отсиживаться дома, так что в понедельник на занятиях, конечно, тоже не появилась. Я всё гадала, как бы нам встретиться?

И ничего в итоге не надумала.

Я здесь новенькая, эти места мне не знакомы и помощи просить не у кого, поэтому не знала, где достать адрес Юругасэ Амико.

Ещё в недавнем прошлом я могла бы махом установить её адрес, сверившись с пофамильным списком одноклассников или адресной книгой, но в наши дни различные организации считают своим первоочередным долгом максимально тщательно скрывать личную информацию... Тем более когда она касается детей.

Юругасэ Амико, разумеется, ничего о себе не рассказывала, как и о Хатамото Аякари, когда сливала сведения об одноклассниках. Она вдавалась в глубокие подробности, притом совершенно не касаясь «координат местоположения», то есть не говорила, кто и где живёт.

Я бы не стала утверждать, что она умолчала об этом из соображений безопасности... Бессмысленно скрывать только адреса, когда ты подробно рассказываешь обо всём вплоть до любовных отношений. Думаю, дело в том, что Юругасэ Амико тоже не знала, где живут одноклассники.

Хотя в современном мире друзья по учёбе обычно общаются при помощи мобильных телефонов, и среди молодёжи, возможно, считается модным не знать, кто где живёт. Сейчас важнее всего адрес электронной почты, а не просто адрес.

В общем, поскольку у меня нет мобильного телефона, я ничего не могу сделать. В таком случае лучшим выходом будет сыграть на доброте четы Хакобэ и заставить их купить мне мобильный телефон.

С другой стороны, вряд ли я смогла бы получить номер Юругасэ Амико, даже если бы у меня появился мобильный...

К слову, так как мы живём в информационном обществе, весь класс тут же узнал о том, как я вызвала Кякуфудзи Норику на крышу школы, что послужило окончанием периода моей популярности. Нет, она никому не разболтала об этом (скорее, даже героически заступалась за меня. Возможно, Кякуфудзи Норика боялась, что в противном случае её настигнет возмездие. Кажется, доброта этой девочки растопила моё злое сердце. И что делать, если она начнёт мне нравиться?), кто-то со стороны увидел, как я силой отвожу её туда, несмотря на все мои старания, чтобы нас не заметили...

Я оказалась изолирована, одна-одинёшенька.

Не буду храбриться и говорить, что мне не грустно и не одиноко, однако, несмотря на патовое положение, я всё-таки жаждала этого одиночества, чтобы вернуть себе присутствие духа.

Быть одной, быть в изоляции и сносить оскорбления за спиной — кажется, это и есть я настоящая. Да, чувствую, что уже набила руку в этом деле.

Поэтому здесь не о чем волноваться.

Передо мной встал практический вопрос о выживании в этом классе после вытеснения из разряда популярных людей, однако если говорить откровенно, то куда важнее и труднее было понять, как связаться с Юругасэ Амико.

И я едва успела разузнать всё, что мне нужно.

Успешно добыла весьма неожиданную информацию от Кякуфудзи Норики, прежде чем весь класс узнал, насколько я злой человек... Вернее, прежде чем эту девочку начали защищать от меня всей толпой её верные друзья.

Когда мы подошли к заключительной стадии допроса, который я устроила ей на крыше школы, девочка рассказала одну вещь (видимо, показавшуюся незначительной, если она не выдала её сразу), что Юругасэ Амико хоть и не ходит в школу, но тем не менее посещает подготовительные курсы.

Судя по всему, они записаны на одни и те же курсы. Кякуфудзи Норика сказала, что на прошлой неделе видела Юругасэ Амико за партой в кабинете для самостоятельных занятий.

Н-да-а...

Мне казалось такое поведение крайне нелогичным: прогуливать школу, но посещать подготовительные курсы. Хотя мнение человека, совершенно не знакомого с такими заведениями, не может быть объективным.

Вероятно, нынешние старшеклассники считают, что ходить на подготовительные курсы эффективнее, чем посещать занятия в обычной школе. Полагаю, многие ученики выпускных классов не считают возможным пропускать курсы, тогда как прогулять школу — вполне. Мы ведь на втором триместре последнего года обучения, можно без труда хотя бы примерно подсчитать количество дней, когда ты присутствовал, чтобы вывести безопасное число прогулов¹. Судя по тому, что Юругасэ Амико продолжает пропускать занятия, версия о таком расчёте выглядит вполне убедительно. Она явно подошла к вопросу основательно, мне до неё далеко.

И всё-таки, подготовительные курсы...

У меня не было ни нужды, ни денег посещать их... Хотя, если задуматься, место, где ты просто учишься и ничего более, где вокруг нет толпы сверстников и с ними не надо налаживать общение, идеально. Думаю, мне было бы очень комфортно в этой среде.

Разве что-то может быть лучше?

Кякуфудзи Норика даже не подозревала, что я собираюсь делать за пределами школы с полученной информацией, которую она выдала без всякого умысла. На мой взгляд, это были чуть ли не самые ценные и важные сведения.

Мне ещё только предстоит разузнать название и местоположение подготовительной школы, но это будет гораздо менее затратно по силам и времени, чем выведать чей-то домашний адрес. Всё-таки информация о курсах общедоступна, и её можно спокойно найти в стенах Сисикурасаки.

Я смогу определить нужную подготовительную школу, если получится найти в списках посещающих курсы фамилии учащихся выпускных классов нашей. Знаете, а в том, что период «суэты» вокруг меня подошёл к концу, есть свои плюсы: появилось свободное время для поиска нужных курсов.

Несмотря на то, что сбор информации среди одноклассников был более невозможен, я всё ещё могла спрашивать учителей о местных подготовительных школах... И после занятий мне повезло найти именно ту, за курсы которой ежемесячно платила Юругасэ Амико.

Я любитель углубиться в детали, уйти в них с головой, заниматься в известном смысле непродуктивными делами... В будущем хочу найти себе работу, где буду выкапывать ямы, а потом засыпать их обратно землёй.

В конце концов, всё это простая болтовня. Как можно выжить в океане жизни, если учиться плавать на полу? Задаваясь этими мыслями, я добралась после уроков к месту своего назначения и сильно удивилась, когда увидела размеры этой подготовительной школы.

«Ничего себе!..» — здание было настолько громадным, что я не сдержалась и удивилась вслух.

Хотите сказать, здесь не обычная школа, а курсы?

Глазам не верю! Сразу закрались сомнения, что вокруг сплошь раскрашенные декорации, поставленные со злым умыслом одурачить какую-нибудь деревенщину, приехавшую из глухомани (читай, меня). Однако я пришла по адресу, о чём говорила и табличка при входе.

Сколько бы я ни напрягала мозги, а понять не могла, почему здание настолько огромно. Затем, побродив по округе, догадалась, что этот комплекс, судя по всему, не просто школа, но и офис управляющей организации. Что ни говори, а масштабы всё равно гигантские.

Всё, умываю руки! Просто... я просчиталась по-крупному.

Казалось, стоит прийти на курсы, как тут же наткнулся на Юругасэ Амико, но я никак не ожидала, что подготовительная школа будет таких размеров... Если здание огромное, разумно предположить, что здесь занимается немало народу. Получается, найти в такой толпе девочку, с которой я разговаривала всего лишь однажды (да ещё и лица её, честно говоря, не помню), — дело не их лёгких.

Она же наверняка ходит сюда в повседневной одежде, а не в школьной форме, а ещё могла сменить причёску (заплести, к примеру, косу), и теперь Юругасэ Амико просто так не

найдёшь. К тому же у меня нет стопроцентной уверенности, что она посещает именно эти подготовительные курсы. Конечно, отступать не хочется, но даже если я нашла нужную школу, нет никаких гарантий, что моя цель окажется здесь сегодня.

Стоило только подумать об этом, как я осознала, что все мои старания тщетны. Аж захотелось развернуться и уйти домой. Мне стоило невероятных усилий подбодрить и расшевелить себя... Надо посмотреть на ситуацию под другим углом!

Здесь много школьников, а значит, я легко могу среди них затеряться. Будь это место поменьше, непонятно откуда взявшаяся старшеклассница стала бы неизбежно бросаться в глаза... Подумав так, я уже было собралась зайти внутрь, как вдруг мне словно подрезали крылья.

Я встала как вкопанная, словно к земле приросла.

На входе учеников досматривали, в частности, проверяли ручную кладь. У дверей стояла рамка металлоискателя, и, чтобы попасть внутрь, ученики показывали охранникам содержимое сумок, а также предъявляли что-то вроде пропусков.

Более того, они убирали мобильные телефоны, плееры, томики манги и ранобэ в прозрачные целлофановые пакеты и сдавали их на посту. Видимо, здешние правила диктовали, что все не относящиеся к учёбе предметы должны храниться в шкафчиках. Полагаю, что с собой разрешалось проносить только учебники, справочники, блокноты, пишущие принадлежности, словари и механические наручные часы. Сами понимаете, а вдруг у кого-то будут не просто электронные, а смарт-часы? Так что внутрь наверняка нельзя заносить такого рода технику.

Слишком строгие правила! Это неслыханно!

Поскольку я деревенщина из глухомани, у меня даже перехватило дыхание: настолько велико было возмущение от увиденного! Им осталось поставить только рентгеновские сканеры, и будет почти точь-в-точь аэропорт!

Я невольно встала на мыски и начала высматривать, а вдруг дальше в здании ещё и пост таможни стоит... но тут же опустилась на пятки, испугавшись, что кто-то может сообщить охранникам о моём подозрительном поведении.

Но я не могла так просто справиться с удивлением². Ощущалось нечто невыразимо странное от соприкосновения с чуждой мне культурой... Неужели в этом здании хранится что-то настолько ценное, для чего внутри пришлось выставить такую охрану? Казалось, будто Арсен Люпен³ отправил им письмо, заранее известив о своём приезде.

Хотя, если говорить о надлежащих мерах безопасности, местные порядки вполне адекватны. Даже если в школе нет никаких бесценных сокровищ, на которые мог бы нацелиться Люпен, там постоянно находились дети, занимаясь с утра до ночи и света белого не видя, и администрация несла ответственность за их безопасность перед родителями. Поэтому первостепенная задача школы — организовать охрану детей, чтобы подозрительные личности вроде меня, завидев, как здесь всё серьёзно, разворачивались ещё на входе. В целом, подготовительная школа — не образовательное учреждение в классическом смысле, ведь

здесь проводятся только курсы и дополнительные занятия, так что частная организация вправе поставить те же рамки металлоискателя, что обычной школе не позволено: чрезмерный надзор, по мнению общественности, вредит гражданским свободам.

Тц, какие тут все правильные!

А если вы правильные, значит, приходите мне врагами, да?

Я чувствовала испепеляющий гнев, когда видела этих наивных учеников, грезящих об успешном будущем и купающихся в одобрении и поддержке со стороны общества, и попутно размышляла, что наверняка у такого здания где-то есть чёрный ход, поэтому стала искать другие способы пробраться внутрь. Ещё недавно я порывалась уйти домой из-за сильного отвращения к этому огромному комплексу школы, но когда на моём пути возникает препятствие, я загораюсь жаждой преодолеть его.

«Было бы здорово, если бы этот дух соперничества проявлялся и в других аспектах моей жизни. Хочу быть полезной обществу...» — думала я, пока второй раз обходила здание в поисках служебного входа для персонала или службы доставки, но в конечном счёте выяснилось, что в моих блужданиях не было никакой необходимости.

Все входы и выходы, кроме главного, были закрыты (ни одна из дверей не поддавалась мне), поэтому пришлось от безысходности вернуться обратно, к парадному крыльцу. И тут я кое-что заметила... А, что?

Нет, скорее... Эй, вы чего?

На входе в школу поставили охрану точно в аэропорте, однако ручную кладь досматривают несерьёзно, если не сказать спустя рукава. И я заметила это наплевательское отношение не только у проверяющих, но и у проверяемых.

Запуская учеников внутрь, охранник лишь мельком оглядывал содержимое сумок и даже не вчитывался в пропуска... По-видимому, правила, запрещающие вносить не относящиеся к учёбе вещи, хоть и строгие, но к исполнению не обязательные.

Из-за рамки металлоискателя им приходилось сдавать электронные устройства вроде мобильных телефонов или игровых приставок, однако мангу и прочую художественную литературу они спокойно могли протащить с собой.

Система обеспечения безопасности прогнала.

Насквозь.

Нет, вряд ли, конечно, ученики давали охранникам взятки за это. Наверно, сторожа просто трезво оценивали ситуацию при рутинной работе, рассуждая так: «Подозрительные личности всё равно сюда не заходят, а если уж ребёнок не хочет учиться, его никакими словами не заставишь». Видимо, внушительный пост охраны призван в первую очередь успокоить родителей, а не контролировать учеников, так что никто не соблюдает правила строго.

Н-да... Как-то это грустно.

Как бы хорошо ни была продумана система, как бы умело её ни выстраивали, в конце концов её винтики — обычные люди, а посему от человеческого фактора никуда не деться. Не избежать ошибок и халатности...

Нерадивости, лености.

Эти людские пороки вкупе с тотальной несправедливостью загубили мне полжизни, поэтому неудивительно, что я взгрустнула и почти упала духом, пока наблюдала за попустительством школы... Ситуация удручающая, но безответственность охранников в конце концов играла мне на руку.

Повезло, что система гнилая. И начала разлагаться.

Складывалось впечатление, будто чисто номинальный⁴ пост охраны так и манит проскочить мимо, причём не просто постороннего, не являющегося слушателем курсов, а именно кого-нибудь подозрительного вроде меня, задумавшего в отношении Юругасэ Амико (на минуточку, здешней ученицы) редкостное злодеяние. Я уже не раз просачивалась сквозь сети безопасности, так что рамка металлоискателя в моих глазах — нечто вроде парадной арки.

Кх-кх-кх.

Натянув на лицо жалкую улыбку, на какую способно лишь худшее из ничтожеств, я зашагала ко входу. Ну давайте, охранники! Посмотрим, как ваша доселе привычная слепота сразу же пропадёт, стоит только мне подойти, и как вы будете останавливать меня, раскинув руки в стороны!

Поддавшись полному отчаянию, я напряглась до предела, пока проходила сквозь рамку. Однако ни один из трёх здоровенных и мускулистых охранников на посту не проявил себя как профессионал. Дело даже не в слепоте, просто они не сочли меня опасной. Наверно, я смогла бы пронести в сумке даже какую-нибудь дубинку: охранники всё равно не обратили бы внимания.

Так как у меня не было пропуска на курсы, вместо него я показала школьную карточку (предъявила пропуск в старшую школу Наоэцу, который по случайности так и остался у меня, поскольку подумала, что будет слишком бессовестно пытаться пройти, показав карточку школы Сисикурасаки), но либо она по счастливому совпадению в точности повторяла пропуск на курсы, либо считывающий прибор в данный момент не работал, потому что охранник пропустил меня, сказав жизнерадостным тоном: «Проходи-проходи! Удачи на занятиях! Приложи все усилия!»

Я понимала, что нельзя грубить старшим, но так и порывалась сказать, чтобы он сам приложил все усилия и выполнял свою работу добросовестно, а не пропускал всяких подозрительных личностей... Как бы странно это ни звучало, но мне кажется, человек становится преступником как раз из-за чьего-то недосмотра.

Довольно наглое утверждение с моей стороны, особенно учитывая, что вина лежит на мне самой, но если бы кто-то остановил меня заранее, я бы тогда не стала незаконно проникать сюда. Задумавшись о том, что, скорее всего, и до меня были такие испорченные люди, кто

пытался аналогичным способом пролезть в какое-нибудь здание школы дополнительной подготовки, я пошла дальше.

Несмотря на то, что в этой системе безопасности полно дыр словно в каком-нибудь дуршлагае, у меня всё равно с собой почти ничего не было, поэтому какой смысл подходить к шкафчикам? Сдавать-то нечего... В общем и целом, я удачно пробралась внутрь, однако передо мной встала следующая проблема: здесь суеилось очень много народу, и я не знала, откуда начать поиски Юругасэ Амико (у меня не было ни одной зацепки).

Видимо, хочешь не хочешь, а придётся обойти всё предприятие (и как я только умудрилась спутать его со школой?), заглядывая в каждую комнату... Мне предстояло провести масштабную поисковую операцию, и я понимала, что работать буду одна, но этого явно недостаточно, чтобы заставить меня опустить руки. Идей получше просто не было. Впрочем, зная себя, я могу претворять в жизнь только плохие идеи.

Если бы в данной ситуации оказались «особенные люди» вроде Ханэкавы Цубасы или Сэндзёгахары Хитаги, они бы своими силами вышли из положения, что не удивительно, но поскольку я в их число не вхожу, мне оставалось только уцепиться за никчёмную навязчивую идею, что внезапно появится какой-нибудь прохожий и покажет мне дорогу к месту назначения, если увидит, что я заблудилась.

«Особенные люди» идут по жизни, заводя новые знакомства, выстраивая отношения, находя друзей по интересам... Но я обычный человек с плохим характером, поэтому мне этот путь заказан.

Даже если бы, к примеру, Кякуфудзи Норики, которая вроде тоже посещает эти курсы, появилась сейчас здесь, она бы не подозвала меня «быстрее, идём сюда!», и не отвела за руку в нужное место: такое драматическое развитие событий просто невозможно. Мне не от кого ждать помощи: полагаться на личные связи, людей вокруг или человеческие отношения бессмысленно.

Дома, в старшей школе и на незнакомых дополнительных курсах... Я везде одна.

Ну и ладно. Я покажу вам, на что способен один человек!

Я снова собралась с духом!

К слову, пока в своих бредовых фантазиях представляла Кякуфудзи Норику, следом мне вспомнилось кое-что полезное из всего сказанного ею... Точно, она же говорила, что видела Юругасэ Амико в кабинете для самостоятельных занятий.

Естественно, надо оценивать ситуацию здраво, а не брать её слова за непреложную истину. Нельзя утверждать, что Юругасэ Амико и сегодня будет сидеть в кабинете для самостоятельных занятий только потому, что раньше её уже там видели⁵. Тем не менее я воспользуюсь этим в качестве отправной точки.

Хотя логичнее предположить, что она сидит в какой-нибудь аудитории, слушая лекцию здешнего преподавателя, но я пока ещё в здравом уме и не собираюсь врваться посреди

урока... Подожду немного в кабинете для самостоятельных занятий, притворившись, что повторяю материал. Не самое идеальное решение, однако эта стратегия не кажется такой уж плохой.

Ладно, не буду кривить душой, меня просто разобрало любопытство, каково это, заниматься в подготовительной школе. Хотелось самой окунуться в незнакомую атмосферу... Сверившись с планом здания, висевшим на стене рядом с лестницей, я установила месторасположение кабинета для самостоятельных занятий и пошла туда.

Чем дольше я бродила по коридорам, тем больше убеждалась, что это место напоминает не школу, а скорее, какое-то профтехучилище. Кстати, покинув старшую школу Наоэцу, я как раз подумывала выбрать для себя этот путь⁶.

Проскочить пост охраны у главного входа не составило труда, но по коридорам тоже бродили охранники, отчего я разволновалась (не ожидала их здесь увидеть) и начала от страха воображать, что если местные ученики разоблачат меня и посчитают не просто чужаком, а лазутчиком, то подключится охрана, и неудачливую шпионку обязательно схватят. Однако этого не произошло, и я без приключений добралась до кабинета для самостоятельных занятий.

Казалось, будто я человек-невидимка.

Проскользнула незамеченной словно ниндзя и нарушила закон, однако эйфория от удачной авантюры и сопутствующее ей чувство вины начали испаряться, как только я дошла до кабинета.

Если говорить точнее, стало казаться, что на меня просто не обратили внимание. Будто проигнорировали. В голову пришла мысль, что людям вокруг всё равно, есть я здесь или нет... Я проявила решительность, приступила к действиям, считала, что отправилась в большое приключение, но безразличие окружающих расставило всё на свои места. Меня как будто окатили холодной водой. Причём настолько холодной, что не мудрено умереть от инфаркта.

Раньше я эгоистично считала родным место, где нужно только учиться и ничего более, но теперь, оказавшись здесь, поняла, что оно наводит смертную тоску... Не сомневаюсь, те же чувства накроют меня, когда поступлю в университет.

Да, я понимаю (правда понимаю).

Я слишком быстро теряю веру в себя. Притворяюсь храброй, рассудительной, готовой мириться с неизбежным, но лишь для того, чтобы свести к минимуму боль, которую причиняет окружающий мир. Я знаю, что из-за этого «способа минимизации ущерба» страдает от ран и увечий всё моё тело. Знаю, но не могу от него отказаться. Понимаю, что такой образ жизни идёт мне во вред, но так жить гораздо проще.

Снова захотелось пойти домой, но пришлось взять себя в руки, чтобы не сбежать в сию же секунду... Что ж, сначала я собиралась подождать в кабинете для самостоятельных занятий,

но если сейчас открою дверь и не увижу внутри Юругасэ Амико, то сразу же уйду отсюда. Развернусь с такой элегантностью, что взгляды учеников будут прикованы только ко мне.

Ещё немного, и я бы выкинула что-нибудь из ряда вон, лишь бы привлечь внимание людей. Просто уже не отдавала себе отчёта, сколько ещё стресса смогу выдержать, прежде чем окончательно сойду с ума... Если открою дверь кабинета, а Юругасэ Амико там нет, начну крутить пируэты словно балерина.

И тогда, возможно, кто-то реально позовёт охранников... Однако мне удалось избежать такого развития событий.

Другими словами, она была там.

Юругасэ Амико сидела в кабинете.

Одетая в форму нашей школы. Более того, прямо у дверей. Наши взгляды пересеклись, другого и быть не могло. Мы обе оцепенели.

Похоже, я склонна ненавидеть собственные желания, когда они сбываются в самый неподходящий момент... Не удивлюсь, если так и не сумею оборвать связь с Арааги, сколько бы времени ни прошло.

Примечания

1. В японских школах очень пристально следят за посещаемостью. Если она падает ниже 80%, администрация устраивает профилактическую беседу с пропускающим занятия учеником. При многократных пропусках по неуважительным причинам могут даже оставить на второй год.
2. Слова «просто» и «удивление» звучат одинаково — *кантан*.
3. Главный герой детективных романов и новелл французского писателя Мориса Леблана. Благородный джентльмен-грабитель.
4. Идиома «*юмэй-мудзицу*» пошла из старинного китайского литературного памятника «Го юй», где собраны около 300 речей правителей и сановников китайских царств. Примечательно, что раньше выражение имело положительный окрас. В 8 главе раздела «Речи [владения] Цзинь» рассказывается о случае, когда Шу-сян пришёл повидаться с Хань Сюань-цзы и поздравил его, после того как тот посетовал на свою бедность, из-за чего ни один другой сановник не хотел поддерживать с ним отношений. В ответ на изумление Сюань-цзы Шу-сян сказал, что главное богатство — это имя. Даже если у человека нет ничего за душой, добродетельные дела прославят его, и люди сами к нему потянутся. В наше время «*юмэй-мудзицу*» несёт негативный оттенок и используется, например, в контексте организаций, занимающихся фиктивной деятельностью (как говорится, одно название, и ничего больше).
5. Пословица «*кэн о отоситэ фунэ о кидзаму*» имеет китайские корни. Дословно её можно перевести так: обронив меч, сделать на лодке зарубку. Она отсылает к истории, случившейся в период Сражающихся царств (403-256 гг. до н.э.). Один человек из царства Чу переплывал реку Янцзы. В какой-то момент лодку настигла огромная волна, отчего меч выпал из-за его

пояса, угодил в воду и пошёл ко дну. Однако человек тот не растерялся, вынул нож и сделал зарубку на борту. Плывшие с ним люди удивились, но он сказал им в ответ: «Мой меч упал там, где я сделал эту зарубку, поэтому я знаю, где его искать». Причалив к берегу, странник из Чу нырнул в воду, стал плавать и там и сям в поисках меча, но ничего не нашёл. Зеваки смеялись над ним, приговаривая с берега: «Лодка ушла далеко, а меч не движется!» Эту пословицу используют, когда говорят о твердолобом человеке, который упрямится и не понимает, что вещи не стоят на месте и что важно иметь прагматичный взгляд на проблему.

6. В Японии окончившим среднюю школу предоставляется выбор: либо идти в старшую (3 года обучения), либо в техникум (5 лет).

«Ого! Ну ничего себе совпадение! С сегодняшнего дня я тоже хожу на эти курсы! Рада встрече, Юругасэ-сан! Тебя уже так давно не было в школе, что я начала волноваться! Но, вижу, ты в порядке, и слава богу!» — я говорила и говорила, не умолкая, сочиняя одну ложь за другой и не стесняясь преувеличивать, но ответа так и не получила... Юругасэ Амико бросила на меня такой взгляд, будто перед ней стоял злобный демон-людоед, потом перекинулась парой-тройкой слов со своими подругами (по-видимому, они занимались вместе), широким шагом двинулась ко мне, затем схватила за шиворот и поволокла из кабинета.

Несмотря на это, я продолжала унижаться и сбивчиво объяснять, что здесь делаю, но Юругасэ Амико и ухом не повела. Моё недовольство (ведь она не поверила в мою ложь!) затмило угрызения совести (ведь я наврала с три короба!), однако сопротивляться не решилась (иначе бы просто удавили!), поэтому позволила Юругасэ Амико тащить меня за собой.

Что происходит? Никто не замечал до сих пор, а тут взгляды встречающих учеников прикованы лишь ко мне! Будто прожекторы направили... Каждому из них я элегантно махала рукой, будто стараясь сказать, что в происходящем нет ничего особенного. Окружающие наверняка считали, что я испытываю какие-то мучения.

Вот так по-глупому она протащила меня через всю школу и вывела на улицу. Я думала, Юругасэ Амико расстанется со мной на пороге, а сама вернётся назад, но ошиблась. Судя по всему, она собралась оттащить меня ещё дальше от школы.

Наверно, то же самое испытала Кякуфудзи Норика, когда я силком привела её на крышу. Если это правда, то как ни посмотри, а возмездие настигло меня слишком быстро, прямо в тот же день. Видимо, Кякуфудзи Норикю возлюбили боги.

Куда она меня ведёт? Неужели в какой-нибудь тёмный переулок, чтобы на этот раз уж точно задать жару¹? На самом деле я не ожидала такого развития событий и проклинала себя за легкомысленность. Однако Юругасэ Амико наконец отпустила меня, когда мы пришли в круглосуточный ресторан быстрого питания.

Наверно, именно в таких ресторанчиках старшеклассницы проводят время за болтовнёй, хотя я не знакома с этой жизнью и никогда подобным не занималась... Заказав какой-то напиток, Юругасэ Амико усадила меня за стол, а затем под села сбоку.

Мы сидели бок о бок за столом на четыре персоны.

Сидели рядом, будто две закадычные подружки, хотя по факту говорили второй раз в жизни. И для второй беседы мы обе были до ненормального напряжены.

Внутри усиливалось неприятное ощущение, которое, казалось, вызвано тем, что она бесцеремонно вторглась в мои границы личного, а терпеть такое просто неприемлемо. Или же я не могу простить себя за то, что так ничему и не научилась на горьком опыте? Не понимаю, что из этого чувствую. Наверно, сразу и то, и другое.

С другой стороны, чего я ожидала? Знала же, что она меня не жалуется, а тут заявила без спроса, будто вломила к ней домой, поэтому не удивительно, что Юругасэ Амико разозлилась. И как мне это в голову не пришло? Я полная дура.

Хотя точно догадывалась, что она неприятно удивится, если не рассердится, когда я заявлюсь словно гром среди ясного неба.

Можно сказать, мне невероятно повезло, что она не полезла в драку. Разумеется, нет никакой гарантии, что меня не избьют после... Но даже если Юругасэ Амико зальёт мою новую форму напитком, я приложу все усилия, чтобы смолчать.

Я не из тех, кто способен по-настоящему раскаиваться за содеянное, поэтому сейчас, скорее, просто успокоилась и радовалась, что нашла Юругасэ Амико и увидела, с какой энергией та занимается вместе с подругами.

Значит, она всё-таки не одинока.

Юругасэ Амико, должно быть, подружилась с ними на курсах? А может, это её подруги из средней школы, которые теперь учатся не в Сисикурасаки, а где-то ещё? Она была изолирована от всего класса, несколько дней подряд не ходила в школу, поэтому мне оказалось по-странному легко понять её чувства и основания не пропускать занятия на курсах, где не требуется выстраивать отношения с другими людьми, где нужно только учиться и ничего более, однако на деле всё оказалось не так однозначно, как я об этом думала.

Ведь, в сущности, не бывает, чтобы в местах, где собирается такая толпа народу, не требовалось устанавливать какие-то отношения, правильно?

Похоже, ей весело на занятиях... Я видела, как Юругасэ Амико звонко смеётся, осознанно сопереживала ей, отчего мне стало до невыносимого стыдно... Я испытала настолько невыносимо невыносимое чувство, что хотелось просто исчезнуть с лица земли.

Юругасэ Амико наверняка сильно зла на меня, однако во мне тоже постепенно зрели похожие на гнев чувства. Я осознанно поставила себе цель, осознанно добила результат и осознанно на себя разозлилась. Боже мой, ну какой я трудный человек!

Не знаю, поняла ли Юругасэ Амико по выражению моего лица, что я испытываю (или я опять что-то случайно сболтнула?), но в конце концов она задала разумный вопрос: «Ты нормальная вообще?» Хотя он и звучал угрожающе, но тон был гораздо спокойнее, чем в нашу первую встречу, когда она давила на меня на крыше школы. Как бы сказать... Она словно совсем растерялась и не понимала, как себя вести с этой странной девочкой, которая будто насквозь видит изнанку её жизненных обстоятельств.

Что же, я лучше всех осознавала, насколько я никчёмна, насколько плох мой характер. Но Юругасэ Амико не знает меня настоящую, поэтому все мои действия кажутся ей неожиданными и загадочными.

Моя личность окутана тайной. Вернее, зловещей аурой. Если со стороны я произвожу впечатление «особенного человека», чья отличительная черта заключается в том, что со мной под страхом смерти нельзя связываться, тогда прошу меня извинить за невольный смех. К слову, мне это ложное представление совершенно не нравится. Хотя трудно отрицать, что я отклонилась от привычной линии поведения и в последнее время совершала один за другим странные, не свойственные мне, поступки.

Юругасэ Амико, естественно, тоже разговаривала со мной только второй раз, и если я казалась ей загадочной или даже иноземной, то неудивительно, что она колебалась и не понимала, как ко мне подступиться. Видимо, она думала, что если сейчас поведёт себя неправильно, то в будущем от таинственной новенькой, этой представительницы иной культуры, можно ждать чего угодно, и поэтому у неё не оставалось выбора, кроме как сбавить обороты.

Судя по всему, её недовольство и возмущение моим неожиданным визитом никуда не исчезло, тем не менее следом Юругасэ Амико спросила: «Мозгами-то пораскинь, чё творишь, а? Я ж всё разжевала, как в классе прижиться». Казалось, в её голосе звучала забота.

По-видимому, Юругасэ Амико беспокоилась обо мне, но я никак не могла отделаться от чувства, будто она пытается избавиться от надоедливого новичка, сбросив эту ношу на плечи кого-нибудь из одноклассников... Если отставить эти подозрения и отвечать по существу, я действительно смогла устроиться в классе. Однако если быть до конца откровенной, получается, что сегодня одним днём всё испортила своими же руками.

Я как можно спокойнее объяснила ей случившееся, поскольку решила, что ничего хорошего не добьюсь, если буду вечно замалчивать проблему. А затем внаглую сказала, что, мол, заявила на курсы, поскольку волновалась из-за её прогулов.

Хоть это и не ложь, но явное лицемерие.

И в ответ на моё неприкрытое притворство Юругасэ Амико состроила гримасу презрения. Мне показалось, что после всех объяснений в её голове начали складываться кусочки мозаики, а мысли выстроились в логическую цепь. Другими словами, Юругасэ Амико, судя по всему, заключила, что все её усилия пошли прахом в результате моего беспокойства.

Похоже, она девочка сообразительная. Юругасэ Амико оказалась куда более тонкой и чувствительной натурой, чем я предполагала: меня обманули её поведение и манера выражаться.

Кякуфудзи Норика рассказала о «сложившейся ситуации в классе», и у меня осталось впечатление, что дело здесь нечистое... Как бы то ни было, Юругасэ Амико состроила кислую мину.

Возможно, она не хотела прощать меня за такое неоправданное использование личной информации, которую сама же мне и предоставила. Я боялась, что она потребует извинений и упрекнёт в злоупотреблении, поэтому начала без умолку трещать о своём бедном положении, чтобы этого избежать. И пускай я немного запинаясь, пускай говорила косноязычно, зато собралась окончательно отбросить своё прошлое и проложить себе дорогу в будущее.

Плевать, кто и что теперь обо мне подумает... Я в любом случае самый последний и ничтожный человек, так что за кого бы меня ошибочно ни принимали, ложный образ всяко лучше настоящего.

Однако проблема в том, что я невероятно упёртая и не знаю, когда надо остановиться, поэтому всё равно решила, что хотя бы поначалу откровенного разговора буду вести себя с ней любезно.

Эм-м, итак...

Примечания

1. Выражение «*яки о ирэру*» буквально означает что-то вроде «обжигать». Его зачастую можно услышать в фильмах про якудза из речи отрицательных персонажей, когда те говорят, что собираются преподать кому-то урок или наказать. В 70-80-х годах оно широко разошлось среди молодёжи. Также у него есть второе значение: загорать. В этом смысле «*яки о ирэру*» стали использовать офис-леди во время японского финансового пузыря (1986—1991 гг.), некоторые из них даже специально отправлялись в заграничные путешествия, чтобы загореть раньше своих коллег. В дальнейшем это выражение вошло в обиход *гяру* и *когяру*.

Юругасэ Амико была главным гегемоном нашего класса, хотя, на мой взгляд, подобное заявление только вводит в заблуждение и несёт дурной подтекст. Я не люблю нарочно разбрасываться крепкими словами, однако Кякуфудзи Норика сама описала злостную прогульщицу этим анахронизмом.

Главный гегемон.

С другой стороны, если описывать человека-лидера класса, это выражение подойдёт как нельзя кстати. И если допустить, что Юругасэ Амико в мельчайших деталях знала о каждом из одноклассников как раз потому, что занимала позицию лидера, мне этого вполне хватит, чтобы развеять все сомнения и избавиться от странного ощущения неправильности происходящего.

Однако в нашем классе есть ещё один человек, которого признают лидером (причём Юругасэ Амико сама описала его в таких словах), — Судзубаяси Лили.

Ещё до того, как допросила Кякуфудзи Норикю, я шкурой чувствовала, что между Юругасэ Амико и Судзубаяси Лили есть какой-то конфликт.

Два лидера в классе?

Ничем хорошим это закончиться не могло. Казалось бы, их конфликт должен стать причиной нескончаемых проблем, но, судя по рассказанному Кякуфудзи Норикой, эти двое были людьми совершенно другого склада и не выясняли отношения на публике. Знаю, что не стоит судить о человеке по внешности, но Юругасэ Амико, по-моему, не очень-то похожа на «лидера».

Если отмечать её положительные стороны, то она оставляет впечатление заботливой старшей сестрёнки, однако, если припомнить всё нехорошее, не могу не указать на её грубость.

Даже если ты «большой» человек и пользуешься доверием, это вовсе не значит, что ты имеешь право командовать уважающими тебя людьми. Мне кажется, Юругасэ Амико считает заботу о других обузой... В то время как Судзубаяси Лили, наоборот, любит заботиться об окружающих. Можно сказать, что её готовность появляться в кружке и помогать своим кохай, несмотря на то, что она уже ушла оттуда и стала «старичком», — наглядный пример её отзывчивости.

В таком случае их роли распределены по совести. Тем не менее в кажущемся гармоничным единстве были свои недостатки... В частности, в глазах Судзубаяси Лили Юругасэ Амико неизбежно представляла плутовкой, хитрым образом заработавшей уважение и популярность, несмотря на своё эгоистичное поведение. И если уж на то пошло, я себя отношу, скорее, к людям вроде Судзубаяси Лили, поэтому могу понять, какую зависть испытывает серьёзный и искренний человек, когда видит типичного манипулятора, который вертит остальными как хочет (и при этом остаётся популярным).

По-видимому, она пользовалась своим положением, загребала жар чужими руками, хотя вполне возможно, что не всё так просто. Однако, если уж сама Кякуфудзи Норика описала её

«главным гегемоном», не трудно представить, что среди одноклассников было немало тех, кто в душе испытывал отвращение к Юругасэ Амико.

Если говорить по существу, борьба за власть — обычное дело: такое встречается в любом классе любой школы по всей Японии. Жизнь коллектива обеспечивает хрупкое равновесие. Иногда оно расшатывается, но это лишь один из способов обрести новый баланс. Более того, считается важным пережить все эти перипетии, прежде чем выйти в большую жизнь. Этот опыт позволяет усвоить главное: люди бывают разные.

Но вместо того чтобы сосредоточить всю власть в руках одного человека, лучше разделить её между двумя или тремя людьми, чтобы «хеджировать риск»¹. Вот только баланс всегда находится в одном шаге от разлада. И при случае может полностью разрушиться. Именно это и произошло два года назад в том классе, к которому я была причислена.

Кякуфудзи Норика, пожалуй, относится к фракции Судзубаяси Лили (вернее, девочка с таким тихим и дружелюбным характером ни за что не может поладить с неотёсанной Юругасэ Амико. Хотя сама она, как мне кажется, предпочитает занимать нейтральную позицию), поэтому я не могла верить на слово каждому её высказыванию: было важно избавиться от предвзятости и найти рациональное зерно. Сопоставив её историю и то, что рассказали мне две героини, то есть Юругасэ Амико и Судзубаяси Лили, я поняла, какое происшествие случилось в классе накануне моего перевода.

Нет, если назову это происшествием, сложится впечатление, будто случилось что-то вызывающее, но, в общем... Тут на сцену выходит Хатамото Аякари.

Девочка, которая перестала ходить в школу раньше, чем Юругасэ Амико начала прогуливать... Я только прочитала её имя в плане рассадки и не знала, как она выглядит.

Кякуфудзи Норика тоже особо не рассказывала о ней. Я думала, она отмалчивается с умыслом, когда дело доходит до самого главного, но всё оказалось иначе. Похоже, Кякуфудзи Норика попросту мало что знает о Хатамото Аякари.

Последняя, судя по всему, не любила быть частью социума, склонная к одиночеству. Знакомая история... К тому же не сомневаюсь, что теперь её поведение можно трактовать как своего рода предзнаменование последовавших событий.

Я сказала «склонная к одиночеству» не для того, чтобы сгладить острые углы, подобрав выражение, которое оправдывает случившееся. В сущности, Хатамото Аякари не находилась в полной изоляции: она ни с кем не дружила, кроме Юругасэ Амико, с которой у неё сложились тесные отношения.

Они вроде как друзья детства.

Ненавижу это словосочетание всем сердцем... Но, как бы то ни было, необщительная Хатамото Аякари благодаря тесным связям с главным гегемоном, то есть Юругасэ Амико, заняла хорошее место в иерархии класса.

Всё зависит от того, с какой стороны на это посмотреть, но мне кажется, их отношения, идущие вразрез с устоявшимися нормами, где аутсайдер не может быть на короткой ноге с лидером, беспокоили окружающих. С другой стороны, я не настолько консерватор, чтобы отрицать очевидное: девушки дружили по-настоящему, поэтому и не побоялись нарушить иерархию.

И всё было бы хорошо, не случись кое-что... Вернее, ничего бы не произошло, если бы Юругасэ Амико взяла дело в свои руки, но она этого не сделала, и тогда рядовой конфликт обернулся катастрофой.

Кякуфудзи Норика рассказывала о ходе событий довольно подробно, однако где-то на середине беседы я почувствовала отвращение к услышанному (несмотря на то, что сама её об этом спросила) и остальное пропустила мимо ушей. Короче говоря, Юругасэ Амико и Хатамото Аякари однажды люто поссорились.

Скандал был громким, так что «люто» — вполне подходит под описание. Однако полноценно участвовала в конфликте лишь одна сторона, хотя обычно «ссорятся» как минимум двое. В общем, Юругасэ Амико разразилась бранью в адрес Хатамото Аякари, тогда как вторая даже и не думала ей отвечать.

Можно повторять раз за разом, что они друзья детства, но в тот момент стало очевидно: равенства в их отношениях нет... Да и вообще, «друзья на равных» — это в высшей степени заблуждение. Хотя бывает и такое, что дружба становится только крепче, если двое друзей самую малость принижают друг друга. В сущности, ничего удивительного, что дружеские отношения временами рушатся.

Мне так кажется.

Кякуфудзи Норика также рассказала и о причине их ссоры, но я посчитала её настолько нелепой, что не хочу даже упоминать такую мелочь (особо не вдаваясь в подробности, скажу, что причина была несколько неприличной). В любом случае после этого дружбе двух девушек настал конец.

Она разошлась по швам, и её уже не заштопать.

Юругасэ Амико не смогла как обычно замять дело, мол, ничего серьёзного, всякое бывает. Характер их ссоры наложил отпечаток на каждого в классе, и в итоге выяснять отношения начали уже все.

После того дня Хатамото Аякари перестала ходить в школу, сославшись на простуду, но всем было очевидно: она не хотела показываться на глаза, после того как накануне Юругасэ Амико без всякой жалости и с невиданной злобой накричала на неё.

Довести не просто обычную приятельницу, а самую что ни на есть подругу детства до отказа посещать школу, это уже... Юругасэ Амико, находясь на своих прочных позициях лидера, столкнула с иерархической лестницы уязвимую и слабую девочку... Этого хватило, чтобы класс восстал против своего гегемона и низвергнул его.

Хватило?

Как аутсайдер я не могла не посчитать такие обстоятельства странными. Больше поверю, что инцидент стал лишь предлогом для восстания. Люди давно были недовольны тиранией Юругасэ Амико. Не сомневаюсь, что Судзубаяси Лили и её приближённые лишь воспользовались шансом, чтобы убрать с дороги оппонента, и это ничуть не преувеличение.

Таким образом они изолировали Юругасэ Амико.

Она не просто казалась, а была самым настоящим изгоем класса. Это настолько бросалось в глаза, что даже только что переведённый ученик всё понял с первого взгляда.

Вмиг растерять всю популярность среди одноклассников и опуститься на дно социума — это падение знакомо мне не понаслышке, поэтому я могу понять, что чувствовала Юругасэ Амико. В моём случае дошло до того, что я на протяжении нескольких лет сидела дома и никуда не выходила. Впрочем, положение Юругасэ Амико несколько отличается от моего, и, думаю, ей бы не хотелось вставать со мной в один ряд. Однако несложно представить, что после таких перипетий школьная жизнь Юругасэ Амико стала до невыносимого тяжёлой.

Мои нахальные и невежественные попытки подружиться с ней не принесли результата. Она всё равно не шла на контакт, видимо, потому, что не хотела втягивать меня в конфликт. Так что не скажешь, будто Юругасэ Амико — тиран до мозга костей.

Но не сомневаюсь, что она использовала меня как предлог, чтобы со следующего дня не ходить школу, поэтому благодарности я не испытывала. Юругасэ Амико, оказавшись в изоляции, не могла позволить себе прогуливать подобно Хатамото Аякари, поскольку гордость бывшего главного гегемона и самой популярной личности в классе не давала ей этого сделать. Но тут её начал преследовать мрачный новичок, тем самым дав шанс выкрутиться и симулировать болезнь перед классом, а на деле — сбежать от меня.

В конечном счёте, это всего лишь самооправдание, но кому как не мне знать цену и важность таких вещей.

Несмотря на то, что одноклассники изолировали Юругасэ Амико, на самом деле они страшно жалели о содеянном и пытались искупить вину, начав относиться ко мне с чрезмерной добротой. Бывшему главному гегемону попросту не имело смысла действовать на упреждение и обосновывать свои прогулы, так как у одноклассников изначально не было цели довести её до отказа посещать школу в отместку за то, что она сделала с Хатамото Аякари. Поэтому её оправдания не нужны никому, кроме неё самой. Кажется, она даже не понимает, что занимается чистой воды самообманом.

Как бы то ни было, если не углубляться в конкретику, нынешняя обстановка в классе напоминала ту самую яркую школьную жизнь, о которой я так мечтала до перевода, но жаль, что нельзя относиться к имеющейся проблеме, будто это недостойный внимания пустяк и обычная ссора между детьми.

Неравные взаимоотношения между Юругасэ Амико и Хатамото Аякари спровоцировали класс выступить единым фронтом против главного гегемона... Разница в силах участников

конфликта очевидна, разрыв так велик, что в классе вот-вот вспыхнет насилие. Дошло аж до того, что обе противницы перестали посещать школу — чем не подтверждение моим догадкам? Они уже перешли точку невозврата, когда ещё можно было оставить всё позади и забыть. Тем не менее я считаю, что одноклассники, скорее всего, руководствовались другой причиной, когда устраивали мне (аутсайдеру, между прочим) радушный приём.

Они затащили меня в своё общество, чтобы превратить в «сообщника», поскольку боялись, что иначе я как свидетель их злодеяний донесу об этом учителю, так сказать, подам на них в суд. Сама я не особо в этом разбираюсь, но мне кажется, что в целом современные дети довольно прагматичны и быстро усваивают, что к чему.

Им хватает мозгов осознать, какие последствия их ждут.

«Мы не думали, что дойдёт до этого», — сказала мне тогда Кякуфудзи Норика. Ну, не знаю, как-то это сомнительно. Впрочем, убеждена, что одноклассники из прошлой школы, припоминая меня после классного суда, говорили те же самые слова.

Юругасэ Амико действительно оказала очень сильное давление на Хатамото Аякари, с этим не поспоришь. И, когда её настигло воздаяние², не удивлюсь, что по всему классу, будто болезнь, расплозлось злобное ликование. Каждый думал про себя, мол, так тебе и надо! Вполне ожидаемо, что агрессия, сидевшая у них внутри, однажды вырвалась наружу.

Можно сказать, предзнаменование воплотилось в жизнь.

По крайней мере, так ситуация выглядит в глазах постороннего, то есть меня.

Будь происходящее сказкой, можно было бы подвести итог: «Каждому воздалось по заслугам его, и жили они себе долго и счастливо». Но Хатамото Аякари и Юругасэ Амико, равно как и другие одноклассники вроде Кякуфудзи Норики и Судзубаяси Лили, не герои сказаний, а реальные люди, у каждого из которых есть своё будущее.

Жертвы тирании главного гегемона восстали против него, а сейчас, превратившись в обидчиков, оробели и затряслись в страхе, что их призовут к ответу и накажут. Более того, некоторые, возможно, даже жаждали, чтобы наказание свершилось.

И вовсе не для того, чтобы очистить своё имя.

Ведь все, абсолютно все, знают, что легче всего выглядеть жертвой.

Примечания

1. Хеджирование — это инструмент управления рисками, позволяющий избежать финансовых потерь и полностью защищающий от возможных негативных колебаний котировок.

2. Поскольку выражение «*инга-охо*» имеет отношение к буддизму, изначальный смысл его был в том, что праведные или неправедные дела в предыдущей жизни обязательно воздадутся добром или злом человеку в этой. В современности же его используют, когда человек получает по заслугам за плохие поступки.

Я совершенно не представляла, как Юругасэ Амико отреагирует, узнав о моём подлом вынюхивании информации, если не остановлюсь сейчас же и расскажу обо всём до конца. Более того, неизвестно, смогу ли я вообще замолчать. Есть такое выражение: «после меня хоть поле, хоть гора», и я чувствовала, что готова пойти дальше и устроить пал травы или лесной пожар¹. Казалось, Юругасэ Амико с наибольшей вероятностью ещё по ходу рассказа встанет из-за стола и, нахмурившись, уйдёт, но в итоге она молча выслушала всю историю.

Отчего я даже растерялась.

Время шло, а она не говорила ни слова, и мне начало казаться, будто Юругасэ Амико упрекает меня молчанием. Своим рассказом я лишь пыталась расставить всё по своим местам, но на самом деле складывалось ощущение, что я хотела снять с себя вину и ответственность за непрерывающуюся череду пропусков Юругасэ Амико. Я угрожала Кякуфудзи Норике, чтобы избежать ответственности. И даже больше: грязными ногами попраля личное пространство бывшего главного гегемона, лишь бы убедиться в своей правоте.

«Я беспокоилась о тебе»? Как же!

Я беспокоилась о себе, как обычно.

Так что если бы Юругасэ Амико прямо сейчас обругала меня последними словами, я бы смирилась и приняла это спокойно, однако она ничего подобного не сделала.

Возможно, горький опыт с Хатамото Аякари чему-то её научил, и по этой причине она не ополчилась на меня так сразу. Между прочим, под конец того разговора на крыше, который произошёл на прошлой неделе, Юругасэ Амико тоже, можно сказать, стушевалась.

Увидев, каких результатов я добилась, расследуя, то есть шныряя туда-сюда в поисках ответов на вопросы, она, видимо, решила, что со мной шутки плохи.

Ну, в жизни часто такое бывает, когда всё вдруг переворачивается с ног на голову. Уж кому как не мне, у которой вечно всё наперекосяк, говорить об этом.

Мы так и сидели за столиком в ресторане быстрого питания... Между нами повисло неловкое молчание, отчего я занервничала. И в тот самый момент, когда в мою голову закралась мысль, мол, надо бы улизнуть домой при первой возможности, Юругасэ Амико вдруг заговорила первой: «Чё за дичь? От них ничего поновей не дождёшься!» — вяло пробормотала она себе под нос.

«От них? Это она про одноклассников, что восстали против гегемонии и привели её империю к упадку?» — подумала я, но промахнулась. Похоже, Юругасэ Амико сказала с неприязнью о дикторе, который вещал с экрана телевизора.

«Случись чё важное, да ещё такое, шток народ взбудоражился, а они одним и тем же отмазываются — стереотипами. Дикторов чё, под копирку стругают? И не стрёмно им без характера и харизмы в телевизоре мелькать?» — её как прорвало: она без устали ругала их примерно в таких выражениях.

В отличие от оскорблений в мой адрес, это ещё куда ни шло, однако слушать неиссякаемый поток ругательств всё равно неприятно. Я даже не знаю, какую «дичь» несут дикторы, так как практически не смотрю телевизор.

Она что, решила посплетничать?

Юругасэ Амико хоть и поздновато, но пытается выпестовать со мной дружбу²? Бытует сильно предвзятое мнение, что две девушки чаще всего становятся подругами, после того как тщательно и с интересом перемоют косточки кому-то третьему (а поскольку я так или иначе постоянно оказываюсь в числе тех, о ком злословят и сплетничают, то не могу однозначно сказать, правдивое ли это суждение). Неужели Юругасэ Амико хочет претворить фантазию в жизнь?

Не хочет (хе-хе, и так понятно, что никому не нужна моя дружба. Я это знаю).

Вкратце, ей настолько сильно хотелось пожаловаться на тиражирование в обществе «стереотипов», что она уже просто не могла сдержаться. По сути, мне нет смысла вставать на сторону дикторов, но я отмечу в их защиту, что говорить рядовые вещи в целом правильно, разве нет?

По крайней мере, рядовое мнение отражает мнение большинства. Хотя я считаю, что установление справедливости решением большинства порою было жестоким... Нет, всегда было жестоким, и таким останется.

Осознав, что меня никак не расположить к себе и не заставить обсуждать дикторов (да и я всё равно привыкла возражать всему, что бы мне ни говорили собеседники. Вот почему никто не хочет со мной дружить), Юругасэ Амико пожала плечами и перестала распинаться. «Ну чё сказать, ты разнюхала всё как есть», — вернулась она к основной теме.

«Сама вляпалась, вот и изгой. Ну? Чё ты прилипла ко мне, а, новенькая? Отцепись-ка лучше».

Юругасэ Амико говорила на таком специфическом диалекте, что выделялась даже среди местных. Я совершенно не поняла, о чём она, оставалось только догадываться по выражению её лица. Похоже, Юругасэ Амико снова пытается меня оттолкнуть.

Я склонна проглотить обиду, а не отвечать с цинизмом, не упуская возможности кольнуть оппонента. Вот и отравляю сама себя ядовитыми словами, после чего чувствую полное бессилие. Мы обе пережили утрату собственного авторитета, но, в отличие от меня, она отнюдь не негодая, прогнившая насквозь.

Юругасэ Амико не плохой человек.

Конечно, довести одноклассника до отказа посещать школу — несомненно, поступок, достойный порицания, так что у Юругасэ Амико нет никаких оправданий. Но если те же люди, только что порицавшие травлю, начинают травить человека лишь потому, что он «плохой», и спокойно довольствуются этой причиной, значит, здесь царит полная нетерпимость к чужим порокам. Малейший промах ведёт к изгнанию.

С ней можно пожестче, потому что она трудный ребёнок.

Это должно было стать ей уроком.

Мать честная, я правда очень благодарна ей за личный пример и помощь в осознании!

...Время охладило мой пыл справедливого негодования, у меня совсем не осталось личных обид, и даже если я злюсь, то не испытываю горьких чувств. Поэтому я понимала, что мне хочет сказать Юругасэ Амико, при том что никогда не задумывалась о тех же самых вещах.

Я по-настоящему трудный и невыносимый ребёнок и хорошо знаю, как мир относится к подобным мне. Поэтому ненавижу одного Арараги, который максимально далёк от этого мира.

Если прощу этого мужчину, то потеряю всю себя... Арараги Коёми — моё всё.

Не отнимайте его у меня!

Как во всём мире сильные могут делать что хотят со слабыми, а плохие — с теми, кто не может взять их числом, так и я могу думать про Арараги Коёми всё, что только моей душе угодно... Поймав себя на этой мысли, я заметила, что Юругасэ Амико смотрит на меня недоверчивым взглядом.

Разум охватила паника: как лучше представить ей Арараги, если она вдруг спросит о нём? Но Юругасэ Амико интересовало моё мнение по совершенно другому вопросу: как сильно педсовет будет ругать её, если учителям расскажут о раздоре в классе, и в теленовостях, если эту историю подхватят СМИ?

Я не понимала, что она хочет услышать.

Думаю, педсовет уже должен был проанализировать проблему, после того как аж два ученика перестали ходить в школу, верно? Но если при этом они ещё не выработали соответствующее решение, значит, всё, что сейчас творится в классе, происходит с их молчаливого согласия.

Ну не знаю.

В такой критический момент они решают закрыть на всё глаза?

В Наоэцу со мной случилось то же самое...

После того как всплывает проблема, СМИ подхватывают и освещают её, но чем они лучше? Даже если какой-то журналист поднимет тему школьной травли, используя нашу историю как пример, и предложит решение, как её искоренить, вряд ли у него получится воздействовать на общество. Ведь люди узнают, что прежде чем класс довёл Юругасэ Амико до отказа ходить в школу, она сама довела до той же крайности Хатамото Аякари.

Хотя не могу сказать наверняка, как они себя поведут.

Когда общество возбуждено и напряжено, народ не успокоится, пока не загонит нарушителей на виселицу. А после этого все как один превратятся в добрых и спокойных людей вроде Кякуфудзи Норики.

Которые будут говорить: «Мы не понимаем, как дошло до такого».

«Мы не хотели этого». А чего вы тогда хотели?

И тут каждый из них без колебаний начнёт перечислять те же жалобы, с которыми выступал нарушитель. Достаточно приглядеться, и сходство будет налицо. А можно и не всматриваться, так как без слов ясно, что они ничем друг от друга не отличаются.

Не важно, из-за меня ли Юругасэ Амико не посещает школу, потому что для неё лучшим выходом из этой ситуации так или иначе было пройти всё то же, что испытала на собственной шкуре Хатамото Аякари. Существовал риск, что одноклассники могут посчитать это бегством от ответственности, но чувство вины, которое они испытывали, было настолько велико, что, очевидно, перекрывало всё остальное.

«Ваше не понимаю», — начала заводится Юругасэ Амико, словно откуда-то получив прилив сил для жарких споров. — «Ну рывкнула я на неё чутка, но не прогуливать же школу! Никак не допру, чё ей надо было, хоть убей!» — в её словах я не услышала ни капли раскаяния, впрочем, догадывалась, что она, увидев, как я слабо реагировала на предыдущие попытки завязать диалог, специально решила так меня спровоцировать (даже я это понимала, несмотря на то, что для Ойкуры Содати образ мышления других людей оставался извечной загадкой). Может, она чувствовала себя виноватой за бессовестные прогулы, и поэтому хотела, чтобы я вступила с ней в спор и обличила, но если это так, то мне, к сожалению, остаётся только заключить, что Юругасэ Амико выбрала себе не того собеседника.

Я не в силах оправдать её ожиданий, потому что я последний человек на земле, кому дано право упрекать других людей... Самое большее, на что меня хватило, это отреагировать угодливой ложью, мол, школа никогда не была тем местом, куда хочется приходить.

И это сказала ей девочка, у которой с самого рождения было выражение лица, как у старшеклассницы, и которая прямо сейчас сидела перед ней в школьной форме. Хотя по существу, толком-то и одного триместра не наберётся, если сложить всё то время, что я провела в старшей школе (с учётом периода учёбы в Наоэцу).

Что касается отказа ходить в школу, то Юругасэ Амико и Хатамото Аякари со мной в этом плане не тягаться, даже если суммировать их прогулы.

Точно выиграю даже больше чем с двойным преимуществом, в этом нет сомнений.

Я смогла перейти в третий класс (хоть и поменяла потом школу) и обрела возможность получить аттестат лишь потому, что весь преподавательский состав Наоэцу проявил ко мне чуткость и пошёл навстречу... Так что я, можно сказать, эксперт по части пропуска школьных занятий.

Хоть я всё это время и рассматривала отказ ходить в школу как серьёзную проблему, но, честно говоря, это вовсе не значит, что считаю её действительно таковой. На мой взгляд, здесь никакой проблемы нет.

Юругасэ Амико может спокойно продолжать учиться на подготовительных курсах так же, как и в обычной школе. Я, например, занималась дома самостоятельно... Правда, неизвестно, что делает Хатамото Аякари.

Часто говорят, что школа — это место, где дети не только учатся, но занимаются и много чем другим. А значит, если ты не хочешь заниматься ничем, кроме учёбы, то и нечего туда ходить.

Это, конечно, знаковое событие, что чета Хакобэ увещеваниями вроде «закончи хотя бы старшую школу» загнала меня туда, но мир так просто не изменишь. Бессмысленно пытаться понять его извращённую логику.

Юругасэ Амико выслушала напутствия ограниченного человека, то есть мои, несколько не изменившись в лице. Но почему? Мы ведь должны сблизиться по итогу? Поскольку я узнала обо всех её жизненных перипетиях. Но дружба не задалась, а напряжение лишь возросло: ситуация хуже, чем была на крыше школы.

Наверно, это вполне логично.

Я не могла сказать ей ничего, что она хотела бы от меня услышать. Не могла ответить даже самым малым её чаяниям. Тем не менее неужели я всё равно должна сказать ей заветные слова?

Несмотря на их шаблонность, притворность, типичность.

Прекрасно зная, что они лживые...

«Это не твоя вина».

Примечания

1. Выражение «*но то нарэ, яма то нарэ*» означает «мне всё равно, что случится дальше (после какого-либо события)». Его ближайший аналог — после нас хоть потоп. Затем на примере этого выражения Содати говорит, что устроит «*пал травы*» (*нояки*) или «*лесной пожар*» (*ямакадзи*).
2. Примечательно, что в слове «пестовать» (*хагукуму*) тот же иероглиф, что и в имени Содати.

Под конец нашей беседы Юругасэ Амико встала и, собираясь уходить, едва слышно извинилась передо мной. Тихим голосом небрежно бросила: «Звиняй»... Казалось, она сомневалась, стоит ли вообще это говорить. Судя по всему, ей трудно выдавить из себя какие-то извинения.

Что ж, в глазах этой девочки я представала упрямым и неугомонным взыскателем, какие обычно подают разные необоснованные жалобы на большие корпорации. И вот такой сутяжник заявился прямо к ней, чтобы упрекнуть в прогулах без веской причины. Возможно, Юругасэ Амико считала себя обязанной извиниться за то, что мне пришлось испытать то же самое, что испытала она после того, как устроила «весёлую» жизнь Хатамото Аякари. А может, бывший главный гегемон извинился без всякой искренности и лишь потому, что считал: иначе наш разговор никак не завершить.

«О-хо-хо, бросьте! Не стоило утруждать себя и просить прощения!» — вот было бы здорово, если бы у меня имелись способности так же изысканно приходить к согласию и заканчивать дела миром, однако всё, что я сумела выжать из себя в ответ на её извинения — лишь пришибленный вид да судорожная улыбка.

Взглянув на меня напоследок, Юругасэ Амико цокнула языком, а затем вышла из ресторана и направилась в сторону подготовительной школы... Торопится на занятия? Я же всё-таки ворвалась и оторвала её от дел...

Вероятно, она ставит себе целью поступить в престижный университет.

В таком случае Юругасэ Амико, полагаю, сделала правильный выбор, что полностью посвятила себя учёбе, перестав ходить в школу, где царят хаос и склоки. Она избавилась от всех этих «друзей», любовных отношений, коллективной деятельности и круговой поруки. Странно вынуждать Юругасэ Амико вернуться только потому, что я чувствую себя неловко за её вынужденные прогулы.

Что бы я ни делала, у неё всё равно нет ни одной, даже самой извращённой, причины менять свою жизнь ради меня. То же самое можно сказать и о Хатамото Аякари.

Я бы не стала называть решением проблемы компромисс, при котором Юругасэ Амико и Хатамото Аякари помирятся и снова начнут ходить в школу, однако первым шагом к выходу из тупиковой ситуации — вполне. И всё же Хатамото Аякари не обязана идти на это даже ради Юругасэ Амико, чего уж там говорить обо мне.

Можно только догадываться, насколько высокомерно и деспотично вела себя Юругасэ Амико по отношению к Хатамото Аякари, но нежелание последней ходить в школу всё же кардинально отличается от моего или даже Юругасэ Амико. В нашем случае виновата банальная хандра, в то время как Хатамото Аякари набралась мужества и, можно сказать, устроила акцию протеста, выступив против главного гегемона класса. Естественно, подобные восстания так просто не сворачивают.

Высока вероятность, что Хатамото Аякари точно так же рассчитала, сколько дней может пропустить без последствий, а потому продолжит отсиживаться дома до церемонии окончания триместра или даже вплоть до самого выпускного.

Так что сколько бы ни винила себя Кякуфудзи Норика, какая бы холодная атмосфера ни царила в классе, всё будет как обычно, изменений не предвидится.

Сегодня я весь день хлопотала, пытаюсь сделать хоть что-нибудь, но в награду за старания не получила ровным счётом ничего. Скорее, даже потеряла.

Я лишилась не только популярности и образа жизни избалованного новичка, но также и возможной дружбы с Кякуфудзи Норикой... Отныне моя грустная юность пройдёт в атмосфере отчуждённости, где день за днём со мной никто не будет разговаривать.

Причём меня ожидает не просто изоляция: целый месяц придётся сносить холодные взгляды одноклассников, впивающиеся в тело словно иглы. Ох, лучше бы я ничего не делала. Это было бы правильным решением.

К слову, если теперь перестану ходить в школу (а я же всё-таки эксперт по прогулам, поэтому вовсе не против этого варианта), то в одном классе будет уже трое учеников, пропускающих занятия, так что администрация наверняка зашевелится.

Если «никому неизвестная» проблема станет настолько явной, что учителя больше не смогут закрывать на неё глаза, руководство школы пойдёт на всё, чтобы разобраться с ней под конец года, в этот крайне болезненный для готовящихся к экзаменам учеников период. Стоило только задуматься о том, какие последствия могут ожидать обидчиков, коих полон класс, как на меня нашло отчаяние.

Разумеется, я не собираюсь устраивать благородное самопожертвование, губить свою юность и проводить её в одиночестве во имя будущего своих одноклассников, которые лишь на какой-то жалкий промежуток времени баловали новичка вниманием. Извините, не желаю, чтобы меня затягивал этот водоворот проблем... Скорее уж хочется довести всё до крайней точки. Разум заняли катастрофические мысли, усиленные неизвестно откуда взявшимся гневом, но достаточно было представить, как я избиваю до смерти Арараги, чтобы сильная жажда разрушать вдруг испарилась.

Всё нормально.

Я и не думала, что моя школьная жизнь будет весёлой.

Не строила иллюзий, что заведу много друзей и найду красивого парня: у меня нет мании величия. Я уже давно уступила дорогу негативным мыслям, которые сказываются на принятии решений. Мне казалось, должно пройти больше одной недели, прежде чем жизнь снова начнёт рушиться, однако в итоге даже рада, что всё произошло быстрее, чем предполагала. Лучше сразу получить неприятный результат, а не надеяться на несбыточное.

С учётом ситуации я, наоборот, решила, что пусть они игнорируют меня сколько душе угодно, мне всё равно.

Я отлично поняла вас, люди.

Если вы так сильно хотите, чтобы я сконцентрировалась на учёбе, вероломная Ойкура согласна исполнить это — и только это — желание. Вы оторопеете, когда я, всеми ненавистная девка, получу высшие баллы за все декабрьские триместровые экзамены, в том числе и за рисование.

Ощутите двойное чувство поражения.

Нет-нет, вдобавок ко всему я ещё очень коротко постригусь, окрашу волосы в рыжий¹ и начну одеваться как какая-нибудь кукла, а когда займу первое место в рейтинге по успеваемости на нашем потоке, вы все испытаете тройное унижение и позор!

Вот так, продолжая сгущать краски, я получила для себя неожиданный результат. Вернее, на мне сказало «побочное действие» воображения. Пытаясь отвлечься, я наконец поняла, что обладаю извращённым чувством стиля. Если учесть, что это моя восемнадцатая зима, долго же до меня доходило!

Я не верила, что случится куда большая трагедия, чем это откровение, но события развивались именно так и никак иначе. Несмотря на то, что у развёртки куба не может быть больше одиннадцати вариантов разложения², я конечно же нашла ещё, так как моя решимость никогда не приводила ни к чему хорошему.

Примечания

1. В начале-середине 90-х в Токио появился стиль *тяпацу*. Он быстро завоевал популярность среди девочек-подростков, вскорости став мейнстримом. Окрашивая волосы в рыжий цвет, они заявляли о своём протесте против традиционных определений красоты. Однако с середины-конца нулевых стиль *тяпацу* постепенно начал выходить из моды.

2. «Развитие (событий)» (*тэнкай*) и «развёртка многогранника» (*тэнкайдзу*). Последний термин означает совокупность многоугольников, число которых равно граням многогранника.

Я не собираюсь строить из себя героиню трагедии, несмотря на череду случившихся со мной трагических событий. Не отрицаю, что заниматься самоистязанием — моя любимая привычка, но я не вижу себя кем-то большим, чем обычный второстепенный персонаж в трагедии другого человека. Что тут скажешь? Даже в собственной жизни я не главный герой.

В то же время я не тот человек, кто упивается тем, что изображает из себя источник проблем для окружающих. Роль трагического персонажа лучше отдать кому-нибудь вроде Кякуфудзи Норики: ей она больше подойдёт.

Моя жизнь — вереница настолько ужасных трагедий, что на них смотреть страшно: сразу хочется отвернуться и закрыть глаза. Но со мной так много всего случилось не потому, что я особенный человек, а потому, что суюсь куда не надо.

И из-за этого попадаю в ситуации, которых можно было бы избежать.

Я переносу их молча, терпеливо, однако не могу сидеть сложа руки в ожидании, когда меня спасёт добрый и сердобольный человек. Не могу не искать своего места в этом мире.

Вот и нынешняя ситуация возникла в результате предпринятых мною действий, о чём меня никто и не просил. Если бы я, ощутив полное опустошение и потупив глаза от разочарования, послушно вернулась в дом четы Хакобэ, то не испортила бы ту самую идиллическую сцену, которую невольно прервала своим бестактным поведением.

Я в любом случае посторонний второстепенный персонаж.

Будто актриса, которая осталась на сцене, несмотря на то, что она уже отыграла свою роль и продолжает докучать драматургу, не обращая внимания на его недовольство.

Пока я шла к подготовительной школе, искала там Юругасэ Амико, которая затем затащила меня в ресторан быстрого питания, где мы долго пытались вести беседу, но ничего у нас не заладилось, на улице стемнело.

Дома меня ждёт ужин, так что пора бы уже, собственно говоря, возвращаться... После долгих дум о грядущей изоляции, беспорядочно бродивших в голове, я наконец решила, что буду стараться наслаждаться своей одинокой жизнью в старшей школе.

Поэтому на обратном пути впервые в жизни завернула в ещё открытое заведение, так называемый развлекательный центр — популярное место с кучей народа!

Я слышала, модные старшеклассницы частенько ходят в такие места, чтобы делать фотографии в «Пирукура»¹. Пусть мы живём в век расцвета мобильных телефонов и смартфонов, на которые можно фотографироваться когда и сколько угодно, эти устройства, которые уже должны были уйти в прошлое, почему-то до сих пор популярны. Что ж, полагаю, в них есть какое-то своё необыкновенное очарование, притягивающее людей.

У меня нет денег на развлечения, но, думаю, один раз уж можно щёлкнуться на память о своей изоляции... Сердце бешено колотилось от волнения. Казалось, я собираюсь сделать

нечто куда более ужасное, чем вторжение в подготовительную школу, но, взяв себя в руки и резко выдохнув, всё-таки зашла в развлекательный центр, внутри которого гремела какая-то безвкусная музыка.

Это было одно из тех заведений, куда заглядываешь по пути, чтобы, так сказать, отвлечься и развлечься, и мне сразу показалось, что я сделала на удивление правильный выбор, отклонившись от прямого курса и устроив себе большое приключение.

Волнение, подогреваемое тем, что я ещё никогда раньше не бывала в таких местах, как ветром сдуло. Дело в том, что у фотокабинок «Пурикура» имелась функция редактирования выражения глаз, о чём ясно говорила инструкция по эксплуатации.

Можно подкорректировать выражение глаз?! Моё-то?!

На лице невольно появилась полуулыбка. Полагаю, всему виной моя, осмелюсь сказать, человеческая натура, из-за которой всё, что до этого отравляло мне жизнь, оказалось несущественным, кроме, естественно, ненависти к Арааги... Даже мысли о Юругасэ Амиго и Хатамото Аякари внезапно выветрились из головы. Однако разве возможно, пусть только и на фотографии, изменить мой взгляд², который успел, по сути, стать фишкой девочки по имени Ойкура Содати?

Теперь понятно. Если эти фотокабинки снабжены столь изысканной функцией, тогда не удивительно, что они ещё не вышли из употребления, несмотря на то, что в наши дни любой человек может стать каким-никаким, но фотографом... Они даже помогут избавиться от комплекса, с которым я живу уже десять с лишним лет.

Если у меня будут широко открытые, яркие и сияющие, будто звёзды, глаза, моя полная неудач жизнь преобразится в нечто лучшее?.. Я пыталась сиюминутно найти реальные доказательства своим бредовым фантазиям, дрожа от предвкушения радостного события.

Однако радость моя была как всегда мимолётной... Разумеется, камнем преткновения стала не цена, хоть за один раз и брали по пятьсот иен. Когда я наткнулась на ценник, у меня глаза на лоб полезли при виде такой непомерной стоимости за услугу коррекции взгляда. Это разом охладило мой пыл. Стоило больших усилий не развернуться и не уйти домой.

Закончив страдать, я решила сделать себе поблажку: это будет первый и последний раз в жизни, когда я инвестирую (а по сути просто транжирю деньги) в саму себя.

Я изменюсь.

Хотя, конечно же, понимаю, что даже если изменю форму своих глаз, отретушировав фотографию, в моей жизни ничего не изменится. Но я чувствовала, что эта «реформа» сейчас просто необходима.

Можно только догадываться, правильно ли подсказала мне интуиция: это извечная загадка... Однако в конечном счёте я не зашла в фотокабинку.

Потому что на руках у меня не оказалось мелочи. Чтобы получить пятьсот иен, нужно было сначала разменять купюру в тысячу иен в разменном автомате.

Склонив голову и задумавшись о том, почему бы людям просто не сделать так, чтобы любая машина могла давать сдачу как торговые автоматы, я вышла к площадке, где стояли обменники (уж хотя бы до автоматов я могу дойти), но, увидев выстроившуюся к ним очередь, тут же запаниковала и, отпрянув в сторону, спряталась за колонной.

Я сначала сама не поняла, зачем спряталась: это произошло где-то на рефлекторном уровне, но потом до меня дошло, что на то была очевидная причина... В очереди, перед автоматами я заметила знакомые лица.

«Ну надо же, я случайно встретила знакомых людей в развлекательном центре, куда влетела, желая для себя перемен, — какое совпадение!» — таково было моё личное впечатление. Но совпадение это легко объяснить: здесь просто развлекается молодёжь и встречаются школьные друзья... Кстати, в очереди как раз стояли ученики старшей школы Сисикурасаки.

Более того, группа из нескольких человек, куда входили даже парни, собралась вокруг лидера нашего класса, Судзубаяси Лили.

Хм-м, к своему удивлению я начала узнавать одноклассников при встрече с ними вне стен школы... Хотя, может, дело в том, что все они даже во внеучебное время ходили в школьной форме? Между прочим, Юругасэ Амико тоже в ней была.

Я не испытывала какой-то привязанности к школьной форме, поскольку слабо ощущала принадлежность что к старшей школе Наоэцу, что теперь к школе Сисикурасаки. Но для обычных старшеклассников форма, наверно, является чем-то вроде способа самоидентификации.

Что же, возможно, они, как и я, одеты в форму просто потому, что возвращаются домой из школы... Но если я поняла правильно, значит, Судзубаяси Лили сегодня не ходила в кружок, раз она не в тренировочном костюме? Да нет, она бы в любом случае ни за что не пришла в таком виде в развлекательный центр, правильно же?..

От этой неожиданной встречи в голове закрутились вихри беспорядочных мыслей, но я всё же сообразила, что с учётом всей ситуации выход есть только один.

Нужно тотчас же бежать отсюда.

И как я сразу не додумалась? Духовный подъём и хорошее настроение оказались предвестниками того, что следом меня будет ждать худшее развитие событий!

Душа стонала, я оказалась во власти постыдных мыслей, но, обдумав всё как следует, поняла, что у меня нет ни единой причины бежать из центра.

И пускай я чувствую себя так, будто стала очевидцем непростительного преступления, гражданские свободы гарантируют мне право посещать как минимум развлекательные центры!

Нет же такого закона, который ограничивал бы меня в возможностях веселиться!

Я могу развлекаться без утайки!

Незачем робеть и смущаться перед своими одноклассниками, которые, наслаждаясь полноценной юностью, после уроков пришли шумной компанией парней и девушек в это популярное место... Просто сострой невозмутимый вид (можешь даже обменяться с ними взглядами) и пройди мимо.

Хотя с учётом окончания периода «суеты» вокруг меня по случаю того, что я устроила нечто безрассудное, запугав Кякуфудзи Норику, та группа вне всяких сомнений будет игнорировать мою персону, даже если приметит. А возможно, за пределами школы они даже не узнают свою одноклассницу, которая перевелась только совсем недавно, пока не окажутся рядом и не окликнут, чтобы уточнить моё имя.

Однако это всего лишь логическое рассуждение, а Ойкура Содати не из тех людей, кто безоговорочно подчиняется логике, если ей что-то угрожает. Когда ситуация застаёт меня врасплох, я не могу думать о чём-то другом, кроме как выбрать вариант бегства.

Но на этот раз лучше было бы поступить нелогично. Самый оптимальный вариант. Чувствовала же спинным мозгом, что лучше сейчас же бежать отсюда!

Если бы я так и сделала, то не услышала бы этого.

Если бы я бросилась наутёк, мне бы удалось изящно избежать дальнейшего развития событий. Однако я проворонила даже этот момент.

Можно оправдываться, мол, проявила чрезмерную осторожность, беспокоясь о том, что они, скорее всего, услышат, как я бегу, и всё такое. Но был ли в этом хоть какой-то смысл, если учесть, что музыка в зале гремела, а эхо разносилось по всему торговому центру?

Может, и был.

Потому что, несмотря на музыку, я услышала, как Судзубаяси Лили обратилась к стоящей рядом с ней однокласснице... Хатамото.

Хатамото? Хатамото Аякари?

Примечания

1. «Пурикура» (сокр. от Print Club) — популярные в Японии фотокабинки с возможностью редактировать только что отснятые фотографии. На выходе после всех манипуляций получается клейкая с обратной стороны глянцевая карточка размером с открытку, на которой размещается несколько снимков.

2. У слова «гамбо» есть два значения. Первое — глазница, парная полость в черепе, в которой находится глазное яблоко. Второе — ширина взглядов, способность оценивать перспективу чего бы то ни было.

У нас с Судзубаяси Лили произошла небольшая стычка перед воротами школы, к тому же в моих глазах она выглядела настоящим лидером класса, поэтому я отлично запомнила её, но, само собой, не могла с точностью сопоставить имена и лица всех, кто находился в той группе, поскольку училась вместе с ними всего лишь пять дней.

Поэтому, заметив среди них незнакомую девочку, я подумала про неё, что это просто «некто из нашего класса». Незнакомой девочкой оказалась не абы кто, а сама Хатамото Аякари — прогульщица, которая не показывалась в школе уже в мой первый день после перевода.

Вид весело проводящей время вместе с одноклассниками в развлекательном центре Хатамото Аякари разительно отличался от сложившегося у меня представления о ней как о человеке, не желающим посещать занятия. Но после того как другие люди из группы так же, как и Судзубаяси Лили, несколько раз назвали её по фамилии, сомнений у меня не осталось: это точно она.

Ну и что?

Абсолютно без разницы.

Я не собираюсь использовать доводы, основанные на формальном предубеждении, да к тому же неразумные, и винить её в необдуманных действиях (эта прогульщица развлекается с одноклассниками, а значит нет никакой болезни, по причине которой она и не посещает занятия). В сущности, не только для меня нет такого закона, который ограничивает в возможностях веселиться. Когда я не ходила в школу, то сидела дома, заперев себя от остального мира, но это всё особенности и проблемы моей личности: я просто не могу веселиться, даже если бы у меня была такая возможность. Думаю, люди обязаны каким-то образом избавляться от стресса, накапливающегося из-за нестандартных и неожиданных ситуаций, которые случаются с ними время от времени. И в этом смысле нет никаких существенных различий между учёбой Юругасэ Амико в подготовительной школе и весёлым времяпрепровождением Хатамото Аякари в развлекательном центре.

Отношения Юругасэ Амико и Хатамото Аякари испортились, и последняя сблизилась с группой, где главенствует Судзубаяси Лили. Прибилась к другому «боссу», который противопоставляет себя бывшему гегемону класса. Но я бы не стала называть поступок Хатамото Аякари предательством.

Она хочет веселиться, и здесь нет ничего плохого.

Однако всё в корне переменялось, стоило только услышать, что Хатамото Аякари и Судзубаяси Лили весело и задорно обсуждают, как они смогли довести Юругасэ Амико, и та теперь не посещает школу. Да так, будто обе достигли чего-то великого... Словно вся их группа собралась сегодня здесь, чтобы отметить это событие.

Ну-у...

По правде сказать, я считала, что Хатамото Аякари как и другие одноклассники должна была возрадоваться, услышав, что Юругасэ Амико тоже пришлось прогуливать школу, и

приговаривать, мол, так ей и надо. Всё-таки неправильно требовать от неё нравственного отношения, каких-то справедливых чувств и ждать, что она будет испытывать вину. Вопросами нравственности должно заниматься государство, а не отдельно взятый человек¹. Однако если всё это заранее спланированная хитрость, тогда уже другой разговор.

Хоть я и сделала вывод, что они спланировали всё, но моя гипотеза притянута за уши: характерное до меня допущение. Я ведь не знаю наверняка. Из подслушанного разговора нельзя было однозначно понять, что у них вышло случайно, а что — умышленно.

Уверена, что неприязнь Хатамото Аякари к Юругасэ Амико копилась долгие годы, их случайная ссора стала последней каплей в чаше терпения. Да, нужно смотреть через эту призму, так будет ближе к истине. Неизвестно только, правда ли Хатамото Аякари с умыслом не явилась на следующий день в школу?

Что, если Судзубаяси Лили, скрыто враждующая с Юругасэ Амико, воспользовалась этими двумя событиями и развернула ситуацию в свою пользу: с одной стороны, выставила главного гегемона злодеем, затем изолировала его, а с другой — перетянула в свой лагерь Хатамото Аякари, убедив её продолжать прогуливать, чтобы наглядно демонстрировать, к чему привела тирания Юругасэ Амико? Вдобавок второй «босс» класса, наверно, всячески препятствовала примирению двух сторон?

А может, это не Судзубаяси Лили взяла на себя инициативу, а сама Хатамото Аякари пошла однокласснице навстречу? Хотя ей, по идее, трудно даётся общение с людьми, но что, если Хатамото Аякари, издавна недовольная отношением Юругасэ Амико, всё же воспользовалась единственным шансом, когда та спустила на неё собак, чтобы устроить, наконец, революцию?

Разумеется, могут быть и другие варианты... Возможно, в группе Судзубаяси Лили есть настоящий серый кардинал, который подобно какому-то решале устраивает «тёмные» дела. Доводя логику до абсурда, можно даже предположить, что на самом деле всеми незримо руководила Кякуфудзи Норика, которая даже не входит в их группу... А что? Если вся логика растоптана в труху, я не исключаю и такой возможности.

Ситуация настолько запутана и необъятна, что аутсайдеру, недавно перешедшему в новый класс, ни за что её не понять. Случайно подслушав их разговор, я могла только предполагать, как дела обстоят в реальности.

Как бы то ни было, истина остаётся непоколебима: Хатамото Аякари сговорилась с Судзубаяси Лили, чтобы довести Юругасэ Амико.

И чем дольше я слушала их, тем сильнее убеждалась, что права.

Чем дольше слушала, как эти две девушки без всякого стеснения и малейшего намёка на угрызания совести с желчью обсуждали Юругасэ Амико в присутствии других ребят, тем больнее мне было (даже хотелось заткнуть уши) и тем сильнее я убеждалась в непоколебимой истине.

Э-эх... Ну за что?

Почему я это услышала?

После всех своих походов я думала, что всё кончено, и больше не хотела искать правды.

Не стану утверждать, что осталась довольна разговором с Юругасэ Амико, но он так или иначе должен был поставить точку во всей истории. Почему эти девочки пытаются затащить меня в своё болото интриг?

Нет, ни Судзубаяси Лили, ни Хатамото Аякари никуда не пытаются меня затащить. Для них я не более чем второстепенный персонаж. И не важно, трагедии или комедии. Они всё равно ничего не собираются со мной делать.

Так что это не меня затащили в болото, а я сама прыгнула в него с разбегу... Ну правда, нужно перестать впутывать себя куда-то и поступать так, как я бы никогда не поступила. Вот и эти неприятные ощущения пришлось испытать только потому, что я зашла в развлекательный центр... Поэтому теперь надо стать более похожей на саму себя.

Действовать импульсивно, истерично, рефлексивно.

Вот она, типичная Ойкура Содати.

О да, скромность, как раз достойная такой дуры, как я.

И поведение, полностью мне присущее, ведь я *не* особенный человек.

Я выскочила из-за колонны. Нет, не чтобы убежать. Наоборот, бросилась к группе, которая обступила двух девочек, и на полном ходу ворвалась в толпу.

Целью была Судзубаяси Лили.

Если считать соучастниками всех, кто был в этой группе, то по сути не так уж и важно, кого из них выбирать, но для меня было очевидно, что лучше всего, за вычетом Хатамото Аякари, для дела подойдёт так называемый лидер.

Зачем мне это, спрашиваете? Нет, я вошла в раж не для того, чтобы врезать ей. Хотя, по правде сказать, уже настолько взбеленилась, что едва отдавала себе отчёт и была даже не прочь задать ей взбучку. Тем не менее я сохраняла рассудок, хоть и с трудом. Сохраняла, чтобы не забыть о поставленной цели — смартфоне Судзубаяси Лили, который она вертела в одной руке, продолжая увлечённо разговаривать с остальными.

Я ворвалась в толпу у разменных автоматов словно неуправляемая машина, у которой отказали тормоза. «А-а-а!» — пока остальные вопили от страха и неожиданности, я выхватила из рук Судзубаяси Лили нужное мне устройство.

Задание выполнено.

Нет, это только начало. Нельзя останавливаться, они превосходят меня численностью.

Не сбавляя темп, я бежала так быстро, как только могла, направившись в сторону ещё одного выхода, который находился на противоположной стороне развлекательного центра. Но на самом деле скорость бега бывшей прогульщицы и хикикомори не настолько высока, чтобы тягаться с остальными.

У меня нет выносливости, я скоро устану.

Нужно оторваться от них и отбежать как можно дальше, пока они всё ещё потрясены случившемся, чтобы выкроить время для следующей задачи.

Пробежав по тесной улочке, я вышла к мини-маркету и, зайдя за здание, припала к его стене. А затем спряталась в мусорном баке у торгового автомата.

На моём лице расплылась самокритичная улыбка. Как же это всё-таки похоже на меня — в такой сложный момент надеяться на мусорный бак, поставленный где-то на задворках. Я правда самый настоящий мусор.

«Ну а вы ещё дерьмовее меня!»

Пробормотав это себе под нос, я полезла в её смартфон. И хотя своего у меня не имелось, где-то на интуитивном уровне было понятно, как им пользоваться. В сущности, такие портативные устройства настолько легки в обращении, что для них даже не требуется инструкция по эксплуатации.

Перво-наперво я включила автономный режим.

Если не ошибаюсь, современные компании, занимающиеся производством мобильных телефонов, уже давно предоставляют услуги безопасности разного толка. Они без труда могут установить месторасположение устройства и дистанционно стереть хранящиеся на нём данные. Но если обрубить сигнал, перейдя в автономный режим, их процедуры теряют всякий смысл.

По идее.

Впрочем, у меня нет в этом твёрдой уверенности. Да и вообще, Судзубаяси Лили с остальными уже должны были прийти в себя, так что не удивлюсь, если рано или поздно они меня обнаружат, прочёсывая округу, поэтому медлить нельзя. Не сомневаюсь, что она не стала вызывать полицию, однако на её стороне так много людей, что... у них получится настоящая поисковая операция, в отличие от того, что я назвала обыском в попытке найти Юругасэ Амико.

Мне теперь не отделаться от неё одними извинениями.

Раз уж начала, значит, надо довести дело до конца.

Включив автономный режим, я попыталась разблокировать смартфон, проведя по его экрану пальцем, но, как и ожидалось, он потребовал ввода пароля.

Э-эх, так и думала.

Нужно ввести четырехзначное число.

Я почувствовала, как вниз по щеке поползла капелька холодного пота... А может, это была слеза.

Мои устные показания о сговоре, о котором я подслушала, стоя за колонной в зале развлекательного центра, не обладают доказательной силой. Поскольку у меня нет мобильного телефона, я не могла продемонстрировать приёмы, к которым прибегают современные детективы, например, тайно сфотографировать их или записать диалог.

Потому что я отставшая от времени деревенщина... А вот для городских детей смартфон уже словно часть тела.

Часть тела... и даже мозгов.

Если Судзубаяси Лили и Хатамото Аякари объединили силы и спланировали, как низвергнуть Юругасэ Амико, значит, в какой-то момент совершенно точно пользовались смартфонами, чтобы обсудить свои действия.

И в таком случае здесь куча улик: смски или имейлы, сообщения в групповом чате, социальной сети или ещё где.

В связи с появлением интернета и смартфонов возникли новые социальные проблемы: отношения среди учеников средних и старших школ усложнились, люди стали меньше общаться вживую, стали агрессивнее, озлобленнее. С другой стороны, это мне только на руку, поскольку пользователи цифровых устройств неминуемо «оставляют следы», а значит, и стопроцентные доказательства своей деятельности.

Анонимность у них, видимо, не в почёте.

Достаточно детально исследовать информацию на смартфоне лишь одного человека, и получится выстроить цепочку всех событий... А стоит афере вскрыться, и следом вся клика заговорщиков распадётся в мгновение ока.

Поскольку производители мобильных телефонов понимают, что личные данные пользователей надо беречь, защита у этих устройств по большому счёту серьёзная, и она не ограничивается функцией дистанционного удаления данных. Я слышала, что в зависимости от конфигурации телефоны также могут отформатировать карту памяти и вернуть заводские установки при многократном введении неправильного пароля.

Но даже если здесь не имеется такой защиты, у меня всё равно нет столько времени, чтобы перебирать все десять тысяч вариантов. Я должна разблокировать смартфон Судзубаяси Лили быстро, а именно одним точным попаданием. И если не смогу, мне конец.

Вернув себе смартфон, то есть вернув уверенность в том, что она и её друзья снова в безопасности, Судзубаяси Лили может не простить меня и сдать в полицию.

Я совершаю одиозные поступки, вызывающие нарекания, и говорю это не только о краже телефона, но в целом о своём поведении. Так что в каком-то смысле я преступник в бегах, и мне крайне не хотелось бы, чтобы всё закончилось в полицейском участке.

Четырёхзначный номер. Один вариант из десяти тысяч.

Поскольку я олицетворение невезения и несчастья, то обязательно промажу не то что в случае, если шанс попасть окажется пятьдесят на пятьдесят, а даже если в запасе у меня будет девять тысяч девятьсот девяносто девять попыток из возможных десяти тысяч. Однако...

Мои размышления прервал сильный шум: кто-то мощно врезал ногой по укрывшему меня мусорному баку, отчего тот опрокинулся... Я вылетела наружу, на мою голову посыпались пустые жестяные банки и пластиковые бутылки.

Закрывая лицо руками, сквозь пальцы я увидела, что мне преграждает путь какой-то старшеклассник с дьявольским выражением лица. Громким голосом он подозвал сюда всех остальных. Не успела я глазом моргнуть, как Судзубаяси Лили, Хатамото Аякари и другие члены группы тут же подбежали и обступили меня.

Почему-то показалось, что людей прибавилось по сравнению с тем, сколько их было в развлекательном центре... Наверное, позвала подмогу?

Так здорово — иметь много друзей.

Но несмотря на то, что эти парни и девушки не издевались надо мной физически, они в открытую и безжалостно насмехались. Им так сильно хотелось оскорбить меня?

Что же, у них это получилось.

Сколько бы я ни сносила оскорблений, иммунитет к ним так и не выработался, поэтому каждый раз мне больно их слышать... Так что нет прощения людям, притворяющимся обиженными и несчастными; тем, кто берёт на вооружение показушную слабость.

Нет прощения тем, кто ещё хуже и бездарнее меня.

И вдруг среди ругани, что сыпалась на меня градом, я услышала вопль, который был громче всех: «Чё за хрень ты устроила, а?» — в тоне Судзубаяси Лили слышалась угроза, и у неё это получилось куда страшнее, чем у Юругасэ Амико.

Но в ответ на вопрос, который мог бы положить начало нашему диалогу, я, показав Судзубаяси Лили разблокированный экран смартфона, где был запущен мессенджер, вернула её же слова: «А сама-то что устроила?»

Ей хватило этого жеста, чтобы понять: я уже успела порыться и почитать некоторые сообщения.

Толпа замолкла. А Хатамото Аякри побледнела как полотно... Эти ребята могут сколько угодно дебоширить и воображать себя победителями, будто перевес всегда на их стороне, но в конце концов они же старшеклассники и быстро шевелят мозгами.

По-видимому, они уже обо всём догадались.

И о том, почему я вырвала телефон у Судзубаяси Лили, и о том, что их замысел, так сказать, пошёл насмарку.

...Строго говоря, у них есть один-единственный способ переломить ситуацию в свою пользу. Они уже окружили меня и теперь осталось только избить всем скопом, чтобы насильно отобрать мобильный телефон. Это для них не составит труда.

Однако в таком случае инцидент перерастёт в нечто серьёзное.

Если они готовы пойти на это, тогда я в проигрыше.

Делайте со мной что хотите. Или не хотите.

Несмотря на шаткое положение, я загоготала во весь голос, после чего Судзубаяси Лили бросила мне такой взгляд, будто приведение увидела, а затем, стиснув зубы от досады, рывкнула: «Я чёт не поняла, ты терь в своре Юругасэ?»

Свора Юругасэ? Это ещё что?.. Судзубаяси Лили хочет спросить, мол, неужели в моих глазах Юругасэ Амико, которую она сделала изгоем класса, выглядит настолько хорошим и добропорядочным человеком, что за неё хочется заступиться? «Знаешь, после всех твоих дел у тебя тоже больше нет права удерживать позицию лидера». — «А-а? Так чё, ты не с ней? Тогда с кем? Ради кого творишь всякую хрень? Кто так тебя обработал? Чья система ценностей у тебя в башке?» — Судзубаяси Лили напирала и напирала на меня, засыпая вопросами, и её тон становился все выше и тоньше, пока не сорвался на пронзительный визг, и, когда мне надоело это выслушивать, я ответила ей полушутя-полусерьёзно:

«Арараги».

Примечания

1. По сути Содати хочет сказать, что если внешние обстоятельства влияют на человека так, что он вынужден совершить отрицательный поступок, значит, винить нужно не конкретно этого человека, а общество в целом. Государство, воспитывая в людях гуманистические идеалы, обязано не допустить возникновения условий, в которых индивидuum усваивает для себя нечто отличное от достойных человека отношений, теряя нравственность и моральные ориентиры.

Как мне удалось подобрать пароль и разблокировать смартфон Судзубаяси Лили? Ничего сложного, никаких длинных объяснений. Юругасэ Амико любезно поделилась со мной всей информацией касаясь второго «босса», в том числе сообщила назвать дату рождения, и я просто ввела её в смартфон, сократив до четырёх цифр.

Людей постоянно предупреждают, что нельзя использовать дату рождения или однообразные числа в качестве пароля, но всё без толку: они как пренебрегали, так и продолжают пренебрегать советами. Это важно взять на заметку.

Ну, лучше было поставить на дату рождения, чем бить вслепую, и я, несомненно, крупно рисковала, хотя у меня имелись и другие варианты на случай, если первый окажется неправильным... А в худшем случае можно было бы припрятать её смартфон и по-хитрому выкрутиться. Но характер у меня вспыльчивый, долгих и напряжённых переговоров мне не выдержать, так что я всем сердцем радовалась и чувствовала облегчение, что обошлось без них.

Разумеется, это вовсе не значит, что мне повезло. Просто какими бы строгими ни были меры безопасности, они легко сводятся на нет из-за лени и халатности ответственных за них людей. Это уже прописные истины, даже не нужно приводить в пример охраняемый вход в ту самую подготовительную школу.

Судзубаяси Лили, конечно же, не ожидала, что противник, Юругасэ Амико, запомнит её дату рождения... Хотя помнить дни рождения одноклассников — отнюдь не качество хорошего лидера, так что ей не об этом стоит сожалеть.

Как бы то ни было, вот и весь трюк, который вызволил меня из затруднительного положения.

Но что же случилось потом?

Заполучив неопровержимые доказательства, я предъявила злоумышленникам официальные обвинения, однако, несмотря на радость, с которой разоблачила их, моя противоречивая натура решила дать им шанс исправиться и стать порядочными людьми. Куда лучше, чем я сама. Шанс, который кто только мне ни давал... Шанс, которым я ещё ни разу не воспользовалась правильно. Искренне хочется, чтобы эти парни и девушки не упустили его.

«Юругасэ Амико, скорее всего, всё ещё в кабинете для самостоятельных занятий в той подготовительной школе, поэтому сейчас же иди туда. Плевать, как ты будешь с ней объясняться и что выдумашь, но помирись любыми способами. Сделаешь — верну смартфон», — решительно заявила я Судзубаяси Лили, от которой все вокруг ждали каких-то действий, свойственных лидеру, несмотря на то, что она потерпела сокрушительное поражение.

Может, моё требование показалось нелепым, но, принимая во внимание ситуацию, ей был вынесен исключительно жёсткий судебный приговор.

Приговор верховного суда, где судья — худший человек во всём мире. Прошу только, приведите его в исполнение.

Не известно, узнали Судзубаяси Лили и Хатамото Аякари во мне чудовищного лицемера или нет, когда я говорила эти слова, только решение они приняли быстро и бросились прочь. Остальные одноклассники, занимающие в иерархии ступени пониже, побежали за лидером следом. Скорее всего, они либо ничего не поняли, либо ошибочно посчитали, что это их тоже касается.

Юругасэ Амико и Судзубаяси Лили.

Юругасэ Амико и Хатамото Аякари.

Двое врагов и двое бывших друзей.

Я испытывала живой интерес к судьбе этой троицы: что же они друг другу скажут и как всё обернётся? Однако это уже, к сожалению, не моего ума дело. Хотя по правде сказать, не такая уж интересная ситуация сложилась. Я давно перестала интересоваться людьми.

Когда на следующий день я увидела в школе Юругасэ Амико и Хатамото Аякари, мне показалось, что им как тёртым калачам всё-таки хватило мудрости кое-как разрешить конфликт... Хотя Юругасэ Амико не дура, в отличие от меня, и что бы ей там ни наговорили одноклассники, она никак не могла повестись на их отговорки. Однако в то же время таким глупцам, как я, не хватило бы житейской мудрости пойти на уступки и спустить всё на тормозах.

Как бы то ни было, класс наконец собрался в полном составе. Не могу сказать, что для них всё стало по-старому, как это было после разрушения иерархии. Да и, скорее всего, как прежде уже никогда не будет, но все старательно делают вид, что якобы ничего не изменилось. Наверно, это характерно для людей в юном возрасте. Впрочем, ко мне эта проблема не имеет никакого отношения.

Серьёзно, она меня не касается.

Юругасэ Амико опять дружила с Хатамото Аякари, хотя их отношения так и остались в некоторой степени натянутыми. Диархическая система вошла в баланс, и лидерами класса снова были Юругасэ Амико и Судзубаяси Лили. В то же время они так и не решили, как обращаться со мной.

И это неудивительно.

Для Судзубаяси Лили я превратилась в последнее ничтожество, несмотря на то, что вернула ей смартфон, а Юругасэ Амико не без оснований подозревала, что я как-то по-странному причастна к резкой перемене в классе. Тем более что это случилось после моего дерзкого налёта на подготовительную школу. Я изо всех сил прикидывалась, будто ничего не знаю, но подозрения остались.

Я даже втайне надеялась, что, может, одноклассники признают моё превосходство, но они не только не воздали мне по заслугам, а продолжили сторониться.

Другими словами, я единственная, кто так и остался изгоем и чьё положение лишь ухудшилось. Замешанные во всей этой истории одноклассники то и дело поглядывали на меня с подозрением, и в их глазах читалось: «Чего она только добивалась?»

Я хотела просто сфотографироваться в «Пурикура» и всё...

Вряд ли, конечно, меня ждут неприятности в том развлекательном центре, но я как-то не могу заставить себя снова туда пойти. Вероятно, моё маленькое желание всё равно не исполнилось бы, как раз наоборот: на фотографии мой взгляд получился бы ещё суровее.

Я бросилась исполнять желание, не обдумав его как следует. Можно сказать, что мы с Арааги очень похожи в плане скоропалительных решений. Хм, а интересно, удалось бы ему поступить умнее в моём положении? Хорошо, что я первой накинулась на одноклассников, поскольку, если бы первыми напали они, вполне вероятно, что всё закончилось бы плохо. Этой философии я научилась у Арааги.

В общем, на сей раз...

На сей раз мне повезло, что я услышала, как Хатамото Аякари строила козни (и за это ей большая благодарность), иначе бы просто никогда не выскочила из-за колонны. С точки зрения психологии, когда человек видит, что люди, пострадавшие вследствие каких-либо инцидентов, вновь попадают в тяжёлую ситуацию, он пытается убедить себя, выстраивая в голове цепь логических умозаключений, что от проблем никто не застрахован или что они заслужили наказание, поскольку, например, творили ужасные вещи в прошлой жизни и всё такое. Однако на сей раз мне повезло, что эти парни и девушки случайно показали, из какого дерьма состоят. Впрочем, загнанная ими в изоляцию Юругасэ Амико не обмолвилась со мной и добрым словом, но я всё же рада, что мир уже насовсем потерян¹.

Разумеется, самой большой кучей пропадающего дерьма является не кто иная, как я.

Если человек не в состоянии чего-либо достичь, он, естественно, может только терять.

А-а, кстати... Секундочку, я не могу сказать, будто только теряла и ничего не приобрела, кроме осознания, что стала ещё хуже разбираться в людях². Было кое-что ещё; нечто, что даже я смогла заполнить в качестве «побочного продукта».

Чета Хакобэ больше не могла оставаться в стороне, видя, что я так и не завела себе друзей даже после того, как начала новую жизнь, и всучила мне смартфон, попросить который я стеснялась. Было бы лукавством говорить, что я не радовалась этому, хотя моя изоляция в первую очередь вызвана отсутствием навыков, а не средства общения.

Заимев смартфон, я начала пусть и ненамного, но всё-таки сильнее ощущать себя настоящей старшекласницей. С ним мне стало как-то веселее... Ну, что тут скажешь, у меня довольно незатейливая психика, несмотря на всё моё упрямство.

Разумеется, паролем я выбрала случайное четырёхзначное число.

Но список контактов в смартфоне был практически пуст, не говоря уже об отсутствии сообщений в социальных сетях или входящих по смс, поэтому на деле такая защита была ни к

чему... Пока я еле-еле передвигала свинцовые ноги, ковыляя, как обычно, одна в сторону школы, в голове крутились самоуничижительные мысли: я уговаривала себя, что всё изменится через полмесяца, только потерпи, потерпи ещё пару недель... как вдруг смартфон зазвонил.

Нет, это было не сообщение, на экране высветился единственный номер, записанный у меня в контактах, а именно домашний телефон Хакобэ.

Что-то забыла дома? Озадаченно склонив голову, я кликнула на «трубку». Это была тётушка Хакобэ... Она сказала, что после моего ухода в домофон позвонил человек. Судя по всему, мы с ним чуть-чуть разминулись.

Неужели кто-то пришёл ко мне? Сердце ёкнуло.

Переборов смущение, я спросила: «Это... м-мальчик примерно моих лет? Небольшого роста? По нему ещё видно, что математика — его конёк?» — «Нет, это совсем не мальчик», — незамедлительно возразила тётушка Хакобэ.

К дому пришёл мужчина средних лет, мертвецки пьяный с самого раннего утра. Более того, он кричал нечто нечленораздельное, но в его оре тётушка услышала, что он назвался моим отцом.

«Хорошо-о, я поняла. Сейчас подойду-у».

Ничего страшного, я буду в полном порядке.

Примечания

1. В довольно избитом оптимистичном выражении *«ё но нака ва сутэта моно дзя най»*, которое означает «мир не так уж и плох» или «мир ещё не совсем потерян», Содати меняет отрицание на утверждение.

2. Как и в случае с двояким прочтением слова «гамбо» (глазница или широта взглядов) у слова «ганко» тоже есть два значения: искорка в глазах и проницательность, то есть способность понимать сущность вещей, какие они есть на самом деле.

Послесловие

Грань между дураком и гением настолько тонка, что не разберёшь, где кончается одно и начинается другое... Знаете, по мере того как я писал это предложение, мне стало казаться, будто это действительно так. Однако, если подумать логически, не могу не согласиться с тем, что дураков и гениев разделяет огромная пропасть. Здесь я хотел бы особо отметить, что в мире нет ничего важнее логики и здравого смысла. Ведь если пойти от абсурдного и сказать, как я уже сделал выше, что грань между дураками и гениями невероятно тонка, тогда получится, что мы различаем этих людей, только доверяясь какому-то расплывчатому понятию. В нашей истории существует несчётное количество примеров, когда гениев, непонятых общественностью, считали за полных дураков. Но случалось и обратное, причём такие явления происходили с ужасающей частотой. Означает ли это, что гений не может быть гением, если к нему не относятся как к гению? А может ли дурак стать гением, если его возведут в этот ранг? Давайте на время отойдём от образов великого гения и гиперболизированного дурака и посмотрим на реальную жизнь, после чего сразу станет ясно, что гениальность и глупость — вещи относительные и что к людям нельзя относиться так категорично. Настоящего гения или дурака выделяет из толпы то, что их очень мало в сравнении с обычными людьми, поэтому каждый из них находится в крайне невыгодном положении, когда примыкает к какой-нибудь группе. В таком случае гению жизненно необходимо обладать талантом, который позволит достичь полного понимания со стороны окружающих, согласитесь? Талантом, который поможет выстоять под напором антипатии и непонимания... Или, если говорить откровенно, талантом, который обеспечит беспрекословную поддержку среди остальных. Выходит, единственное, что в конечном счёте беспокоит гения — это придумать способ, как заполучить всеобщую любовь, а не покрасоваться природной даровитостью или создать образ хозяина своей жизни? С другой стороны, дурак может надеть непробиваемую маску загадочности, чтобы как можно сильнее запутать общественность и скрыть ото всех свою глупость, изображая гения. Получается, виновными в том, что грань между дураком и гением размыта, являются простые люди, которые простодушно поддерживают и тех, и других (простите за каламбур).

Как видите, эта книга является сборником рассказов с тремя глупенькими девочками в главных ролях. Ойкура Содати, Камбару Суруга и Арараги Цукихи. Вот только каждая из них троих глупа по-своему. Точнее, показывает характерную только для одной себя сторону глупости. Надеюсь, истории об их пустяковых неудачах взволновали вас до глубины души. Что же, поскольку серия лайт-новел закончилась, у меня теперь появилась возможность написать нечто вроде сборника нулевых эпизодов и, если читателям придутся по душе истории о несгибаемой Ойкуре, непоколебимой Камбару и бессмертной Цукихи, я, быть может, даже напишу их продолжение. Говорят, чтобы наверняка отличить гения от дурака, нужно смотреть, есть ли у человека талант упорно трудиться, но мне кажется, куда важнее иметь талант упорно трудиться, при этом никаким талантом не обладая, чего этим трём девочкам точно не занимать. Вот и, в принципе, всё. Эта книга была написана на 100% по старой привычке. Вы читали Orokaomonogatari из Monogatari Series Off Season, рассказы «00. Фиаско Содати», «00. Тупица Суруга» и «00. Отмена Цукихи». А, я назвал этот том чем-то вроде сборника нулевых эпизодов и говорил об их продолжении... Наверное, этого всё-таки не будет.

Благодарю VOFAN за то, что он согласился нарисовать для обложки Ононоки Ёдуги, которая в последнее время переживает бурный рост популярности (среди художников). На её долю

выпали самые тяжёлые испытания в этом томе, поэтому я очень рад, что ей досталась такая милая обложка. Также выражаю особую благодарность третьему издательскому отделу департамента художественной литературы «Коданся» за предоставленную возможность продолжать писать для «Цикла историй», несмотря на то, что серия лайт-новел завершена. Надеюсь, вам понравится аниме-сериал, который сейчас выходит на экранах¹, мы подошли к самому интересному и захватывающему месту. Ещё увидимся!

Нисио Исин

Примечания

1. К моменту выхода этого тома (05.10.2015) уже началась трансляция Owarimonogatari.

Послесловие команды

От переводчика

Спешу поздравить всех читателей с Новым годом! Мы с редактором очень сильно постарались, чтобы в преддверии праздника преподнести фанатам Monogatari Series подарочек в виде «Историй глупости». Если бы Rungerd не подначила меня участвовать в релизопаде и не проявила затем самоотверженность, последние несколько месяцев тратя кучу свободного времени на редактуру, том так и не увидел бы свет к новогодним праздникам. Надеюсь, книга понравилась вам так же сильно, как и нам!

Начало 4 сезона «Цикла историй» включает три прекрасных рассказа в трёх разных жанрах (психологический, детективный и юмористический) о трёх персонажах, которые давно не находились в центре внимания. К тому же у Содати и так было незаслуженно мало «экранного времени», поскольку она довольно поздно введена в общий сюжет, но в этом томе Нисио Исин возместил ей сполна. Автор показал особенный, чувствительный и в то же время извращённый внутренний мир Содати, изобразив «диалектику души» своей героини и окунув читателя внутрь её «я». Думаю, ни один человек (особенно прошедший через аналогичные ей трудности) не останется равнодушным, прочитав о злоключениях Содати, которая сражается за свою жизнь, борется сама с собой, а не с чем-то сверхъестественным.

Также не может не радовать, что старая сюжетная линия с демоном Рэйни получила новое развитие. На фоне мистики и загадок, связанных с «недобрым наследием» своей матери, Суруга (не без помощи «точной копии прошлогодней себя») наконец находит цель в жизни, борясь с одиночеством после выпуска двух друзей из старшей школы, и понимает, к чему должна стремиться, чтобы стать ни на кого не похожей. Можно говорить, что это глупая цель или что Суруга — жертва обстоятельств, которой попросту манипулировали, но если она уверена, что это поможет ей стать лучше, то героине стоит только пожелать удачи. На мой взгляд, она давно заслужила право вырваться из пут «ещё одной девочки из „гарема“ Арараги» и получить новый толчок в развитии своего персонажа. Стоит отметить, что Нисио Исин заканчивает рассказ на интересном месте, и лично мне очень хотелось бы ещё раз встретиться с Суругой, чтобы узнать, как сделанный выбор повлиял на её жизнь.

Ну а в последней арке автор решил устроить нечто вроде «разрядки смехом». После двух серьёзных и тяжёлых историй, естественно, напрашивалась необходимость в чём-то лёгком и незамысловатом, и «Отмена Цукихи» справилась с поставленной задачей как нельзя лучше, несмотря на напряжённый финал. Главная ценность рассказа заключается в возможности «заглянуть в голову» безэмоциональной странности, Ононоки Ёцуги, и узнать эту куклусикигами поближе. Наблюдая за ходом её мыслей, мы впервые видим, как Ёцуги, попав в критическую ситуацию, из которой нет выхода, подобно живому существу испытывает страх. Однако примечательно, что это не первобытный инстинкт самосохранения, а ситуативный

страх, эмоция, настоящая боязнь «отправиться на тот свет», которую она испытывает, будучи в предсмертном состоянии. В самый тёмный момент её «жизни трупом» мы видим искреннее желание «жить дальше», поэтому не удивительно, что, пройдя через эти трудности, Ёцуги под конец немного меняется и «очеловечивается». Вот только пойдёт ли ей это на пользу?

Подводя итог, скажу, что мне очень понравилось работать над этим томом, ведь за прошедший год я узнал для себя много нового. Чем дольше занимаюсь «Циклом историй», будь то перевод аниме-адаптации или ранобэ, тем сильнее влюбляюсь в эти произведения. Многие считают, что Нисио Исин «доит» серию и ему нужно было остановиться на 3 сезоне. Но, по-моему, в этом нет ничего плохого, пока у него получается писать интересно об интересных вещах, что как раз подтверждают «Истории глупости» в частности и, как мы увидим дальше, 4 сезон в целом. Честно признаюсь, не хотел быть многословным, это получилось как-то само по себе. Ладно, пора закругляться.

Вкратце о планах на 2018 год: я собираюсь продолжать работать над «Циклом историй», но как скоро выйдет следующий том — вопрос на данный момент без ответа. Жизнь, знаете, такая штука: никогда не знаешь, как повернёт. После довольно затяжного и напряжённого периода работы хочется устроить себе небольшой отдых, но в следующем году, я думаю, мы непременно увидимся с новыми историями!

От редактора

Для начала, спасибо, что прочли нашу работу. Мне никогда не приходилось участвовать в релизопаде, и вот в сентябре этого года нашей команде выпал такой шанс.

Признаться, книгу открывает достаточно «скучная» и даже местами «нудная» история Содати. Кому понравится читать свыше ста страниц о страданиях школьницы, которые и выеденного яйца не стоят? Однако эта повесть оказывает ошеломляющий эффект на того, кто знает природу одиночества и до сих пор задаётся вопросами, почему в общество никак не влиться, почему незримую преграду отторжения не преодолеть. С точки зрения человека, для кого проблема Содати — личная и непритворная, этот том бесценен. Под запутанными рассуждениями Содати таится мощная и живая страсть — полулюбовь/полуненависть к Арааги, которая стала стержнем, скрытой волей забытой всеми девочки. И когда эта негибкая воля расцветает, испытываешь что-то сродни катарсису. Возможно, после «Фиаско» читать другие истории уже не захочется.

Но все-таки хотя бы мельком гляньте всё. Вас поразит ужасающая наивность Суруги и безмерная хладнокровность трупа, пристрастившегося к мороженому.

Оставайтесь с нами, в новом году мы планируем напилить ещё некоторое количество томов. Счастливого Нового года!